ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ДВА ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЕННЫХ ТРАКТАТА

конца X века

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОЧНИКИ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко (сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель), С. С. Аверинцев, М. В. Бибиков, игумен Иларион (Алфеев), С. П. Карпов, Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский, И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров, И. С. Чичуров, А. А. Чекалова, И. И. Шевченко

О БОЕВОМ СОПРОВОЖДЕНИИ

ОБ УСТРОЙСТВЕ ЛАГЕРЯ

Издание подготовил
В. В. Кучма

Ответственный редактор
академик РАН ***Г. Г. Литаврин***

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2002

ББК Т3(0)44,01
УДК 949.5.02
Д 22

Два византийских военных трактата конца X века / Издание подготовил В. В. Кучма. Ответственный редактор академик РАН Г. Г. Литаврин. — СПб.: Алетейя, 2002. — 412 с. — (Византийская библиотека. Источники)
ISBN 5-89329-465-3

Книга представляет собой перевод двух военно-научных сочинений, которые датируются последней четвертью X века. Более ранний по времени трактат «De velitatione bellica» был первый и единственный раз опубликован в русском переводе в 1820 году. Отстоящий от него примерно на десятилетие трактат «De castrametatione» в полном виде на русский язык еще никогда не переводился: опубликованные в 1903 году Ю. А. Кулаковским первые 8 глав этого сочинения составляют не более одной трети его общего объема.

Перевод трактатов осуществлен по критическому изданию Дж. Дэнниса, вышедшему в свет в 1985 г. Вводные статьи, предпосланные текстам обоих памятников, построены на основе новейшей историографии. Основное внимание в комментариях уделено анализу военно-научных и военно-исторических реалий. Рассмотренные в тесной связи с предыдущей и последующей исторической традицией, сведения анализируемых руководств достаточно объективно и адекватно отражают уровень развития военной организации Византийской империи в конце X столетия.

Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся военно-исторической проблематикой.

ISBN 5-89329-465-3

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2002 г.
© В. В. Кучма, подготовка издания, 2002 г.

О БОЕВОМ СОПРОВОЖДЕНИИ

*

ΠΕΡΙ ΠΑΡΑΔΡΟΜΗΣ ΠΟΛΕΜΟΥ

*

DE VELITATIONE BELLICA

ББК 73(0)44.01
У 13 949.5.02

ГПНТБ им. И.А.Норейки
Отдел хранения и
обслуживания читателей
Сектор хранения фонда

Война есть наука
для людей выдающихся,
искусство
для посредственных
и ремесло для невежд.

Фридрих Великий
(1712–1786)

ВВЕДЕНИЕ

Многолетний опыт работы над военно-научными сочинениями греко-римского и византийского периодов привел нас к наблюдению, которому мы пока не готовы дать какое-либо однозначное объяснение.

Обращает на себя внимание тот факт, что лишь очень немногие памятники полемологической письменной традиции, ставшие в своей основной массе достоянием научной общественности со времен Возрождения, постоянно остаются в поле зрения специалистов и привлекают стабильное внимание к себе со стороны все новых и новых поколений исследователей. В истории же изучения большинства памятников военной литературы прослеживается любо-

пытная цикличность. Как бы постоянно дрейфуя по информационному пространству византиноведения, тот или иной трактат под влиянием каких-то невидимых подводных течений вдруг оказывается перемещенным из периферийных сфер этого пространства к его центру. Тогда наступает звездный час данного исторического документа: появляются его новые издания (нередко — сразу несколько одновременно); в полемике вокруг его проблематики ревизуются старые и воздвигаются новые, самые смелые гипотезы. Но проходит время, и прилив сменяется отливом: трактат вновь оттесняется в маргинальные информационные сферы, где в течение следующих десятилетий ожидает нового поворота в своей судьбе.

Отмеченная цикличность в максимальной степени свойственна трактату, известному под условным наименованием «De velitatione bellica». Он стал известен специалистам в 20-х годах XIX века, когда в течение одного десятилетия появилось сразу два его критических издания (вместе с «Историей» Льва Дьякона)[1], на первое из которых весьма оперативно откликнулся русский переводчик[2]. Затем наступил

[1] *Leonis Diaconi Caloensis* Historiae libri decem et liber De velitatione bellica Nicephori Augusti. Ed. C. B. Hase. Paris, 1819; через несколько лет это издание было воспроизведено в Боннском корпусе — CSHB. Pars 14. Bonnae, 1828 (далее — CSHB, 14).

[2] История Льва Дьякона Калойского и другие сочинения византийских писателей, переведенные с греческого на российский язык Д. Поповым. СПб., 1820. Текст «De velitatione bellica» под названием «О сшибках с неприятелями, сочинение государя Никифора» помещен на с. 111–163 (далее — О сшибках).

период протяженностью семь–восемь десятилетий, когда названное военное руководство почти полностью выпало из поля зрения исследователей. В начале XX века трактат восстал из забвения: вокруг него развернулась острая дискуссия с участием двух признанных авторитетов в области военно-научной литературы — венгерского ученого (позднее академика) Рудольфа Вари и российского профессора (впоследствии также академика) Юлиана Кулаковского. В ходе полемики проблематика трактата обогатилась новыми гипотезами и блестящими эвристическими озарениями. Но дискуссия иссякла так же внезапно, как и возникла; последовал новый период в семь–восемь десятилетий, на протяжении которых трактат опять оставался практически невостребованным.

По прошествии этой традиционной для «De velitatione bellica» хронологической паузы увидели свет с интервалом в один год сразу два новейших критических издания[3], знаменующих радикальное переосмысление как проблемы авторства трактата, так и его общеметодологической стратегической концепции. В ряде публикаций последних лет мы уже откликнулись на эти новые идеи[4].

[3] Three Byzantine Military Treatises. Ed. G. T. Dennis. Washington, 1985 (пользуемся этим изданием. Далее при ссылке на источник — De vel. bell.; при ссылке на комментарии издателя — *Dennis*, De vel. bell.); Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969). Ed. G. Dagron et H. Mihăescu. Paris, 1986 (далее — *Dagron*, Traité).

[4] См.: *Кучма В. В.* Трактат «De velitatione bellica»: проблемы жанра и основного содержания // Византия и средне-

К настоящему времени с момента выхода в свет вашингтонского и парижского изданий «De velitatione bellica» уже минуло полтора десятилетия. Складывается впечатление, что очередная вспышка интереса к трактату уже сменилась очередной фазой его анабиоза. Хотелось бы надеяться, что предпринимаемое нами издание этого военно-научного руководства на русском языке внесет определенные коррективы в традиционную цикличность его историографической судьбы.

* * *

Греческое наименование анализируемого трактата (Περὶ παραδρομῆς πολέμου τοῦ κυροῦ Νικηφόρου τοῦ βασιλέως), скорректированное с учетом рукописной традиции[5], было предложено К. Б. Хазе. В осно-

вековый Крым. АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992; *Он же*. К проблеме авторства трактата «De velitatione bellica»: новая гипотеза / / ВВ. 1994. 55 (80). Часть 1; *Он же*. Трактат «De velitatione bellica»: историографические судьбы военно-научного сочинения / / Российское византиноведение: итоги и перспективы. Тезисы конференции. М., 1994; *Он же*. К вопросу о научно-теоретическом уровне трактата «De velitatione bellica» / / BS. 1995. LVI (2); *Он же*. Метод παραδρομή: феномен военной теории и боевой практики X в. / / ВО. М., 1996; *Он же*. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция / / Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1997; *Он же*. Обеспечение безопасности византийской армии в военных кампаниях конца X в. / / ВВ. 1999. 58 (83); *Он же*. Два трактата — один автор? / / ВВ. 2000. 59 (84).

[5] Подробная информация о рукописной традиции трактата изложена в издании Ж. Дагрона (*Dagron*, Traité. P. 13–

ву наименования был положен термин παραδρομή, с которого начинается текст трактата. Следует отдать должное проницательности издателя: даже не будучи военным специалистом, он чутко уловил ключевой смысл данного понятия в анализируемом сочинении и отчетливо понял, что для автора трактата слово παραδρομή имеет значение технического термина[6]. Как разъяснил сам издатель в своем комментарии[7], термин παραδρομή используется в тех случаях, когда нужно обозначить следующую ситуацию: противник, вторгнувшийся на территорию империи и совершающий по ней марш, находится под постоянным скрытным наблюдением и сопровождением сторожевых постов и авангардных частей византийской армии, также находящейся в мобильном состоянии. Главная цель означенных мероприятий состоит в том, чтобы не допустить разграбления собственных пограничных областей и при благоприятном стечении обстоятельств нанести поражение вторгнувшемуся неприятелю.

Если смысловая трактовка издателем вышеуказанного термина должна быть признана безупреч-

21). См. также: *Dain A.* Les stratégistes byzantins // TM, 2. Paris, 1967. P. 369–370.

[6] Можно добавить, что данный термин (в его военно-техническом смысле), очевидно, является продуктом оригинального творчества самого автора трактата: по крайней мере, ни в более ранних («Стратегикон Маврикия», «Тактика Льва»), ни в более поздних («De castrametatione») полемологических памятниках он не встречается ни разу.

[7] CSHB, 14. P. 513.

ной, то столь же однозначно, но уже как явную неудачу, следует расценить попытки его перевода. Неоднократно встречая термин в дальнейшем изложении, К. Б. Хазе так и не смог подобрать ему адекватного латинского эквивалента[8]. Когда же встал вопрос о переводе предложенного греческого наименования трактата на латинский язык, К. Б. Хазе вообще отказался от попыток приведения к единому знаменателю всех многообразных оттенков значения термина παραδρομή и предложил именовать трактат «De velitatione bellica»[9]. В данном названии ключевое слово «velitatio» является понятием совершенно иного смыслового ряда, чем авторское παραδρομή, вследствие чего общий акцент названия существенно меняется[10].

Казалось бы, издатель не совершил явной ошибки, предложив именно такое наименование: действительно, трактат заполнен до отказа информацией о военных столкновениях. Но следует признать, что таким наименованием авторский замысел все-таки

[8] В различном контексте этот термин передается словами: «observatio», «consectatio», «insectatio» (CSHB, 14. P. 183, 194, 235, 243).

[9] К. Б. Хазе были известны два наименования трактата, предложенные его предшественниками. Одно из них («De re militari») он отвел как слишком общее; второе («De eventibus bellicis et excursione») отбросил без всяких комментариев — см.: CSHB, 14. P. 513.

[10] Создается, впрочем, впечатление, что К. Б. Хазе интуитивно сознавал некоторую некорректность предлагаемой им замены понятий: следы возникшего интеллектуального дискомфорта прослеживаются в тоне его комментария — см.: CSHB, 14. P. 513.

существенно трансформируется, поскольку описания военных столкновений не являются для автора самоцелью, — они лишь аксессуары того метода, ради разъяснения которого он и взялся за перо.

Обрисовав ситуацию, обозначаемую понятием παραδρομή, К. Б. Хазе также указал, что к этому термину весьма близко по значению другое понятие — παραμονή, которое предполагает, что наблюдение осуществляется над противником, находящимся не в мобильном, а в стационарном состоянии (возможные варианты: временный бивак, постоянный лагерь); в свою очередь, и само наблюдение производится не с подвижных боевых постов, а со стационарных. Слово παραμονή (а также производные от него) встречается в трактате даже чаще, чем παραδρομή. Не вызывает сомнений, что автор трактата также рассматривал его как технический термин, причем тесно связанный (если не парный) с термином παραδρομή. Вследствие этого при конструировании максимально точного названия трактата К. Б. Хазе было бы нелишним включить в него и термин παραμονή, поскольку из общей проблематики трактата очевидно, что этому термину придается важнейшее смысловое значение, а обозначаемые им действия составляют существенный компонет пропагандируемого автором метода.

Итак, мы полагаем, что лучшим вариантом названия трактата был бы тот, в котором присутствовали бы оба ключевых термина — и παραδρομή, и παραμονή, играющие роль квалифицирующих признаков авторского метода. Но поскольку предложенное К. Б. Хазе наименование трактата «De velitatione bellica» стало

своего рода каноническим, мы не считаем возможным выходить за его пределы — остается лишь предлагать возможные варианты его наиболее точной интерпретации. Мы уже приводили выше примеры латинских аналогий термина παραδρομή, предложенные К. Б. Хазе, — ни один из них не представляется нам полностью удачным. Вероятно, лучшим русским соответствием смыслу, который вкладывает автор трактата в данное понятие, был бы термин «боевое сопровождение», а в более узком, утилитарном смысле — термины «конвой», «конвоирование», так как в них органически сопряжены оба смысловых компонента понятия παραδρομή, когда и сопровождаемый, и сопровождающий объекты находятся в состоянии взаимосвязанного движения. Что касается переводов К. Б. Хазе термина παραμονή («observatio», «speculatio»[11]), то они особых возражений не вызывают; наилучшим русским эквивалентом мог бы быть термин «непрерывное (или — еще точнее — «контактное») наблюдение».

Таким образом, окончательный русский вариант наименования трактата «De velitatione bellica» мог бы выглядеть следующим образом: «О боевом сопровождении» — он, на наш взгляд, максимально адекватно соответствует замыслу его автора. В узко специальном смысле анализируемое сочинение можно было бы именовать «Трактатом о конвоях» или же «Регламентом о конвоях»[12].

[11] CSHB, 14. P. 197, 219.

[12] Названия, предложенные авторами новейших изданий, представляются нам не вполне удачными. Английское

Из тех немногих исследователей, которые, кроме К. Б. Хазе, обращали внимание на греческое наименование трактата, наиболее точную аналогию термину παραδρομή отыскал М. Йенс — термин «Begleiten» («сопровождение»)[13]. Подавляющее же большинство исследователей восприняло в качестве основополагающего предложенное К. Б. Хазе латинское наименование трактата и к греческому оригиналу вообще не обращалось. В их числе оказался и единственный русский переводчик трактата Д. Попов: хотя в названии его издания указано, что перевод текстов осуществлен «с греческого на российский язык», **заглавие** трактата, несомненно, переведено с латинского: «О сшибках с неприятелями, сочинение государя Никифора». Правда, следует признать, что из всех возможных переводов термина «velitatio» Д. Попов избрал, на наш взгляд, максимально динамичное «сшибка», подразумевающее столкновение объектов, каждый из которых находится в состоянии движения, тогда как другие варианты перевода («стычка», «столкновение», «схватка» и т. п.) не исключают, что по крайней мере одна из противоборствующих сторон может находиться в стационарном состоянии.

«Skirmishing», использованное Дж. Дэннисом, фактически равнозначно латинскому «velitatio»; название трактата, данное Ж. Дагроном («Le traité sur la guérilla»), имеет излишне описательный характер (к тому же не вполне точный в своем смысловом значении).

[13] *Jähns M.* Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889. S. 176.

* * *

Упоминание в заглавии трактата имени «государя Никифора» в принципе могло быть истолковано в двух смыслах: либо в том, что император Никифор был непосредственным автором трактата (факт, что здесь имеется в виду Никифор II Фока, никаких сомнений не вызывал), либо в том, что Никифору принадлежала разработка метода παραδρομή, который изложен в трактате, — в этом последнем случае авторство «De velitatione bellica» могло принадлежать и другому лицу.

Известно, что значительную информацию об авторе того или иного сочинения обычно можно извлечь из текста самого этого сочинения. В предисловии к «De velitatione bellica» достаточно определенно сказано, что император Никифор, еще будучи стратигом, с помощью метода παραδρομή неоднократно наносил огромным армиям врагов (в первую очередь арабов[14]) сокрушительные поражения[15]. Далее в трактате говорится, что убедившись на деле в полезности этого метода, Никифор приказал изложить его в письменном виде и поручил дать его развернутое описание на благо будущим поколениям. Создав свое военно-научное руководство, автор тем

[14] Как будет показано далее, географическая привязка трактата к восточно-малоазийскому театру боевых действий, презюмированная самим автором (см., например: De vel. bell., προοίμιον. P. 148, 55–56), полностью подтверждается анализом используемой им топонимической номенклатуры.

[15] De vel. bell., προοίμιον. P. 148, 42–45.

самым выполнил возложенное на него поручение[16]. По ходу дальнейшего изложения автор по крайней мере дважды[17] дает понять, что он располагает информацией, далеко выходящей за пределы анализируемой темы, но связан обязывающим заданием и потому вынужден руководствоваться только им.

Все без исключения исследователи «De velitatione bellica» были обязаны учитывать данные авторские свидетельства. Однако интерпретация этих свидетельств не могла не приобретать существенные различия. Так, Д. Попов впервые пришел к однозначному выводу, что авторство императора Никифора II Фоки должно быть полностью исключено[18], но непродолжительное царствование этого выдающегося полководца (963–969 гг.) должно определять четкий начальный предел написания трактата.

М. Йенсу представлялось «в высшей степени сомнительным» предположение о том, что император Никифор II Фока являлся непосредственным «автором книги, которая ставится в связь с его именем»[19], — скорее всего, Никифор явился лишь инициатором создания этого военного руководства. Что же касается конкретной датировки трактата, то никаких предположений на этот счет М. Йенсом не было высказано.

Когда имя автора исторического памятника оказывается неизвестным, то всегда возникает есте-

[16] De vel. bell. P. 148, 48–51.
[17] Ibid., V. P. 160, 14–20; XXI. P. 224, 12–17.
[18] О сшибках, введение. С. XIII.
[19] *Jähns M.* Op. cit. S. 176.

ственный соблазн приоткрыть завесу анонимности. При этом степень смелости выдвигаемых предположений находится в прямой зависимости от личностных качеств ученого. В нашем случае просто не мог не проявиться романтический исследовательский темперамент Р. Вари, которому военно-историческая наука обязана целым рядом блестящих гипотез и эвристических озарений. В 1901 г. он впервые предложил считать автором анализируемого военного сочинения конкретное историческое лицо — известного полководца Никифора Урана[20], чья военная и политическая карьера протекала на протяжении трех царствований — от Никифора II Фоки до Василия II Болгаробойцы. Тому же Никифору Урану венгерский исследователь приписал по крайней мере еще два военно-научных сочинения — «De castrametatione» и «Тактику Никифора Урана»[21]. Конкретной

[20] Incerti scriptoris byzantini saeculi X Liber de re militari. Rec. R. Vari. Lipsiae, 1901. S. XXI.

[21] Подробная характеристика и перевод трактата «De castrametatione» даны во второй части настоящего издания. О «Тактике Никифора Урана» см., в частности: *Dain A.* La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937; *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. 40; *McGeer E.* Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, 1995 (далее — *McGeer*, Warfare). Попытки расширить круг произведений, принадлежащих автору анализируемого нами трактата о методе παραδρομή, предпринимались и ранее. Так, еще в 1881 г. В. Г. Васильевский предположил, что трактат, впоследствии изданный Ю. Кулаковским под названием «Стратегика императора Никифора» (см. следующее примечание), мог быть написан автором «De velitatione bellica»

даты создания «De velitatione bellica» Р. Вари не предложил — он лишь ограничился замечанием, что трактат, несомненно, написан после кончины императора Никифора II Фоки.

Гипотеза Р. Вари вызвала возражения Ю. А. Кулаковского — исследователя, наделенного более рационалистическим, прагматическим складом мышления. Отводя авторство Никифора Урана, Ю. А. Кулаковский предложил ограничиться лишь теми утверждениями, которые не могут вызывать возражений: создателем трактата «De velitatione bellica» должен быть признан «верный сподвижник и почитатель»[22] Никифора Фоки, но его анонимность расшифровке не поддается. Вероятно, под влиянием критики Ю. А. Кулаковского, в своих позднейших публикациях Р. Вари не настаивал больше на авторстве Никифора Урана, ограничиваясь констатацией анонимности «De velitatione bellica»[23]. Позиция, сформулированная Ю. А. Кулаковским, с течением

(см.: *Васильевский В. Г.* Советы и рассказы византийского боярина XI в. // ЖМНП. 1881. Часть 215. С. 244). Данная позиция российского академика, хотя и вызвавшая первоначально несколько созвучных высказываний, не была воспринята в позднейшей историографии.

[22] См.: Стратегика императора Никифора. Издал Ю. Кулаковский // Записки ИАН. 1908. Т. 8. № 9; *Кулаковский Ю.* Византийский лагерь конца X в. // ВВ. 1903. 10. Вып. 1–2. С. 63.

[23] *Vari R.* Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelgriechischen kriegswissenschaftlichen Literatur // BNgJb. Athen, 1931. Bd. 8. H. 3–4. S. 231; *Idem.* Sylloge Tacticorum Graecorum // Byz. 1931. 6. Fasc. 1. P. 402.

времени приобрела характер общепринятого мнения, впоследствии как бы санкционированного высоким авторитетом А. Дэна[24].

Авторы новейших изданий 1985 и 1986 гг. вновь вернулись к проблеме авторства «De velitatione bellica». Ж. Дагрон стремился доказать, что в трактате можно уловить как бы звучание двух голосов: Никифора Фоки, инициатора подготовки данного военного руководства, и анонимного «редактора», который этот замысел реализовал[25]. При этом подлинным автором должен быть признан именно этот «редактор»; Никифору же достается роль идейного вдохновителя. Одновременно Ж. Дагрон напомнил, что достаточно реальные шансы на авторство сохраняет Никифор Уран — такая гипотеза не противоречит карьере этого «серьезного кандидата»[26].

Что же касается Дж. Дэнниса, то он включил в число возможных претендентов на авторство «De velitatione bellica» новый персонаж — Льва Фоку[27], брата Никифора II, чья блистательная военная карьера и трагическая судьба известны достаточно широко[28]. В силу своей новизны и оригинальности гипотеза Дж. Дэнниса заслуживает подробного рассмотрения.

Исследователями уже было давно обращено внимание на известную некорректность в позиции авто-

[24] *Dain A.* Les stratégistes. P. 369–370.
[25] *Dagron*, Traité. P. 9–10, 164–165.
[26] Ibid. P. 174–175.
[27] *Dennis*, De vel. bell. P. 140.
[28] См. о нем в обзоре: *Cheynet J.-P.* Les Phocas, приложенному к изданию Ж. Дагрона (*Dagron*, Traité. P. 301–306).

ра «De velitatione bellica» в тех случаях, когда он называет основоположников и активных приверженцев тактики маневренной войны, определяемой методом παραδρομή. Перечень исчерпывается именами Варды Фоки, его сына Никифора (будущего императора) и патрикия Константина Малеина[29]. Между тем углубленный анализ трактата приводит к заключению, что значительную часть информации для своих теоретических выводов и установок автор трактата черпает в боевом опыте Льва Фоки, хотя имя последнего в трактате не названо ни разу. Данная коллизия оценивается Дж. Дэннисом как один из самых серьезных аргументов в пользу предлагаемой им атрибуции.

Действительно, в упоминаемых автором трактата трех значительных победах, одержанных византийцами с применением метода παραδρομή над войсками Сайф-ад-Даула, эмира Алеппо, основная заслуга принадлежала именно Льву Фоке. Описания этих сражений, содержащиеся в византийских (Лев Диакон, Скилица) и арабских (Яхья Антиохийский) источниках, включают эпизоды, которым впоследствии автор «De velitatione bellica» придал характер императивных рекомендаций — они органически вплетены в ткань повествования и могут быть обнаружены на всем его протяжении[30]. Следовательно, тезис о том, что боевой опыт Льва Фоки был поло-

[29] De vel. bell., προοίμιον. P. 148, 31, 39, 42.

[30] Подробный анализ этих военных событий осуществлен Дж. Дэннисом (*Dennis*, De vel. bell. P. 139–140) и Ж.-К. Шене (*Dagron*, Traité. P. 303 sq.).

жен в основу установок анализируемого военного руководства, сомнению не подлежит и потому разделяется нами полностью. Однако из соотнесения данного обстоятельства с фактом неупоминания в трактате имени Льва[31] вывод об авторстве последнего не следует с логической неизбежностью — оказываются возможными и другие объяснения. Одно из них предложено французским издателем: Лев Фока не назван потому, что был причастен к двум заговорам против Иоанна Цимисхия, за что и поплатился ослеплением в 970 г. Аргумент можно было бы признать безупречным, если бы имелись бесспорные доказательства, что трактат был создан в правление **убийцы Никифора**. Большинство же исследователей сдвигают этот срок на период **после смерти Цимисхия**; к этому мнению присоединяется и сам Ж. Дагрон[32]. Но для первых лет соправления Василия II и Константина VIII (наиболее вероятного времени публикации трактата), когда фамилия Фок переживала период нового возвышения, приведенный аргумент уже «не работает».

[31] Кстати, обратим внимание на то, что кроме Льва в трактате не упомянут еще один представитель рода Фок — Константин, стратиг Селевкии, третий сын Варды, брат Никифора и Льва. В 953 г. он нанес серьезное поражение войскам Сайф-ад-Даула, применив ту же тактику, в которой были искусны его братья. Ж.-К. Шене полагает (*Dagron*, Traité. P. 306), что именно этот боевой эпизод автор «De velitatione bellica» включил в число трех значительных побед византийского оружия над войсками эмира Алеппо (в дополнение к двум победам Льва Фоки).

[32] *Dagron*, Traité. P. 163, 174, 287.

Мы полагаем, что главную причину неупоминания Льва Фоки (как и его брата Константина) следует искать в самой специфике жанра анализируемого произведения. В конце концов, трактат «De velitatione bellica» не семейная хроника рода Фок, и перечисление всех ее представителей не входило в обязанности автора. Действительно, боевой опыт Льва Фоки явился серьезным вкладом в развитие теории маневренной войны. Но все составные элементы этого опыта (опережение противника в захвате господствующих высот на пути движения; удар по обозу как наиболее уязвимому пункту походной колонны; одновременная атака с трех сторон с целью рассредоточения сил противника; ночной бой; предоставление противнику возможности спастись бегством и т. д.) основывались, в свою очередь, на многовековых традициях военно-научной мысли предшествующих эпох.

Тесная преемственность в накоплении военно-научных знаний составляет одну из существеннейших особенностей полемологии, и установление авторства отдельных ее компонентов встречает непреодолимые препятствия. Поэтому любой индекс имен в военно-научном труде всегда условен — он отражает только авторский вкус, и от него напрасно требовать исчерпывающей полноты. Разве Константин Фока меньше заслуживает упоминания в трактате, чем Константин Малеин? Почему в трактате нет имени Иоанна Цимисхия — полководца не менее удачливого, чем Никифор Фока; только ли потому, что автор работал по заданию Никифора, в гибели кото-

рого виновен Цимисхий? И почему, напротив, в трактате есть имя Варды Фоки, чей опыт применения тактики маневренной войны имеет скорее отрицательный баланс, нежели положительный? Перечень подобных вопросов может быть многократно продолжен, и на их фоне факт неупоминания Льва Фоки значительно притупляется в своей остроте, утрачивает потенциал гипертрофированной доказательности, снижается до уровня ординарного недоразумения.

Решению проблемы авторства трактата «De velitatione bellica» в пользу Льва Фоки препятствуют еще некоторые соображения. В предисловии к трактату сказано, что имели место случаи, когда вся армия ромеев оказывалась не в силах одолеть киликийцев и войска Хамдана в момент их наивысшего могущества, но «иногда достигал успеха один из доблестнейших стратигов, располагая одной фемной армией, находившейся под его командованием, когда он противостоял неприятелям, руководствуясь рассудительностью и опытом и благоразумно сочетая боевые порядки с принципами стратегии»[33]. Здесь содержится явный намек на эпизод октября 950 г., когда 30-тысячное войско эмира Сайф-ад-Даула разгромило регулярную византийскую армию, возглавляемую доместиком схол Вардой Фокой, но на обратном пути дважды потерпело сокрушительное поражение от стратига Каппадокии Льва Фоки, сына Варды, располагавшего весьма посредственными

[33] De vel. bell., προοίμιον. P. 146–148, 19–24.

фемными контингентами, но умело применившего засадную тактику. Мог ли произнести подобный панегирик в свой собственный адрес Лев Фока, который, конечно же, осознавал, что намек будет понятен любому читателю? И если да, то какая необходимость вынуждала его несколькими строками выше[34] весьма скромно оценить собственную военную квалификацию? Автор, делящийся с читателями воспоминанием об одной из самых заветных страниц своей биографии, маскирующий ее фразой о «некоторой опытности» и одновременно превозносящий себя до уровня одного из величайших полководцев, — не слишком ли антагонистичны компоненты, чтобы соединиться в единую структуру?

Как уже указывалось ранее, фактическая основа трактата — это обобщение главным образом опыта трех побед, одержанных над войсками эмира Алеппо. В силу неясности информации теоретически допустимо вносить эти победы в актив нескольких полководцев: Льва Фоки, Константина Фоки, Иоанна Цимисхия, — при любом варианте Никифору Фоке обеспечено полное алиби. Но как увязать этот факт с заявлением автора трактата, что инициатором создания «De velitatione bellica» был именно Никифор Фока (причем смысл соответствующего пассажа[35] таков, что он не исключает возможность предположения о разработке Никифором специальной письменной инструкции на этот счет)? Если такая ин-

[34] De vel. bell. P. 148, 37–39.
[35] Ibid. P. 148, 13–19.

струкция существовала, следует ли понимать, что она базировалась на менее репрезентативном опыте? Мог ли взять ее за основу Лев Фока — организатор по меньшей мере двух из трех названных побед? При этом следует учесть, что по общему смыслу авторской информации задание на написание трактата было получено им еще до того, как Никифор стал императором. Следовательно, последний имел еще меньше оснований давать обязывающие поручения своему брату — военачальнику не менее авторитетному, чем он сам: напомним, что спасти честь отца и всей семьи в эпизоде 950 г. удостоился именно Лев, а не Никифор. Акцентированно панегирический тон в адрес Никифора, свойственный трактату, не императивно обязателен в устах брата; к тому же подобный пиетет мог быть скептически воспринят современниками, поскольку в жизни отношения между братьями, кажется, не были лишены элементов конкуренции. По крайней мере, очевидец событий[36] дает понять, что Лев Фока в свое время имел большие шансы противодействовать заговору Цимисхия, если бы этого захотел. В двух же выступлениях Льва Фоки против Цимисхия, когда тот уже овладел престолом, мотив кровной мести вовсе не обязательно исчерпывал замыслы инсургента.

Значительный интерес у исследователей всегда вызывал тот раздел главы XIX «De velitatione belli-

[36] *Лев Диакон.* История. Перевод М. М. Копыленко. Статья М. Я. Сюзюмова. Комментарий М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Ответственный редактор Г. Г. Литаврин. VI, 2. М., 1988. С. 52.

ся», где автор характеризует кризисное состояние военной организации империи и предлагает меры по преодолению этого кризиса. Как убедительно показано Ж. Дагроном[37], предлагаемые автором меры свидетельствуют о его полном отрыве от жизненных реалий, об абсолютном непонимании произошедших в армии перемен[38]. Такой способ восприятия действительности мог бы найти объяснение, если бы речь шла о военном специалисте, пусть даже в ранге фемного стратига, которого его прежняя должность не обязывала интеллектуально возвышаться до сфер высшей государственной политики. Известно, что консерватизм мышления отставных армейских командиров, их закомплексованность на реалиях боевой молодости, органическое неприятие новых веяний, идущих вразрез с их корпоративной ментальностью, обладают традициями, историческая глубина которых равномасштабна их вненациональной распространенности. Если даже предположить, как это делает Ж. Дагрон[39], что данный пассаж в главе XIX, имеющий характер искусственной вставки, есть воспроизведение мыслей самого Никифора Фоки, которые содержались в его императивной инструкции, переданной «редактору», то все равно трудно объяснить, почему их явная архаичность не смутила «редактора», работавшего над трактатом через несколько десятилетий (по мнению Ж. Дагрона, через 30–

[37] *Dagron*, Traité. P. 259.

[38] См. также об этом: *Кучма В. В.* Военно-теоретическая мысль // Культура Византии. Т. 2. М., 1989. С. 291 слл.

[39] *Dagron*, Traité. P. 173, 259–260.

40 лет[40]) после получения задания. Представляется, что подобная заскорузлость мышления была бы совершенно необъяснима для функционера масштаба Льва Фоки, вероятного сподвижника Никифора в осуществлении радикальных военных реформ 960-х годов, после которых возврат к «древним установлениям священных императоров», т. е. к классической схеме фемной военной организации, был исключен полностью.

Заключая рассмотрение данного сюжета, следует сказать, что гипотеза Дж. Дэнниса о новой атрибуции «De velitatione bellica» перерастает рамки частного предположения, затрагивающего лишь отдельные элементы проблематики трактата. Решение вопроса в позитивном смысле означало бы существенную переоценку информационного потенциала сочинения, придание ему дополнительной масштабности и репрезентативности, заметное повышение его общего статуса в традиции памятников военной литературы. В свою очередь, само это решение может быть найдено лишь на путях нового критического переосмысления всего комплекса проблем «De velitatione bellica», а здесь, как мы видели, еще ощущается необходимость в дополнительной аргументации, способной снять возникающие проблемы. Но в любом случае уже сам факт выдвижения плодотворной научной гипотезы, стимулирующей новые направления научного поиска, следует рассматривать как несомненный успех исследователя, делающий честь его творческому потенциалу.

[40] *Dagron*, Traité. P. 164.

Таким образом, отводя гипотезу Дж. Дэнниса, мы можем утверждать, что анализируемое военно-научное руководство было создано анонимным военным специалистом достаточно высокого ранга (по современным меркам — не ниже генеральского уровня). Разумеется, такое предположение полностью исключает какую бы то ни было возможность принадлежности автора трактата к императорской фамилии; об этом свидетельствует и характер авторской «самопрезентации», и общая концептуальная сущность произведения, значительно отличающаяся от методологии сочинений, принадлежащих перу венценосных авторов, — «Тактики Льва» (ее атрибуция императору Льву VI Мудрому бесспорна) и «Стратегикона Маврикия» (его принадлежность императору Маврикию, по нашему мнению, в максимальной степени вероятна[41]).

Что касается времени написания «De velitatione bellica», то о нем можно судить как по собственно авторским ремаркам, так и по некоторым косвенным свидетельствам. В предисловии к трактату сказано, что излагаемый автором метод, особенно актуальный для восточных регионов империи, «в настоящее время... не является востребованным, ибо Христос... значительно ослабил противостоящие нам силы и могущество потомков Исмаила и укротил их нападения»[42]. Следовательно, автор дает понять, что трактат создавался в период временного ослабления му-

[41] См. об этом: *Кучма В. В.* «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1982. 43.

[42] De vel. bell., προοίμιον. P. 146, 3–7.

сульманского натиска на империю. Известно, что такое положение было достигнуто благодаря блестящим победам Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия и некоторое (впрочем, весьма непродолжительное) время сохранялось после восшествия на престол императоров Василия и Константина; однако уже в начале 80-х годов X века положение на восточных рубежах империи вновь обострилось. Как уже указывалось ранее, локализовать время создания трактата правлением Иоанна Цимисхия препятствует общий панегирический тон сочинения по отношению к Никифору Фоке, трудно объяснимый в устах автора, если бы он писал в период правления убийцы Никифора. Гораздо логичнее допустить, что трактат создавался уже после загадочной гибели Иоанна Цимисхия в январе 976 г., когда его сменили легитимные правители. Поэтому наиболее вероятным временем создания «De velitatione bellica» мы склонны считать начальный период соправления императоров Василия и Константина — вторую половину 70-х годов X века.

В этом же направлении «работают» и некоторые косвенные аргументы. Один из них связан с расчетом приблизительного возраста автора трактата. Как свидетельствует он сам, его первым учителем метода παραδρομή был «блаженной памяти кесарь Варда»; от него, продолжает автор трактата, «мы и научились этому методу и, насколько было это возможно, переняли его опыт»[43]. Если учесть, что военная

[43] De vel. bell. P. 148, 31–39. Кстати, одна только эта фраза является весьма информационно богатой: она не могла быть написана не только ранее августа 963 г. (ибо Варда

карьера автора «De velitatione bellica» началась под командованием Варды Фоки в бытность последнего стратигом фем Каппадокии и Анатолика[44], а накопленный боевой опыт, о котором говорит наш автор, конечно же, являлся опытом командным, предполагающим состояние его обладателя в какой-то архонтской должности, то по возрасту этот достаточно опытный боевой командир никак не мог быть моложе старшего сына Варды, будущего императора Никифора II Фоки. Следовательно, в момент гибели этого императора автору «De castrametatione» было не менее 60 лет; работа над трактатом никак не могла начаться ранее, чем через 7 лет после этого события. Учитывая весьма почтенный возраст, которого достиг наш автор к этому времени, было бы весьма нелогично слишком далеко пролонгировать во времени период его работы над своим сочинением. Поэтому первое пятилетие правления двух сыновей Романа II опять оказывается наиболее приемлемым сроком создания «De velitatione bellica».

Фока, названный в трактате кесарем, был возведен в это достоинство спустя некоторое время после восшествия на престол его сына Никифора — см. об этом: *Лев Диакон*. История, III, 8. С. 29), но и не ранее начала 969 г., поскольку автор трактата говорит о данном персонаже как об уже умершем (по сообщению того же Льва Диакона — История, V, 5. С. 46–47, — смерть Варды Фоки последовала в возрасте 90 лет в начале того же года, когда был убит его сын).

[44] Ж.-К. Шене помещает этот период военной карьеры Варды Фоки в промежуток между 910 и 919 гг. (*Dagron*, Traité. P. 298).

Обратив в свое время внимание на это обстоятельство, первый издатель русской версии «De velitatione bellica» счел самым сильным аргументом в пользу такой хронологической локализации трактата особую манеру выражения его автора: во всех случаях, утверждает Д. Попов, когда нужно упомянуть современную высшую государственную власть, автор прибегает к грамматической конструкции с использованием множественного числа: «наши благочестивые и благоверные государи»[45].

Действительно, выражение οἱ ἅγιοι βασιλεῖς встречается в трактате семь раз[46] (причем шесть из них — в одной только XIX главе). Но в одном из этих случаев[47] речь идет явно не о современных государях, а о более ранних правителях, царствовавших разновременно и являющихся к тому же авторами тактических сочинений, — следовательно, к соправителям Василию и Константину данный пассаж никак не может относиться. Кстати, в этой же XIX главе имеется четкое упоминание «священного императора» в единственном числе[48], поэтому замечание Д. Попова о том, что для обозначения верховного правителя **всегда** используется вербальная конструкция во множественном числе, является по меньшей мере неточным. В оставшихся случаях из числа

[45] О сшибках. С. XIII.

[46] De vel. bell., XIX. P. 216, 34, 41, 45–46, 54, 67, 72; XXIV. P. 236, 62.

[47] Ibid., XIX. P. 216, 41.

[48] Ibid., XIX. P. 216, 58.

названных трактовка Д. Попова в принципе допустима, но она не является единственно возможной, поскольку информационный контекст главы открывает возможности и иных толкований (см. наш перевод указанных сюжетов). В наибольшей степени идее Д. Попова соответствует пассаж главы XXIV[49], где упоминание «священных императоров» можно достаточно определенно отнести к событиям текущего времени.

* * *

В каких же основных чертах может быть обрисован облик автора анализируемого сочинения?

Анализ содержания трактата укрепляет во мнении, что мы имеем дело с профессиональным военным, входящим в иерархию чинов достаточно высокого ранга, вероятнее всего, на уровне фемного стратига, — специалисту более низкой номенклатурной принадлежности вряд ли могло быть дано соответствующее императорское поручение. Автор «De velitatione bellica» в полной мере осознает масштабность и значимость выполненной им работы по пропаганде одного из методов «науки побеждать»: он прямо указывает на его полезность как современникам (всему христианскому сообществу в целом и отдельным полководцам, которым предстоит применять его на деле), так и потомкам[50]. Общий тон трактата — отчетливо назидательный; достаточно часты прямые,

[49] De vel. bell., XXIV. P. 236, 62.

[50] Ibid., προοίμιον. P. 146, 9–12; 148, 50–51.

непосредственные обращения к военачальникам, которым рекомендуется для применения метод παραδρομή. Однако в отличие от «Стратегикона Маврикия» и «Тактики Льва», создатели которых пользуются своим правом непосредственного обращения к главнокомандующему (а этот пост, как обычно, являлся атрибутом императорской власти), автор «De velitatione bellica» адресуется к военачальникам, равным ему по рангу или занимаемой должности.

Автор «De velitatione bellica» фактически мыслит себя в положении фемного стратига, чьи территориальные воинские формирования сравнительно небольшой численности принимают на себя первые отряды арабских летучих отрядов. Как известно, народное ополчение (а именно таковым, по сути, являлась армия фем) всегда нуждается в особенно высоком моральном духе, ибо только таким способом могут быть компенсированы существенные негативные свойства подобной разновидности вооруженных сил (слабость организационной структуры, материально-технической базы, далекое от идеала состояние служебной дисциплины и т. д.)[51]. В этих условиях мощным инструментом формирования высокого воинского духа армии типа народного ополчения всегда являлся религиозный фактор. Имеющаяся в трактате «De velitatione bellica» информация на этот счет достаточно репрезентативна для характеристики конфессиональных установок его автора.

[51] См. об этом, в частности: *Dagron*, Traité. P. 284 (со ссылкой на К. Клаузевица).

Как уже указывалось ранее, главная военная опасность для империи в X веке проистекала от арабов. Сплотившиеся под знаменем ислама, они явились совершенно уникальным противником на фоне всех ранее существовавших: говоря словами Ж. Дагрона, появление ислама сделало неактуальным все то, что до этого было сказано о войне и армии[52].

Варварским народам, возникавшим в прежние времена на границах империи, в конечном счете был уготован весьма ограниченный выбор: либо фигурировать в победной реляции очередного византийского триумфатора, либо пополнить реестр богоугодных дел христианского миссионера. Не меняли дела ни временные военные успехи этих народов, ни даже их попытки построить собственные государственно-политические структуры: византийцы были непоколебимо убеждены в случайности первых и нелигитимности, а потому иллюзорности, вторых. Что же касается верований этих этносов, то они никогда не удостаивались чести характеризоваться как особые религии — византийцы в лучшем случае снисходили до их оценки как ереси христианства.

С появлением арабов-исламитов все переменилось самым радикальным образом: их социальная структура оказалась весьма прочной и трудно поддающейся ассимиляционным усилиям, военные успехи — достаточно стабильными, теократическая организация в форме халифата — в высшей степени устойчивой. Что же касается их вероисповедания, то

[52] *Dagron*, Traité. P. 146.

в глазах византийцев здесь имел место феномен, не имевший вообще никаких аналогий. Специфика ортодоксального ислама состояла в том, что он представлял собой систематизированную совокупность теологических постулатов, норм права и морали, мировоззренческих и философских канонов, культурно-эстетических традиций, императивов идеологии, принципов политики; собственно религиозные догматы фактически служили лишь цели ритуального оформления этой совокупности, придания ей необходимой внутренней унифицированности и внешней определенности.

В силу органической несовместимости всех вместе и каждого в отдельности элементов мусульманских и христианских социально-политических структур и мировоззренческих систем, исключавших даже самую возможность их бесконфликтного сосуществования, конфронтация ислама с православием приобрела поистине глобальный размах, выйдя далеко за рамки конфликта их военных организаций: речь пошла о всеохватном, универсальном противоборстве двух миров, двух состояний человеческого бытия[53].

Комплексное осмысление этих событий оказалось под силу далеко не каждому современнику: история византийско-арабского противостояния уже

[53] Напомним в этой связи верное и глубокое замечание российского военного историка и теоретика Н. П. Михневича: «Войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных — всегда роковые» (см.: *Михневич Н. П.* Стратегия. Кн. 1. СПб. 1906. С. 36).

отмерила четверть тысячелетия, когда явился наконец писатель, чье мышление оказалось соизмеримым с масштабностью анализируемого феномена. Речь идет о Льве VI Мудром, императоре, «пропитанном собственной легитимностью»[54], сознанием того, что ему предназначено свыше постоянно и повсеместно обеспечивать безопасность подданных, вверенных ему Богом.

В грандиозном военно-научном труде Льва имеется прямое указание на то, что именно арабская опасность явилась главной причиной создания этого сочинения[55]. Подвергнув анализу причины военных успехов «сарацин»[56], Лев объяснил эти успехи как спецификой их военной организации, так и особым морально-психологическим состоянием войска, воодушевленного идеей джихада. Лев полагал, что успехи византийского оружия в борьбе с таким противником будут зависеть от двух факторов: нужна, во-первых, организационная перестройка византийских вооруженных сил (с заимствованием арабского опыта милитаризации общественно-политических структур) и, во-вторых, настоятельно необходима мобилизация общественного сознания в направлении формирования новой военно-доктринальной системы, построенной на принципах избранничества и провиденциализма. В противовес идее джихада Лев разрабатывал концепцию «христолюбивого воинства»,

[54] *Dagron*, Traité. P. 145.

[55] Leonis Imperatoris Tactica. XVIII, 142 // PG. 1863. 107. Col. 981 (далее — TL).

[56] TL, XVIII, 128–130. Col. 976–977.

согласно которой высшее предназначение армии ромеев состоит в том, чтобы ратоборствовать во имя торжества православия. Оппонируя своему идеологическому противнику, Лев фактически обосновывал собственную теорию «священной войны», противопоставляя ее христианский вариант мусульманскому прототипу. Начиная со Льва, эта теория становится основополагающей в концепциях всех последующих военных писателей.

В трактате «De velitatione bellica» идея «христолюбивого воинства» приобрела всеобъемлющее, поистине симфоническое звучание. Подданные империи, зачисленные на военную службу, обязаны не просто исполнять свои профессиональные обязанности — их призвание состоит в том, чтобы быть «защитниками и первыми вслед за Богом спасителями христиан»[57]. Отмеченные этим высшим предназначением, они должны быть готовы в любой момент «с воодушевлением, рвением и ликующим сердцем... пожертвовать свои жизни ради наших священных императоров и всего христианского сообщества»[58].

[57] De vel. bell., XIX. P. 216, 53–54.

[58] Ibid. P. 216, 32–35. Создается впечатление, что отсюда уже совсем близко до признания стратиотов, павших в борьбе с исламом, «мучениками веры». Однако интервал, отделяющий простого смертного от персонажа мартиролога, все же оставался незаполненным. И когда Никифор II Фока предпринял попытку этот рубеж преодолеть (по сообщению И. Скилицы, он повелел, чтобы павшие в сражениях солдаты были почитаемы наряду с мучениками и прославляемы подобающими гимнами), данное распоряжение императора-полководца оказалось в ряду обстоятельств, стоивших ему трона и жизни (см. об этом: *Dagron*, Traité. P. 286).

В качестве основной враждебной силы, противостоящей христианскому братству, выступают «потомки Исмаила»[59], несущие «разорение и погибель христианскому народу и унижение могущественнейшим ромеям ради высокомерия и заносчивости надменных сынов Агари, отвергающих Христа Господа нашего»[60]. Автор вдохновлен тем, что благодаря заступничеству Господа экспансия «исмаилитов» значительно ослабла, и заслуга в этом принадлежит победам византийского оружия, достигнутым во времена царствования Константина Порфирородного и его преемника Романа[61].

Таким образом, исходная установка автора «De velitatione bellica» заключалась в констатации того непреложного факта, что в его эпоху империя ромеев и арабский этнический социум пребывали в ситуации непримиримого противостояния. Автор трактата не затрудняет себя поисками истоков и выяснением причин именно такого, а не какого-либо иного порядка вещей — он лишь констатирует его априорный, трансцедентный характер. Не остается ничего иного, как этот порядок воспринять и усвоить; требуется лишь встроить собственную военно-доктринальную концепцию в эту систему императивов, данную свыше.

Основная идея авторской концепции формулируется с полной определенностью: победа над врагом есть результат взаимодействия двух составля-

[59] De vel. bell., προοίμιον. P. 146, 6.
[60] Ibid., XV. P. 198, 9–12.
[61] Ibid., III. P. 156, 50–54.

ющих — военного мастерства и Божественного благоволения. Для формулирования второго из указанных компонентов автор располагает целым набором фразеологических оборотов. Выражения типа «с помощью Божьей», «по благости Христа», «благодатию Иисуса Христа, силою и заступничеством Пречистой Матери Его» и т. п. встречаются в трактате десятки раз. Чувствуется, что эти языковые единицы уже превращаются в словесное клише, приобретают характер устоявшихся формул, даже несколько стираются от многократного автоматического повторения.

Решая вопрос о том, какой из двух названных компонентов оказывает решающее воздействие на конечный военный успех, автор трактата отдает приоритет именно второму компоненту. Эта мысль варьируется в целом ряде высказываний: благоприятный исход сражения определяется не знанием военной традиции, но силою благоволения Божьего[62]; военный результат зависит не от человеческих желаний, но от выбора Высшего Провидения[63]; Божественное благорасположение более значимо, чем преимущества укрепленной местности[64]; четко разработанный военный план является, конечно же, важным залогом победы, но лишь сила Божественной благодати способна обеспечить его благоприятную реализацию[65].

---

[62] De vel. bell., XVI. P. 202, 74–76.
[63] Ibid., XVII. P. 210, 134–136.
[64] Ibid., XXI. P. 224, 26–29.
[65] Ibid., XXV. P. 238, 31–35.

Заметным диссонансом на этом фоне звучит пассаж трактата, где дан образец традиционного обращения к войску, которым стратиг вдохновляет стратиотов на будущие ратные труды[66]. Можно было бы предположить, что предоставившаяся возможность будет использована для того, чтобы зарядить эту речь религиозным потенциалом максимальной степени напряженности — сам характер сюжета обязывал стратига именно к такому образу действий. Однако анализ речи приводит к неопровержимому выводу, что религиозный потенциал ее предлагаемого варианта, напротив, является абсолютно нулевым, — факт в высшей степени неординарный для способа мышления такого ортодоксального христианина, каковым является наш автор. Единственное реальное объяснение подобной несообразности уже высказано Ж. Дагроном[67]: «рудиментарной моде-

[66] De vel. bell., XXIII. P. 230, 32–37. Обращение военачальника к войску перед сражением являлось многовековой традицией, широко известной по военной литературе. Так, умение пламенным словом вдохновить войско, а в случае неудачи «утешительной речью ободрить унылые сердца» рассматривалось писателем I в. н. э. Онасандром как непременное качество военачальника. Будучи сродни искусству лекаря, мастерство красноречия представлялось Онасандру более трудным, но и гораздо более важным по своему значению, ибо лекарь излечивает телесные раны, а слово военачальника призвано воздействовать на души людей (Onasander. Στρατηγικός, I. 13–16; цит. по изданию: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander (Works). With an English translation by membre of the Illinois Greec Club. London; New York, 1923. P. 378–380; далее — Onasander).

[67] *Dagron*, Traité. P. 126, n. 6; 285, n. 26.

лью» этой речи является соответствующий текст трактата «Rhetorica militaris»[68] — пособия для стратигов по обучению ораторскому искусству, датируемого VI в., т. е. периодом господства совершенно иных военно-доктринальных концепций. Приходится с сожалением констатировать, что в данном случае автору «De velitatione bellica» явно изменило присущее ему чувство современности, поскольку он без особого труда имел возможность опереться на источники, более созвучные веяниям своей эпохи. Остается лишь утешиться тем, что такой досадный хронологический сбой все-таки не разрушил целостности авторской концепции, поскольку проявился практически в единственном эпизоде, к тому же отнюдь не самом ключевом.

Итоги анализа религиозной концепции автора «De velitatione bellica» неопровержимо свидетельствуют, что противостояние мусульманского и христианского миров на всем протяжении X века продолжало оставаться главной геополитической проблемой Византии. На разрешение этого непримиримого конфликта противостоящие стороны вынуждены были мобилизовать все свои наличные ресурсы, начиная с материальных и кончая морально-психологическими. Отвечая на вызов, брошенный исламом, византийская официальная идеология формировала общественное сознание своих подданных в том направлении, чтобы изначально инстинктивные, импульсивные, не всегда поддающиеся рациональному

[68] См. о нем: *Dain A.* Les stratégistes. P. 343–344.

толкованию проявления неприязни к инаковерующим, свойственные обыденно-бытовому уровню человеческих коммуникаций, оказались абсолютизированными до уровня императивных поведенческих постулатов, диктующих вполне определенную, априорно негативную, аффектированно-неприязненную модель отношения к представителям враждебной конфессии. Естественно, что объектом сугубого внимания со стороны соответствующих пропагандистских служб становится в этих условиях контингент военнослужащих, само предназначение которых состояло в том, чтобы воплощать в жизнь принципы государственной политики в отношении инаковерующих. Армейская же действительность, построенная на принципах иерархической субординации и к тому же подкрепленная системой мер возможного дисциплинарного воздействия, обеспечивала эффективность воспитательных импульсов, гарантировала действенность их конечной практической реализации. Установки военных трактатов на этот счет в силу самой жанровой специфики данного вида литературы хотя и не возвышались до статуса санкций нормативных актов, все же существенно превышали уровень обычных прагматических рекомендаций. Поэтому свидетельства полемологических руководств относительно религиозного обеспечения военной службы, по всей вероятности, вполне адекватно соотносились с подлинными реалиями византийской армейской действительности.

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что конец X века был периодом оконча-

тельного завершения формирования той глобальной национально-религиозной идеи и основанной на этой идее системы военно-доктринальных воззрений, основные принципы которой были сформулированы Львом VI Мудрым. Известная веротерпимость, свойственная мироощущению византийцев в предшествующие эпохи, ушла в безвозвратное прошлое, когда на первое место среди противников империи выдвинулся народ, возведший идею «священной войны» в высший принцип своего земного бытия. Мощное давление этого фактора не могло не наложить отпечатка на византийский менталитет, не вызвать вынужденно-пейоративной эволюции национальной идеи. И все же заряд религиозной неприязни, которым было наделено «христолюбивое воинство» даже на заключительных, самых трагических для империи этапах православно-мусульманского противостояния, никогда не достигал того уровня напряжения, который был уже изначально свойствен фанатизму его исламских оппонентов во всех их этнических обличиях.

* * *

Если основное направление греко-римско-византийской полемологической традиции представлено масштабными сочинениями энциклопедического характера, рассчитанными на длительную перспективу применения против любого вероятного противника (лучшими примерами сочинений подобного рода являются произведения Элиана, Онасандра, Вегеция, а также «Стратегикон Маврикия» и «Тактика

Льва»), то трактат «De velitatione bellica» лежит как бы на периферийном ответвлении от главного русла, не имеет всеобъемлющего характера, свойственного вышеназванным сочинениям, не отличается высокой степенью научного теоретизирования. Его автор сознательно ограничил себя тематическими, хронологическими и локально-географическими параметрами; вследствие такого априорного самоограничения он создал руководство, регламентирующее особый, весьма специфический способ боевой деятельности. Обладая высокой степенью достоверности, информация трактата о боевом сопровождении лишена качеств всеобщности и универсальности. В результате на основании информации «De velitatione bellica» мы располагаем весьма точными сведениями лишь о некоторых, хотя и существенных, но все-таки только отдельных узлах и деталях того сложного механизма, каким являлась военная организация империи в конце первого тысячелетия.

Как известно, эрудиция любого военного автора складывалась из нескольких компонентов, существеннейшими из которых признавались: владение теорией полемологии, знакомство с событиями военной истории, осведомленность в вопросах современной боевой практики. Свидетельства, содержащиеся на этот счет в трактате «De velitatione bellica», позволяют достаточно точно оценить профессиональную подготовленность его автора с точки зрения всех перечисленных критериев.

Хронологический диапазон событий, описываемых в трактате, локализуется в пределах нескольких

десятилетий. Из числа царствовавших особ, чье правление пришлось на этот период, упомянуты в порядке хронологической последовательности Лев VI Мудрый[69], Константин VII Багрянородный[70], его сын Роман II[71], Никифор II Фока[72]. Из византийских полководцев, проявивших себя на военном поприще, названы, как уже указывалось ранее, кесарь Варда Фока (отец императора Никифора II)[73], патрикий Константин Малеин[74] и талантливый военачальник времени царствования Льва VI Никифор Фока (Старший)[75]. Арабские военачальники представлены именами Хамдана[76] и его сына Али[77].

Заметим, что по числу упоминаемых исторических персонажей (девять) трактат «De velitatione bellica» превосходит показатели многих других военно-научных сочинений. Так, примерно равный ему по объему анонимный трактат VI века[78] называет восемь имен, а грандиозные энциклопедии «Стратегикон Маврикия» и «Тактика Льва» ограничивают свои именные индексы соответственно лишь шестью и четырьмя персонажами.

---

[69] De vel. bell., XX. P. 218, 12.
[70] Ibid., III. P. 156, 52.
[71] Ibid., III. P. 156, 53.
[72] Ibid., προοίμιον. P. 148, 42.
[73] Ibid. P. 148, 31.
[74] Ibid. P. 148, 39.
[75] Ibid., XX. P. 218, 22.
[76] Ibid., προοίμοιν. P. 146, 21.
[77] Ibid., III. P. 156, 50–51; XX. P. 220, 51–52.
[78] См. о нем: *Кучма В. В.* «Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания / / ВВ. 1980. 41.

По свидетельству трактата, ситуация в восточных регионах империи характеризовалась крайней нестабильностью, постоянным состоянием военной напряженности. Зачастую это было особое промежуточное состояние между войной и миром, когда, используя терминологию «Тактики Льва», уже «не господствует мир, но война еще не проявилась с очевидностью»[79]. В этих условиях фемные армии Византии должны были находиться в состоянии постоянной готовности к различным видам боевых действий — отражению неприятеля, обороне крепостей, совершению марша, вторжению во вражескую землю, а их численность и экипировка должны были соответствовать потенциалу неприятельской угрозы.

Автор трактата хорошо осведомлен о военных событиях сравнительно недалекого прошлого. Выше мы уже останавливались на эпизоде октября 950 г. с участием Льва Фоки, упоминаемом во введении к трактату[80]; в главе III сказано о трех жестоких поражениях, нанесенных войскам Али, сына Хамдана, в годы царствований Константина Багрянородного и его сына Романа[81]. Вся XXV глава трактата[82] посвящена рекомендациям по размещению засадных подразделений на двух уровнях в условиях горной местности — именно так были расставлены войска Льва Фоки в сражении с арабами в ноябре 960 г. [83]

[79] TL, XVII, 1. Col. 913.

[80] De vel. bell., προοίμιον. P. 146–148, 19–24.

[81] Ibid., III. P. 156, 50–54.

[82] Ibid., XXV. P. 238.

[83] См. об этом в указанном очерке Ж.-К. Шене (*Dagron*, Traité. P. 302).

В трактате можно обнаружить еще несколько описаний военных эпизодов[84], которые в силу своей недостаточной конкретности не поддаются каким-либо определенным хронологическим «привязкам», но очень возможно, что являются реминисценциями боевого опыта самого автора трактата. И лишь однажды автор «De velitatione bellica» счел необходимым выйти за 30–40-летний предел описываемых событий и совершить экскурс в военную историю едва ли не столетнего прошлого. Речь идет о пассаже XX главы, где подробно описана экспедиция Никифора Фоки (Старшего) в Киликию[85], датируемая различными исследователями либо 877/878, либо 900/901 годами[86]. Такой резкий выход за обычные хронологические рамки своей информационной базы автор трактата осуществил отнюдь не случайно: как будет показано ниже, это понадобилось ему для формулирования важнейшей стратегической идеи, которая потребовала более фундаментального обоснования.

Решая проблему источников военно-теоретической и военно-исторической информации нашего ав-

[84] Так, в одном из отрывков (De vel. bell., IX. P. 170, 52–55) сообщается о некоем турмархе, который не организовал тщательную разведку местности, пересеченной ручьями, и поэтому попал в засаду, организованную тарситянами; в другом месте (Ibid., XVI. P. 200, 29–34) также говорится о турмархе (возможно, о том же самом), по вине которого в засаду на этот раз угодил уже сам стратиг.

[85] De vel. bell., XX. P. 218–220.

[86] См. наш перевод соответствующего пассажа и комментарии к нему.

тора, прежде всего отметим, что не вызывает сомнений факт использования им более ранних письменных памятников полемологического жанра. Показательны в этом плане его собственные высказывания. Так, ему известны «тактические сочинения», авторами которых являются «наши святые и благочестивые императоры»[87]; пассаж о нападениях на обозы сопровожден замечанием: этому «мы и сами были свидетелями, и читали об этом в исторических трудах, и учились этому у предшественников»[88]; глава XVII, по словам самого автора, написана «в соответствии с наставлениями наших предшественников и собственным многолетним опытом»[89]; глава XXI, посвященная принципам осады крепостей, предваряется фразой: «Поскольку об этом уже много сказано, мы не станем в данном сочинении излагать все это в деталях. Ведь эти и другие средства и приемы, используемые в полиоркетике, а также те способы, какими должны противостоять друг другу осаждающие и осажденные, были основательно и разумно изложены авторами тактических и стратегических сочинений, которые писали до нас»[90].

Один из письменных источников «De velitatione bellica» идентифицируется с полной очевидностью: упоминая «стратегическое сочинение, написанное прославленным и мудрейшим императором Львом»[91],

[87] De vel. bell., XIX. P. 216, 41–42.
[88] Ibid., X. P. 178, 89–91.
[89] Ibid., XVII. P. 210, 132–133.
[90] Ibid., XXI. P. 224, 11–15.
[91] Ibid., XX. P. 218, 11–12.

автор несомненно имеет в виду широко известную и чрезвычайно популярную в его время «Тактику Льва». Наиболее интенсивно используются материалы ее XVII главы, носящей наименование «О неожиданных нападениях»[92]. Весьма значительная по объему, привлекающая внимание богатством и разнообразием сосредоточенной в ней информации, эта глава «Тактики Льва», по оценке весьма компетентных исследователей, является одной из лучших во всем сочинении. Поэтому факт ее активного использования автором «De velitatione bellica» не должен вызывать удивления, а может быть зачислен в актив его профессиональной осведомленности.

Других случаев прямых ссылок нашего автора на сочинения своих предшественников в его трактате не встречается, и потому работа по идентификации письменных источников анализируемого сочинения связана с большими трудностями. Бесспорное обоснование непосредственного использования нашим автором предшествующих письменных военных руководств практически невозможно, — по крайней мере, никаких прямых текстуальных заимствований из более ранних сочинений в «De velitatione bellica» обнаружить не удается. Допустимо утверждать лишь влияние некоторых идей военно-научных трудов Фронтина, Онасандра, Анонима VI века, Маврикия — идей, взятых в отдельности, либо в совокупности; в дальнейшем изложении мы будем стремиться фиксировать случаи созвучия этих идей с установ-

[92] TL, XVII. Col. 913–944.

ками и рекомендациями нашего автора, когда он счел возможным солидаризироваться с сообщениями кого-либо из своих предшественников.

При этом важно иметь в виду, что традиционное в военно-научных руководствах словоупотребление «древние авторы», к которому часто прибегает и создатель «De velitatione bellica», не обязательно должно уводить в область античной литературы: как показывают внимательные наблюдения[93], под этим термином военные писатели зачастую подразумевали летописцев весьма недалеких по времени событий — иногда лишь пятидесятилетней давности. В связи с этим под единой маркировкой «древние» могут проходить как действительно античные, так и практически современные автору писатели. Поэтому поиск вероятных письменных источников трактата «De velitatione bellica» следует вести в весьма широком хронологическом диапазоне — от трудов основоположников полиоркетики Битона и Филона до сочинений «золотого века византийской военной литературы»[94] — X столетия.

Помимо теоретической подготовки, важнейшим критерием профессионализма военного писателя считался его собственный боевой опыт. Ссылки на него — расхожий прием в военной литературе, рассчитанный на завоевание дополнительного авторите-

[93] См., например: Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 357 (далее — *Литаврин*, Кекавмен).

[94] Выражение А. Дэна — см.: *Dain A.* Les stratégistes. P. 373.

та у читателей и на повышение императивного характера излагаемой информации, — прием, которого не чуждались даже явно «кабинетные стратиги». Следуя установившейся традиции, к данному приему прибегает и наш автор. Уже в преамбуле он осуществляет эффектный ход, делающий честь его интеллектуальному уровню. Вначале скромно поименовав свой практический потенциал «некоторой опытностью», он далее очень ненавязчиво, но целеустремленно сосредоточил внимание читателя на двух важных для себя моментах. Во-первых, он весьма акцентированно провел мысль о том, что именно ему (и никому другому!) была оказана честь императорского поручения по обобщению и передаче потомкам опыта ведения маневренной войны[95], так что понимающий читатель должен был по достоинству оценить положение автора в современной ему военно-политической номенклатуре. Во-вторых, столь же усиленно подчеркнута уникальность боевого опыта автора, поскольку этот опыт был накоплен в кампаниях как на востоке, так и на западе; автор дает понять, что он в состоянии обобщить и западную боевую практику, но сейчас он связан прямым императорским поручением и потому не вправе выйти за его рамки[96].

[95] De vel. bell., προοίμιον. P. 148, 48–51.

[96] Ibid. P. 148, 51–56. В связи с этим авторским заявлением в литературе активно дебатируется вопрос о принадлежности нашему автору и другого известного военно-научного сочинения — трактата «De castrametatione». Подробно этот вопрос будет рассмотрен нами во вводной статье к изданию названного трактата.

Профессиональный боевой опыт автора не только декларируется (см., например, цитаты из «De velitatione bellica», приведенные тремя страницами выше), но и наглядно демонстрируется на всем протяжении трактата. Жизнь армии во всем многообразии ее проявления известна нашему автору «изнутри». Многие и многие детали армейской жизни, которыми буквально насыщен трактат, могли быть восприняты только из конкретных, реальных ситуаций, очевидцем и непосредственным участником которых являлся сам автор. Так, ему известно, что армяне ненадежны в исполнении сторожевой службы — им следует предпочесть более искусных караульщиков, создав последним дополнительные материальные стимулы[97]. Он знает, что в регионах, где будут разворачиваться боевые действия, закат солнца происходит в одиннадцатом часу дня[98]; что минимальный запас воды на каждую сотню воинов не может быть меньше десяти мехов[99]; что в суточном рационе стратиотов сыр и солонина фактически равноценны[100]; что дополнительный груз зерна, который может нести боевая лошадь, не должен превышать 50 модиев[101], — эта и подобная информация явно не заимствована из предшествующей письменной традиции:

[97] De vel. bell., II. P. 152, 11–19.

[98] Ibid., XXII. P. 228, 27–28. О способе измерения времени, применяемом римлянами и византийцами, см. примечание № 268.

[99] De vel. bell., V. P. 158, 9–11.

[100] Ibid., VIII. P. 164, 13–14.

[101] Ibid., XXI. P. 226, 54–56.

не вызывает сомнения ее некнижное, собственно-опытное происхождение. Особенно показателен в этом плане еще один пример. Автору трактата известны настойчивые советы «древних» лишать вторгнувшегося неприятеля запасов продовольствия, фуража и топлива: все это должно уничтожаться отступающими ромейскими подразделениями. Излагая эти общие рекомендации, наш автор добавляет яркий штрих: осуществляя «тактику выжженной земли», надлежит предать огню даже кровли собственных жилищ[102]. Подобного совета нет ни в одном из более ранних военно-научных руководств; его появление на страницах трактата есть несомненное свидетельство авторской апперцепции.

Таким образом, и теоретическая, и практическая подготовка автора «De velitatione bellica» находилась на уровне критериев, предъявляемых к авторам полемологических руководств. Остается проследить, как распорядился наш автор своим теоретическим и эмпирическим потенциалом, какой реальный вклад он внес своим сочинением в последующую эволюцию военно-научной мысли.

Известно, что еще со времен Ксенофонта в греко-римской военной теории стало проводиться различие между стратегией и тактикой. В обобщающем труде Онасандра было установлено понимание стратегии как высшего полководческого искусства, рассматривающего общетеоретические проблемы подготовки страны и армии к войне, а также вопросы

[102] De vel. bell., XXI. P. 224, 36–37.

планирования и непосредственного проведения военных кампаний; под тактикой понималось в первую очередь искусство боевого построения войск, способы управления ими на поле боя. Именно таковым было понимание стратегии и тактики Анонимом VI века[103], а также крупнейшими военными теоретиками — Маврикием и Львом VI.

Нашему автору это различие между стратегией и тактикой, несомненно, известно: словоупотребления-противопоставления типа «тактические сочинения» и «стратегические сочинения»[104] в этом смысле весьма показательны. Созданное же им самим руководство не может быть однозначно отнесено ни к стратегическим, ни к тактическим: будучи ограниченнее первых, оно явно масштабнее вторых.

[103] Согласно Анониму (IV, 3; пользуемся изданием: Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // Griechische Kriegsschriftsteller. Griechisch und Deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen von H. Köchly und W. Rüstow. Theil 2: Die Tactiker. 2. Abteilung. Leipzig, 1855; далее — Anonymus), сам термин стратегия понимается как метод защиты отечества и разгрома врагов. В соответствии с этим формулируются и две главные цели стратегии. Первая из них заключается в обеспечении собственной безопасности (имеется в виду безопасность не только войска, но и гражданского населения — горожан и сельских жителей); вторая включает в себя мероприятия по подготовке к разгрому противника и по непосредственному осуществлению этого разгрома. Под тактикой, согласно Анониму, подразумевается «наука, по которой масса людей вооружается, делится на подразделения и целесообразным способом приводится в движение» (Anonymus, XIV, 1).

[104] См., например: De vel. bell., XIX. P. 216, 41–42; XX. P. 218, 11; XXI. P. 224, 14.

За пределами внимания нашего автора полностью остались общефилософские, доктринальные идеи относительно самого понятия войны, ее роли в жизни общества и государства, в частности, знаменитая теория «законной причины войны», со времен Онасандра занимавшая умы военных теоретиков[105]. Строго говоря, в трактате содержатся лишь две крупномасштабные концептуальные идеи, позволяющие судить об уровне стратегического мышления нашего автора.

В первом случае речь идет о ситуации, когда неприятельская армия вторглась в ромейские пределы и продвинулась достаточно далеко вглубь. Лучшим средством вынудить ее покинуть территорию империи автор трактата считает не осуществление мероприятий по разгрому вражеского экспедиционного корпуса, а организацию параллельной экспедиции византийских войск в землю неприятеля. Этому маневру специально посвящена бóльшая часть XX главы анализируемого трактата, а в качестве иллюстрации описана экспедиция под руководством Никифора Фоки (Старшего), полководца эпохи Льва VI Мудрого[106]. Автор дает понять, что ему известны и другие примеры подобных успешных акций, совер-

[105] См. об этом: *Кучма В. В.* «Стратегикос» Онасандра // ВВ. 1984. 45.

[106] Подробности этой экспедиции были впервые прокомментированы А. Васильевым (см.: *Васильев А.* Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1902. Часть 66. С. 119–120).

шаемых в менее отдаленные времена стратигами Анатолики, Каппадокии и Ликанда[107]. На основании этого опыта и сформулирована идея демонстративной экспедиции в неприятельскую землю, благодаря которой можно отбросить врага, даже не давая генерального сражения.

Если данная стратегическая идея высказывалась и более ранними военными авторами (она была известна со времен Фронтина, ссылавшегося на боевые эпизоды V и III вв. до н. э.[108]), то вторая может быть признана вполне оригинальной. Речь идет о маневре, который мог бы быть условно назван стратегическим заслоном[109]. Он должен быть осуществлен на самой ранней, самой опасной для ромеев стадии военной кампании, когда фемная армия еще не собрана и не готова принять на себя удар противника. Главная цель маневра заключается в обеспечении безопасности не только еще не отмобилизованной армии, но и всего региона, на который распространяются генерал-губернаторские функции стратига.

Маневр требует от стратига поистине молниеносных действий: возможность его применения исчерпывается лишь тем кратким промежутком времени, когда неприятель вплотную приблизился к границе, но еще не перешел ее; задача состоит именно в

[107] De vel. bell., XX. P. 220, 45–58. См. комментарии к нашему переводу данного отрывка в настоящем издании.

[108] *Frontin.* Kriegslisten, I, 3, 8–9. Ed. G. Bendz. Berlin, 1963. S. 28 (далее — Frontin).

[109] De vel. bell., III. P. 154–156. См. наш перевод данной главы и комментарий к нему в настоящем издании.

том, чтобы не допустить вступления врага на территорию империи. Получив известие о сосредоточении неприятельского войска на приграничном рубеже, стратиг должен стремительно выдвинуться на этот рубеж со всеми имеющимися у него под руками силами, пусть даже самыми минимальными, и успеть взять под контроль узкие горные дефиле в пункте предстоящего вторжения. Именно в быстроте действий и состоит суть рекомендуемого маневра; количественный и качественный состав сил, который приведет с собой стратиг, в данной ситуации не имеет принципиального значения. Условия горной местности фактически сведут на нет численное превосходство вражеского войска над византийским отрядом; эти же условия лишат арабов возможности использовать преимущества своей конницы. Главную роль в этом эпизоде призвана сыграть пехота — тот род войск, в котором ромеи традиционно превосходили арабов. Поэтому вполне объяснимы подробные рекомендации автора «De velitatione bellica» по рациональному размещению пехотных подразделений с учетом рельефа местности и возможностей использования различных видов наступательного и оборонительного оружия.

Итог описанного маневра, при его успешном осуществлении, может быть двояким, но в обоих случаях благоприятным для византийцев: либо разгром неприятеля, либо его отказ от вторжения на данном направлении. Сопоставляя оба варианта, наш автор проявляет себя весьма трезво мыслящим человеком, чей богатый боевой опыт научил его реальному взгля-

ду на вещи. Он справедливо считает, что на первый из указанных исходов все-таки полностью уповать не следует: на начальной стадии военной кампании соотношение сил пока не в пользу ромеев — их армия еще не приведена в состояние боеготовности, тогда как противник идет со свежими силами и в полном снаряжении. Поэтому эффект маневра можно будет считать полностью достигнутым, если удастся заставить противника отступить и потерять время на поиски нового маршрута вторжения. Немаловажным будет и достижение морального превосходства над противником: изнуренный многодневным переходом, он будет деморализован потерей наиболее безопасного и короткого пути, вследствие чего утратит мужество и окажется скованным робостью; ромеи же будут вдохновлены сознанием того, что успех достигнут практически без потерь, одной лишь демонстрацией готовности к сражению.

Свежая стратегическая идея — достоинство, которым отмечено далеко не каждое полемологическое сочинение. Уже одно только формулирование такой идеи делает честь ее автору; глубокая же ее теоретическая проработка, сопровождаемая конкретными рекомендациями, рассчитанными на практический эффект, ставит его имя в ряд выдающихся представителей военно-научной мысли.

В дополнение к отмеченным ранее пробелам в стратегической информации «De velitatione bellica» можно констатировать и упущения в сфере сюжетов, которые принято относить к разряду чисто тактических. Так, почти без всякого специального анализа оставлены вопросы численности, структуры,

внутренней организации армейских подразделений, а также их снаряжения и снабжения. Вопрос о соотношении конницы и пехоты в ромейском войске решается автором лишь в самом общем смысле: конница играет роль мобильных, чаще ударных сил, пехота — стационарных, в большинстве случаев защитных. В свою очередь, в составе пехоты могут присутствовать как тяжеловооруженные контингенты (оплиты[110]), так и легковооруженные (псилы; среди последних различаются лучники и пращники[111]). Перечень элементов наступательного вооружения очень скуден: упоминаются лишь луки[112], пращи[113], метательные средства (дротики, копья)[114]. Упоминание меча — боевого оружия кавалеристов — встречается трижды[115], но во всех случаях в составе идеоматического оборота «сделать жертвой меча» (вариант — «предать мечу»), а потому не несет никакой терминологически значимой нагрузки. Из защитного вооружения в единственном случае названы «доспехи»[116] (без конкретной расшифровки этого термина); также один раз упомянута верхняя кавалерийская плащ-накидка[117], о которой специально сказано, что она не должна быть светлой.

[110] Термин встречается лишь единственный раз в словосочетании «щитоносные оплиты» — De vel. bell., III. P. 154, 27.
[111] Ibid., III. P. 154, 28–29.
[112] Ibid., X. P. 176, 64; XXIV. P. 234, 38.
[113] Ibid., XXIV. P. 234, 38.
[114] Ibid., X. P. 176, 64.
[115] Ibid., X. P. 176, 48; XVII. P. 210, 127; XX. P. 218, 29–30.
[116] Ibid., VIII. P. 164, 25.
[117] Ibid.

В трактате совершенно отсутствуют сведения о военном обучении стратиотов — сюжеты, привлекавшие самое пристальное внимание других военных писателей. Нет информации и о том, что составляет самую суть тактики — принципах боевого построения войск[118]. Не сообщается практически ничего о порядке совершения маршей (кроме некоторых рекомендуемых мер безопасности, о чем будет сказано далее), способах преодоления водных преград, инженерном оборудовании местности. Весьма фрагментарны свидетельства об обозах (они сконцентрированы в основном в главе XVI).

Информация о лагерном устройстве преподнесена в ракурсе мер безопасности армии, закончившей к ночи марш и приведенной в стационарное состояние (не случайно глава, в которой об этом рассказывается — XV по общей нумерации, — имеет название Περὶ ἀσφαλείας). Весьма характерно, что все эти рекомендации не привязаны ни к какому конкретному варианту лагерных стоянок; достаточно подробно рассказано лишь о мобильных разведывательных

[118] Можно лишь составить вполне определенное представление о том, что наш автор — сторонник многолинейного, многоэлементного построения: он свободно оперирует понятиями «фронт», «тыл», «фланги», «боевые линии», «авангард», «арьергард» и т. п. Одно из объяснений игнорирования автором проблем тактических построений может состоять в том, что подразумеваемый им противник не придерживался «правильных» (с точки зрения греко-римско-византийской военной теории) способов ведения боевых действий, а потому не удостаивался применения против него «правильного» боевого порядка.

группах, которые должны быть разосланы во все стороны для наблюдения за неприятелем и пресечения неожиданных нападений с его стороны[119]. Самому стратигу рекомендуется по нескольку раз в течение ночи менять свое местоположение; однако чтобы при такой смене не нарушалась система взаимодействия наблюдательных постов, разработан механизм ее непрерывного функционирования[120].

Автор «De velitatione bellica» не рассматривает в полном объеме и проблемы полиоркетики, ссылаясь на их детальную разработанность в предшествующей военно-научной литературе, но при этом не называет конкретно ни одного из своих источников[121]. Основная установка, выраженная в XXI главе трактата, заключается в том, чтобы была обеспечена максимальная согласованность маневров полевой армии с действиями гарнизона осажденной врагами крепости[122].

Сознательно оставляя без внимания значительные пласты тактической информации, автор вместе с тем проявляет себя тонким знатоком отдельных тактических сюжетов. Так, например, принципы организации разведывательной и караульной службы разработаны в «De velitatione bellica» с максимальной подробностью, гораздо детальнее, чем во всей предшествующей литературе, — объяснением такого внимания к указанным сюжетам явился се-

[119] De vel. bell., XV. P. 198, 23–25.
[120] Ibid., XV. P. 198, 34–42.
[121] Ibid., XXI. P. 224, 11–15.
[122] Ibid., XXI. P. 224, 25–26.

ционный характер войны с арабами, прогнозируемость срока их нападений. Автором трактата зачастую предлагаются весьма нетрадиционные решения некоторых тактических вопросов — решения, которые оказываются принципиально возможными лишь при условии основательной профессиональной подготовки их инициатора.

Наш автор — убежденный сторонник той идеи, что начинать крупномасштабное сражение можно только при условии достижения перевеса над противником в живой силе[123]. Несомненно, зная среднюю численность кавалерийского войска одной фемы (4 тыс. всадников), обоснованную в «Тактике Льва»[124], автор «De velitatione bellica», однако, считает, что уже контингент в 3 тыс. человек вселяет надежду на успех[125]; при достигнутой же численности войска в 5–6 тыс. кавалеристов уже нет необходимости в его дальнейшем наращивании[126]. С такими показателями, говорится далее в трактате, уже не страшно отважиться на сражение с неприятелем в открытом бою[127], особенно в том случае, когда вражеское войско разделилось по крайней мере надвое и количество боевых сил в его большей части не превышает 6 тыс. человек[128].

[123] De vel. bell., XIV. P. 194, 96–97.
[124] TL, XVIII, 149. Col. 988.
[125] De vel. bell., XVI. P. 202, 70–72.
[126] Ibid., XVII. P. 204, 24–26.
[127] Ibid., XIX. P. 214, 16–18.
[128] Ibid., XIV. P. 192, 44–48.

Специфический характер вражеского войска определил основную идею противостояния ему: «необходимо стремиться, заботиться и прилагать все усилия к тому, чтобы совершать нападения на врагов тайно и неожиданно»[129]. Наибольший эффект в этих условиях способно принести широкое применение засадной тактики, — подробные свидетельства о ней сосредоточены в XVII главе трактата. Настойчивая пропаганда столь эффективного способа боевых действий делает честь нашему автору как знатоку военной традиции (об этом достаточно подробно писали практически все более ранние военные авторы — начиная с Онасандра, кончая Львом VI) и боевому практику; при этом идея организации грандиозных засад численностью 2–3 тыс. всадников[130] не имеет аналогий в предшествующей литературе.

При выборе места сражения следует непременно брать в расчет ландшафт местности (чтобы иметь возможность напасть на врага сразу с нескольких сторон) и время суток. Явное предпочтение отдается ночному сражению: высказавшись несколько раз по этому поводу[131], автор подробно проработал этот сюжет в специальной (XXIV) главе трактата. Излагаемая в трактате информация о ночном сражении, которая, по выражению М. Йенса, составляет излюбленный сюжет византийских военных писателей[132],

[129] De vel. bell., IV. P. 156, 5–7.

[130] Ibid., XVII. P. 204, 27–32.

[131] Ibid., V. P. 160, 15–17; XII. P. 188, 43–44; XX. P. 222, 83–85.

[132] *Jähns M.* Op. cit. S. 177.

демонстрирует яркий пример сочетания традиционных рекомендаций, известных нашему автору из сочинений предшественников (Аноним VI века, Маврикий, Лев VI), с данными собственного боевого опыта. Конкретно речь идет о ночном нападении на неприятельский лагерь. В зависимости от его конфигурации (продолговатый или круглый) определяется место атаки подразделений пехоты, тогда как остальные силы ромеев, разделенные на шесть и более частей, должны перехватывать бегущих врагов. Деморализующее воздействие на противника должны оказать многочисленные зажженные костры, а также громкие крики и звуки труб[133]. Ход рассуждений нашего автора максимально логичен: поскольку вражеское войско сопровождается громадным обозом, насчитывающим десятки тысяч лошадей, большим количеством мулов, ослов и верблюдов, ночное нападение даже небольшими силами способно вызвать такую панику, которая приведет противника к катастрофе[134].

[133] Неоднократно подчеркивая важную роль шумовых эффектов в ходе сражения, автор «De velitatione bellica» целиком следует в русле более ранней военной традиции, восходящей еще ко временам Онасандра. Последний, преднамеренно заостряя свою мысль, писал (Onasander, XLII, 17), что иногда безоружный трубач способен заставить капитулировать целый город.

[134] Еще в трактате Фронтина (Frontin, II, 4, 12) указывалось, в частности, что необычный вид верблюдов, а также источаемый ими специфический запах приводит в замешательство боевых лошадей: испуганные, они не только сбрасывают всадников, но и вносят замешательство в ряды пехоты.

Принципиально важно заметить, что в трактате отсутствует непреодолимый водораздел между стратегическими установками и тактическими рекомендациями. Если этого требует характер информации, автор «De velitatione bellica» свободно «перебивает кадр» изображения, то укрупняя, то уменьшая его. Так, нашему автору, несомненно, известны глобальные установки «Тактики Льва» о подготовке страны и армии к войне[135]. Однако в трактате «De velitatione bellica» они утрачивают свой всеобъемлющий характер: причиной этому является и специальная предназначенность анализируемого трактата, и ограниченный (на уровне фемного стратига) масштаб мышления его автора, несоизмеримый с глобализмом воззрений венценосного автора «Тактики»; в результате установки Льва редуцированы до некоторых указаний об обороне крепостей[136]. Впрочем, и в данном сюжете наш автор нашел возможность проявить себя опытным практиком: он требует, чтобы каждый сельский житель, стремящийся найти спасение под защитой городских стен, принес с собой запас продовольствия не менее чем на четыре месяца[137] — деталь, автору «Тактики» неизвестная.

[135] Эти рекомендации сосредоточены преимущественно в XVII главе «Тактики Льва»; в свою очередь, они опираются на указания «Стратегикона Маврикия» (X, 3–4; пользуемся изданием: Das Strategikon des Maurikios. Ed. G. T. Dennis — E. Gamillscheg. Wien, 1981; далее — Strategicon). Подробнее см. об этом: *Кучма В. В.* Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX–X вв. по «Тактике Льва» // АДСВ. Вып. 9. Свердловск, 1973.

[136] De vel. bell., XXI. P. 222–226.

[137] Ibid., XXI. P. 222, 7–8.

Напротив, идея «золотого моста» для отступающего противника, известная еще со времен Ксенофонта (Киропедия, IV, 1, 16) и подтвержденная в трактатах Онасандра (XXXVIII, 3–5), Фронтина (II, 6, 1–10), Вегеция (III, 21), Анонима VI века (XXXIV, 4), Маврикия (VIII, 2, 92; IX, 2) и Льва VI (XVII, 27) в качестве тактической рекомендации[138], возведена в «De velitatione bellica» в ранг концептуальной стратегической установки, поскольку ей придано обобщенное, глобальное звучание[139].

Таким образом, разнохарактерность, разноплановость изложенной в трактате информации, равно как и отмеченные выше пробелы в ней, объясняются прагматичностью и утилитарностью исходной позиции нашего автора, так что сознательное игнорирование им многих важных сюжетов, недопустимое и предосудительное при наличии иного замысла, вполне оправдано поставленной им целью. Следует признать, что главная задача нашего автора, которую он решал путем сознательных самоограничений, несомненно была им успешно решена. И поскольку объектом его внимания оказался не отдельный элемент военного дела в его статичном состоянии и не механическая совокупность этих элементов, а метод боевых действий, предполагающий динамику своей ре-

[138] Ее суть заключается в следующем: нанеся противнику поражение, не следует лишать его возможности спастись бегством: от этого победа не станет менее масштабной, но достигнуть ее можно будет в более короткие сроки и с меньшими собственными потерями.

[139] De vel. bell., XXIV. P. 234, 12–18.

ализации, трактат неизбежно приобрел характер комплексного межотраслевого исследования многих компонентов военно-научных знаний, как смежных, маргинальных, так и на первый взгляд весьма друг от друга отделенных. Во всем этом автор проявил себя сведущим теоретиком и искушенным практиком, чьи профессиональные достоинства вошли к тому же в счастливое сочетание с писательскими способностями. В результате достоянием византийской полемологии стало компактное по объему, сознательно ограниченное по проблематике, но глубокое по разработке затронутых в нем проблем синтетическое военно-научное руководство, имеющее к тому же сугубо практический характер. Будучи одновременно и ретроспективно-итоговым, и перспективно-программным[140], это руководство ни в коей мере не отменяло и не подменяло всех прочих действовавших тогда регламентов и уставов — оно их органически дополняло, входя весомым компонентом в глобальный комплекс военно-научных знаний, формируемых в сознании современников всей совокупностью предшествующей полемологической традиции.

* * *

Основное содержание трактата «De velitatione bellica» сводится к описанию особого метода манев-

[140] О предложенной нами классификации памятников греко-римско-византийской военно-научной литературы («трактат-итог», «трактат-посредник», «трактат-программа») см. в статье: *Кучма В. В.* «Византийский Аноним VI в.».

ренной войны, обозначаемого термином παραδρομή. Этот метод был вызван к жизни военно-стратегической ситуацией, существовавшей на юго-восточных рубежах империи в 40–60-х гг. X века, когда ее пограничные фемы находились под постоянной угрозой вражеского (именно арабского) вторжения. Почти ежегодно, обычно в конце лета — начале осени (а иногда 2–3 раза в год), через естественный барьер, образуемый горами Тавра, на ромейскую территорию прорывались мобильные формирования арабских эмиров, фактически малые армии смешанного типа, включающие как пехотные, так и кавалерийские контингенты, средней численностью 5–6 тыс. человек. Стремительно проникая в области Киликии, Ликанда, Каппадокии и Анатолика, они либо брали приступом города, либо обходили их без боя, опустошали сельскую местность, а затем столь же внезапно поворачивали назад, чтобы успеть до зимы возвратиться домой с пленными и добычей. Военные столкновения в этих условиях характеризовались предельной динамичностью — не могло быть и речи о каких-либо продолжительных маневрах, длительных осадах, стратегии выжидания или измора; солидные военные действия в принципе не исключались, но как бы оставались за кадром. Задача обеспечения безопасности пограничного региона целиком возлагалась на соответствующего фемного стратига, который должен был полагаться в первую очередь на собственные людские силы и материальные ресурсы; вмешательство боевых контингентов регулярной армии (они упомянуты в трактате под характерным

наименованием «императорских» или «ромейских» войск[141]) предполагалось лишь в самых исключительных случаях.

По свидетельству автора «De castrametatione», главным военным соперником империи являлись эмиры династии Хамданидов, установившие свою власть в северных регионах Сирии с 40-х гг. X века. Имя Хамдана названо уже во введении к трактату[142]. Один из двух его сыновей, по имени Али, присвоивший себе имя Сайф-ад-Даула («меч царства»), в 944 г. основал собственный эмират с центром в г. Алеппо. С этого момента и до самой своей смерти в 967 г. он был главным военным соперником Византии на малоазийском театре военных действий.

То, что военные действия разворачивались именно на этом театре, не вызывает ни малейших сомнений. В трактате неоднократно упоминаются «большие пограничные фемы» империи[143] (к их числу относятся Селевкия, Анатолик, Каппадокия, Ликанд), «пограничные армянские фемы»[144], непосредственно соседствующие с владениями арабских эмиров (их перечень дан в главе XXIII), более отдаленные зарубежные регионы — Египет, Палестина, Финикия, Келесирия (т. н. «Полая Сирия» — область между горными цепями Ливана и Антиливана), территории Сирии, прилегающие к Антиохии и Алеппо[145]. Кроме

[141] De vel. bell., XII. P. 186, 3, 5–6.
[142] Ibid., προοίμιον. P. 146, 21.
[143] Ibid., I. P. 150, 4.
[144] Ibid., II. P. 152, 11.
[145] Ibid., VII. P. 162, 6–8.

того, в трактате зафиксированы названия гор Тавра[146], еще трех городов — Мисфеи[147], Аданы[148] и Романополя[149], двух рек — Евфрата[150] и Кидна (Иеракса)[151], двух дорог — Маврианової[152] и Каридиевой[153]. — Таким образом, все без исключения упоминаемые в трактате «De velitatione bellica» географические наименования полностью соотносятся с малоазийскими регионами империи и прилегающими к ним пограничными районами, — здесь невозможно обнаружить ни единственного наименования, которое относилось бы к западным территориям. При этом весьма многозначительной представляется ремарка, завершающая индекс географических наименований: все упомянутые в трактате дороги и земли автор трактата «видел собственными глазами»[154].

Военные соперники империи на малоазийском театре боевых действий называются в трактате поразному. Обобщающий термин «арабы» употреблен лишь единственный раз[155]; гораздо чаще враждебные племена именуются либо по их конфессиональной принадлежности («потомки Исмаила», «исмаилиты», «сыны Агари»), либо по названиям местности

[146] De vel. bell., XXIII. P. 230, 8.
[147] Ibid., XX. P. 218, 16; 220, 38.
[148] Ibid., XX. P. 218, 23, 25; 220, 36.
[149] Ibid., XXIII. P. 230, 13.
[150] Ibid., XXIII. P. 230, 12.
[151] Ibid., XX. P. 220, 35.
[152] Ibid., XX. P. 218, 22–23.
[153] Ibid., XX. P. 220, 43.
[154] Ibid., XXIV. P. 236, 72.
[155] Ibid., VII. P. 162, 9.

их обитания («тарсяне», «тарситяне», «киликийцы»). В противовес этому, территории империи именуются «ромейскими областями», «ромейскими владениями»; трижды использован обобщающий термин «Ρωμανια»[156]. Таким образом, характеристика соответствующих этнонимов в анализируемом трактате подтверждает наблюдения, согласно которым термин «ромей» до XI в. имел скорее не этническое, а политико-конфессиональное значение; описания же других народов строились на этно-генетических, политических, конфессиональных и географических критериях[157].

Нельзя сказать, что в конфликтах со своими мусульманскими соперниками Византия была исключительно обороняющейся стороной: не ограничиваясь отпором неприятелю на собственной территории, ромейские войска также неоднократно совершали глубокие рейды во вражеские владения. Поэтому общий военно-стратегический баланс арабо-византийского противостояния в малоазийском регионе в 40–50-х гг. не являлся для империи однозначно отрицательным; с начала же 60-х гг., в ходе т. н. «византийской реконкисты», он уже окончательно сложился в ее пользу.

Метод παραδρομή, пропагандируемый автором «De velitatione bellica», был рассчитан, следователь-

[156] De vel. bell., IV. P. 156, 15; VII. P. 162, 23. XX. P. 220, 52.

[157] См. об этом: *Литаврин Г. Г.* Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках / / Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 198–217.

но, на применение в территориально-локализованном регионе, в конкретной военно-стратегической ситуации, против строго идентифицированного противника, на определенной (преимущественно начальной) стадии военной кампании. Исходная ситуация для начала применения метода характеризуется тем, что мобильные части противника реально угрожают вторжением на территорию империи; силы же ромеев еще не приведены в состояние готовности к немедленным боевым действиям против динамичного, жаждущего вступить в противоборство неприятеля — для такой подготовки требовался определенный мобилизационный период.

Причины неотмобилизованности византийских вооруженных сил, а потому их неготовности к ведению крупномасштабных боевых действий на самой начальной стадии военной кампании объективно определялись специфическими особенностями военной организации империи, соответствовавшей периоду фемного строя, когда основную массу вооруженных сил составляли контингенты, сформированные на принципах милиционно-территориального ополчения. В мирное время стратиоты занимались делами, не связанными с несением военной службы[158], но на призыв должны были явиться со своей лошадью и

[158] См. об этом: *Кучма В. В.* К вопросу о социальной базе византийской военной организации на рубеже VI–VII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988; *Он же.* Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX–X вв. // ВО. М., 1971.

необходимым вооружением[159]. Поэтому на постановку в строй фемных ополчений, на проверку их вооружения, снаряжения, обеспечения продовольствием и фуражом по нормам табельной положенности, а затем на передислокацию в пункты сосредоточения требовались значительные затраты времени: автор «De velitatione bellica» ясно дает понять, что войско

[159] Этот порядок, закрепленный еще в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, I, 2; VII B, 17), к середине X века получил законодательное оформление — см., об этом, например: *Lemerle P.* Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes // RH. 1958. 220). Любопытные подсчеты средних размеров стратиотского имущества, потребного для исполнения воинской службы в кавалерии, были впервые произведены Ф. И. Успенским (см.: *Успенский Ф. И.* Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. VI. Вып. 1–3. София, 1900–1901. С. 199–201). В среднем нормальный воинский участок стоимостью 4 литры (1 литра, составлявшая фунт золота, исчислялась 72 номисмами) и площадью около 25 га давал, согласно подсчетам Г. Острогорского, 18,5 номисм годового дохода — см.: *Ostrogorsky G.* Pour l'histoire de féodalité byzantine // Corpus Bruxellense Histoire Byzantinae. Subsidia I. Bruxelles, 1954. P. 12; в более поздних исследованиях эта цифра снижена до 15 номисм — см. об этом: *Шилов К.* К вопросу о военных реформах Никифора II Фоки и их социальных последствиях // ВВ. 2001. 60 (85); далее — *Шилов*, Реформы. Как известно, при императоре Никифоре Фоке размер стоимости солдатского имущества был увеличен втрое, до 12 литр. К сожалению, прямых свидетельств воздействия данной реформы на судьбы стратиотского сословия по материалам анализируемого трактата обнаружить не удается. Обзор исторической эволюции стратиотского землевладения, лежавшего в основе фемной военной организации, был дан Г. Г. Литавриным (см.: *Литаврин*, Кекавмен. С. 380–383).

(конкретно речь идет о пехотных подразделениях) не может быстро собраться и хорошо подготовиться к боям в короткое время, исчисляемое лишь несколькими днями[160].

В этих условиях фемный стратиг, т. е. генерал-губернатор фемы, возглавляющий ее территориальные воинские формирования, обязан осуществить ряд действий, системная совокупность которых и составляет содержание метода παραδρομή. Осуществление метода должно обеспечить выигрыш времени, в течение которого будут завершены мобилизационные мероприятия, и византийская армия уравняется по численности с арабскими силами или даже превзойдет их. Кроме того, вступят в силу и объективные законы войны: для вторгнувшейся армии по мере ее продвижения в глубь страны будет нарастать тенденция к ослаблению вследствие неизбежности рассредоточения, — напротив, обороняющаяся сторона, сосредоточиваясь, будет усиливаться; это прогрессирующее преимущество обороняющейся стороны будет проявляться все более рельефно по мере углубления театра военных действий[161]. Момент достижения баланса сил составит конечный временной рубеж применения метода παραδρομή; с этого времени характер боевых действий будет определяться уже иными правилами, сформулированными в других военно-научных руководствах, которые, разумеется, сохранили свой статус действующих и после издания трактата «De velitatione bellica».

[160] De vel. bell., IV. P. 158, 32–34.

[161] См. об этом: *Михневич Н. П.* Указ. соч. С. 143, 298.

Таким образом, главный смысл метода παραδρομή заключается в том, чтобы посредством малых сил, которыми располагает фемный стратиг на начальной стадии военной кампании, нейтрализовать вражеское войско, обладающее временным численным превосходством и владеющее на первых порах боевой инициативой. Выразив эту мысль в заключительной фразе V главы[162], автор трактата построил дальнейшее изложение материала в форме трех концентрических информационных циклов с постоянно расширяющимся объемом. Так, глава VI раскрывает содержание метода παραδρομή на варианте, когда на территорию империи проникают только лишь передовые отряды противника, именуемые монокурсами. Как правило, это конные подразделения, следующие налегке, без пехотного и обозного сопровождения, без намерения становиться лагерем; главная их цель — осуществление разведки, захват языков, добычи и фуража. Второй, более развернутый блок информации представлен в IX главе, где анализируемый метод смоделирован в условиях набегов, осуществляемых комбинированными (конными и пешими) отрядами мусульманских эмиров, чьи владения соприкасаются с пограничными фемами империи.

В построении VI и IX глав трактата явно просматривается особый композиционный замысел нашего автора: дав характеристику метода сначала в миниатюрном, затем в несколько укрупненном изображении, в дальнейшем экстраполировать все компонен-

[162] De vel. bell., V. P. 160, 17–20.

ты этого метода на крупную военную кампанию, сопровождающуюся созданием военно-оперативных баз противника на византийской территории. В процессе анализа этого третьего варианта, рассматриваемого в последующих главах до конца трактата, рекомендуемый автором метод приобретает окончательную определенность[163].

* * *

Из каких же основных компонентов складывается метод παραδρομή? В какой системной связи эти компоненты находятся? Какова должна быть последовательность их применения в реальной боевой практике?

Важнейшим компонентом анализируемого метода и одновременно необходимым условием его успешной реализации является организация разведывательной и караульной служб, осуществляемая как до начала военной кампании, так и непосредственно в ходе ее проведения[164].

---

[163] В предыдущих работах нами уже отмечались высокие композиционные достоинства анализируемого сочинения, логичность и последовательность развертывания в нем информации, гармоничность и уравновешенность составляющих его частей (см., например: *Кучма В. В.* Военно-теоретическая мысль. С. 292).

[164] В предшествующей полемологической традиции наиболее детально данный сюжет был проработан анонимным военным автором VI века (см. об этом: *Кучма В. В.* «Византийский Аноним VI в.»). Прямых доказательств непосредственного использования автором «De velitatione bellica» информации Анонима не имеется, однако влияние идей второго на первого можно констатировать с полной определенностью.

Трактат начинается с подробной характеристики сторожевых постов, именуемых виглами, которые выставляются стратигами пограничных фем для наблюдения за передвижением неприятельских войск еще на подступах к ромейским владениям. Эти виглы следует выстраивать не в одну линию, но придавать их построению эшелонированный характер. Первая (внешняя) линия вигл должна быть размещена на возвышенных местах, по гребням гор, чтобы иметь возможность более широкого обзора пограничной территории; расстояние между отдельными постами определялось в 3–4 мили[165]. Увидев приближение неприятеля, постовые первой виглы должны как можно быстрее прибыть в расположение второй виглы и сообщить обо всем виденном; далее таким же способом сообщение должно быть передано виглам третьей и последующих линий. В конечном счете известие должно дойти до конных стражей, которые размещены уже в глубине ромейской территории на равнинных местах, — эти конные стражи обязаны уведомить о начале вражеского вторжения непосредственно самого стратига[166].

[165] De vel. bell., I. P. 150, 10–12. Миля — мера расстояния, равная 1574,16 м (о различных ее значениях см.: *Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München, 1970. S. 32–36; далее — *Schilbach*, Metrologie).

[166] De vel. bell., I. P. 150, 12–17. Как видим, здесь речь не идет о передаче разведывательных данных с помощью видимых условных знаков или сигнальных огней, как это было в свое время предусмотрено Анонимом VI века, опиравшимся на опыт античных авторов от Ксенофонта до Витрувия. При этом Аноним подчеркивал, что указанный способ передачи

Сторожевым постам вменено в обязанность нести свою службу на протяжении 15 суток, после чего производится их смена; на этот срок они должны быть обеспечены съестными припасами[167]. Следует отбирать для несения караульной службы людей крепких, выносливых, досконально знающих все дороги[168]. Постовым рекомендуется не стоять на одном месте, но постоянно передвигаться, чтобы не быть захваченными врагами врасплох. Стратигу же следует время от времени посылать наиболее опытных архонтов для проверки надежности несения службы караульными постами[169].

Особую разновидность сторожевых постов представляли караулы на дорогах, которые, если судить по контексту, могли быть выдвинуты за пределы ромейской территории. Именно от них стационарные виглы могли получить первое сообщение о вражеском марше; их задача заключалась также и в том, чтобы оповестить об опасности жителей пограничных территорий, чтобы последние успели заблаговременно укрыться в безопасных, защищенных мес-

военной информации достаточно рационален: с его помощью можно было сообщить не только о самом факте вражеского вторжения, но и назвать численность (в тысячах человек) неприятельского войска (Anonymus, VIII, 1–6, 8). Очевидно, автор «De velitatione bellica», располагая гораздо большим, чем Аноним, практическим опытом, отдавал явное предпочтение изустным способам передачи военной информации как более полным и точным по сравнению с визуальными.

[167] De vel. bell., I. P. 150, 18–20.

[168] Ibid., I. P. 150, 9–10.

[169] Ibid., I. P. 150, 30–34.

тах вместе с семьями, имуществом и домашним скотом[170]. Таким образом, дорожные караулы составляли как бы промежуточное (и передаточное) звено между сторожевыми постами, расположенными на ромейской территории, и разведчиками (лазутчиками), действовавшими в тылу врага[171]. В качестве последних наиболее подходящими считались трапезиты, которых, как известно автору трактата, армяне называли тасинариями[172]. Наиболее сильных и мужественных из этих трапезитов рекомендовалось

[170] De vel. bell., II. P. 152, 3–10.

[171] В предшествующей литературе сюжет о разведчиках и шпионах был наиболее подробно разработан Анонимом VI в. (Anonymus, XLII, 1–11): данная глава, пронизанная весьма живыми деталями (от формулирования задач шпионской службы до советов по выбору явок, квартир, организации конспиративных встреч) представляет большой интерес в силу богатства и новизны сообщаемой информации. Ряд созвучных рекомендаций содержится в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, VIII, 2, 25–26), а через его посредство — в «Тактике Льва» (TL, XVII, 93, 96, 99).

[172] De vel. bell., II. P. 152, 24. Анализируя данное сообщение трактата, М. Я. Сюзюмов отмечал, что привлечение купечества и вообще лиц, связанных с денежным обращением, к выполнению задач разведывательного характера было обычным явлением для Восточной Европы Средних веков. Разумеется, в X в. значение термина «трапезит» отделилось от привычного значения «меняла»: оно стало означать кавалериста, принимавшего участие в диверсиях на вражеских территориях. Несколько позже трапезиты превратились в более или менее постоянные пограничные части специального назначения, а их действия дали основания для того, чтобы термин «трапезит» в его военном значении стал почти синонимом термину «разбойник», «грабитель» (χωσάριος). См.

поставить на особый учет и назначить над ними архонтов, обладающих, помимо храбрости и боевого опыта, еще и хорошими знаниями местностей и дорог в Сирии (весьма примечательное свидетельство о наиболее вероятном стратегическом направлении предстоящих боевых действий). Главная цель трапезитов состояла в том, чтобы наносить вред неприятельским землям и терроризировать обитавшее там население; если предоставлялась возможность, следовало захватить кого-либо из местных жителей и доставить стратигу для выяснения намерений противника и определения маршрутов его движения[173].

Автору трактата известно, что нападения врагов на ромейскую территорию обычно происходят в сентябре. Поэтому уже в августе, в период сбора неприятельских армий, предписывалось резко активизировать разведывательную деятельность на вражеской территории, используя в качестве разведчиков лиц торговых и купеческих профессий. Рекомендовалось также в это время проявлять знаки дружеского расположения к правителям пограничных крепостей, чтобы с помощью хитрости, лести и подкупа выведывать от них сведения о силах противника, о соотношении во вражеском войске конницы и пехоты, о неприятельских военачальниках, о вероятных направлениях вторжения и т. п.[174].

об этом: Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 162–163. О значении и этимологии терминов «трапезиты» и «хонсарии» см.: *Литаврин*, Кекавмен. С. 353.

[173] De vel. bell., II. P. 152, 26–31.

[174] Ibid., VII. P. 162, 14–21.

После получения всех этих сведений стратиг должен с основными силами выдвинуться к границе (для осуществления маневра стратегического заслона, о чем было сказано ранее), а для встречи врагов еще до начала их вторжения в пределы империи отрядить несколько сотен искусных кавалеристов во главе с наиболее опытным турмархом[175] (или другим командиром из числа компетентных архонтов), чтобы этот отряд сопровождал неприятеля, оставаясь с ним в постоянном визуальном контакте, и доносил стратигу о всех его передвижениях[176].

Когда враг вступил в ромейские владения, контактное наблюдение за ним и боевое сопровождение его прибретают организованный, систематический и непрерывный характер. Особое внимание уделяется, разумеется, главной группировке вражеских сил. Располагаясь в оперативном пространстве, отделяющем главные силы стратига от вражеского экспедиционного корпуса, отряд во главе с турмархом призван играть роль своеобразного буфера безопасности. Если вражеское нападение совершено небольшими силами, обязанности турмарха достаточно ограничены — они исчерпываются лишь задачами наблюде-

[175] *Турмарх* — высшая (после стратига) военная должность. Подробно см. о ней в примечании 260. Об архонтских должностях фемного войска см.: *Кулаковский Ю.* Друнг и друнгарий // ВВ. 1902. 9. Вып. 1–2; *Кучма В. В.* Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. Структура и численность армейских подразделений // АДСВ. Вып. 12. Свердловск, 1975 (далее — *Кучма*, Структура).

[176] De vel. bell., VII. P. 162–164, 22–29.

ния и разведки. Турмарх, которому поручено контактное наблюдение, должен лично наблюдать за неприятельским войском с наиболее возвышенных точек местности, стараясь по клубам поднятой пыли или по дымам костров определить направление движения врагов[177], а по количеству истоптанной их конями травы, по следам переправ через водные преграды составить представление об их количестве. Если неприятели стали на ночь лагерем, появляется возможность определить их точную численность. С наступлением ночи турмарх должен приблизиться к неприятельскому лагерю и разместить со всех сторон вокруг него четыре наблюдательных поста (по четыре человека в каждом), сменяемых по нескольку раз в течение ночи. Их задача состоит в том, чтобы, используя рельеф местности, попытаться подсчитать численность врагов по размерам лагеря, по шуму воинов, по ржанию лошадей и крикам мулов[178]. Эти наблюдательные посты должны согласовать между собой возможности общения (криком, свистом и т. п.); должны быть также детально проработаны способы передачи информации от наблюдательных постов в ставку стратига[179].

Если будет установлено, что вражеское вторжение имеет крупномасштабный характер, задачи турмарха усложняются — он обязан организовать постоянное боевое сопровождение, осуществляемое на протяжении всего времени суток. По маршруту сле-

[177] De vel. bell., VIII. P. 164, 18–20.
[178] Ibid., VIII. P. 166, 41–44.
[179] Ibid., VIII. P. 166, 61–71.

дования неприятельской армии турмарх должен направить три пары конных патрулей, двигающихся последовательно друг за другом и поддерживающих между собой визуальную связь; при этом первая пара должна держать под наблюдением вражеский арьергард[180]. Вслед за тремя парными патрулями должны быть отряжены еще три патруля, на этот раз по четыре всадника в каждом[181]. За этой цепью конных патрулей, насчитывающей в общей сложности шесть звеньев, следует сам турмарх во главе вверенного ему отряда; между ним и ближайшим конным патрулем курсируют двое связных, которые сообщают турмарху всю разведывательную информацию, поступающую по цепи патрулей. Если возникнет необходимость, турмарх может направить этих связных с докладом к стратигу, который вместе с главными силами совершает марш на определенной дистанции позади отряда турмарха[182].

Таким образом, на марше главные силы византийской армии должны быть обеспечены от опасности прямого боевого воздействия со стороны неприятеля отрядом турмарха с выдвинутой вперед цепью конных патрулей; на этот отряд, следовательно, возлагаются функции боевого авангарда. Задачу флангового охранения должны решать два небольших специальных отряда, располагаемые справа и слева от группировки стратига по ходу ее движения; в каждом из этих отрядов должно насчитываться до 30

[180] De vel. bell., IX. P. 168, 15–24.
[181] Ibid., IX. P. 168, 25–26.
[182] Ibid., IX. P. 168. 28–29.

всадников. Роль боевого арьергарда призван сыграть еще один отряд, замыкающий армейскую маршевую колонну[183]. Как видим, совокупность разведывательных и наблюдательных мероприятий, рассчитанных на поддержание постоянного боевого контакта с противником, органически дополнена в анализируемом трактате целым комплексом мер по обеспечению безопасности собственной армии — как ее главных боевых сил, так и отдельных специализированных подразделений.

Следующий важнейший компонент метода παραδρομή — система мероприятий по расчленению вражеского войска, по изоляции друг от друга его отдельных частей и подразделений. Впрочем, зачастую такое разделение не являлось результатом усилий византийцев, а оказывалось неизбежным в силу объективных обстоятельств и происходило по инициативе самого вражеского командования. Автору трактата известно, что смешанное войско неприятеля сначала движется все вместе, а к вечеру, на закате солнца, разделяется: пехота вместе с обозом и выделенными для ее охраны всадниками останавливается и организует лагерную стоянку, основная же часть кавалерийских сил отправляется на разграбление близлежащих поселений[184]. В любом случае, независимо от того, разделилось ли вражеское войско по собственной инициативе или же это произошло в результате целенаправленных действий византийского командования, главная задача стратига за-

[183] De vel. bell., IX. P. 170, 41–46.
[184] Ibid., XIV. P. 190, 9–17.

ключается в том, чтобы в полной мере использовать такую благоприятную ситуацию с максимальной выгодой для себя, так как в условиях дробления вражеского войска факт малочисленности собственных сил утрачивает угрожающее значение. Глава X трактата содержит подробные рекомендации о возможности нанесения ударов по различным частям разделенного вражеского войска, причем выбор конкретных объектов нападения предоставляется стратигу в зависимости от реального соотношения сил, условий местности, времени суток и других самых разнообразных факторов.

При этом вовсе не обязательно, что коннице арабов будут непременно противостоять также кавалерийские части ромеев. Автор трактата рекомендует активно применять принцип противоположности, когда мобильности конных лав будет противопоставляться статичность пехотных каре. В поисках наилучших вариантов говорится и о допустимости переподчинения пехоты кавалерийским командирам[185], и о возможности сражения сошедших с коней всадников в пешем строю[186]; автору также хорошо известна ситуация, когда стратиг не в состоянии одолеть конного противника по причине нехватки пехоты в собственном войске[187]. Вообще в трактате рекомендуется не следовать никаким стереотипам по указанному поводу: в каждом отдельном боевом эпизоде противник должен столкнуться с тем родом войск, в

[185] De vel. bell., XXIV. P. 234, 28–30.
[186] Ibid., X. P. 176, 61–65.
[187] Ibid., X. P. 182, 183–185.

котором ромеи на данный момент имеют преимущество.

Возможен вариант, когда неприятель, встретив организованное сопротивление местных жителей, не может организовать сбор продовольствия вблизи своего расположения. Тогда он будет вынужден отделить половину или треть своего войска для отправки в более отдаленные местности, и такая экспедиция может занять несколько суток[188]. Как правило, среди ушедших большинство составит конница, среди оставшихся — пехота. Разумеется, подобным длительным разделением вражеского войска также необходимо незамедлительно воспользоваться с целью разгрома его по частям.

Еще одна существенная черта описываемого в трактате метода состоит в организации непрерывного, постоянного боевого воздействия на неприятельское войско. В качестве объектов первоочередного воздействия выбираются наиболее уязвимые элементы неприятельских сил. Таковыми считаются, в частности, фуражиры, пополняющие запасы продовольствия для солдат и корма для скота. Наиболее элементарный способ борьбы с ними — устройство засад на пути их движения. Более сложный маневр рекомендован для тех случаев, когда в сборе добычи будут участвовать строевые части неприятеля. Следует выделить сотню всадников и скрытно разместить их вблизи тех селений, которые избраны объектом грабежа. Выждав момент, когда грабители сойдут с коней и разбредутся по домам местных жи-

[188] De vel. bell., XXII. P. 226–228.

телей, эта сотня должна нанести внезапный удар, уничтожить часть грабителей и захватить пленных, а затем отступить, чтобы бросившиеся в преследование грабители оказались под ударами засадных отрядов. На заключительном этапе в бой должен вступить и сам стратиг с основными силами[189]. В трактовке данной ситуации автор «De velitatione bellica» целиком следует традиционным установкам греко-римской военной теории, ведущим начало со времен Фронтина и Онасандра, согласно которым удар по неприятелю должен быть приурочен именно к тому моменту, когда он занят грабежом, ибо тогда он оказывается наименее способным к организованному сопротивлению.

Если неприятели не отправляют далеко конных грабителей, а предпочитают действовать из лагеря, возможен другой способ действий, применяемый в ситуации, когда неприятели будут вынуждены сменить стан. Следует прежде всего организовать нападение на т. н. минсураторов (межевщиков, землемеров), отправленных на разбивку будущего лагеря. Узнав от них место предполагаемой новой стоянки, нужно заблаговременно отправить туда около трех сотен всадников, а основное войско расположить неподалеку в скрытом месте, имея в тылу крепость[190]. Завязав сражение в районе предполагаемой лагерной стоянки, стратиг может достичь значительного успеха.

[189] De vel. bell., X. P. 174–176, 39–48.
[190] Ibid., XIII. P. 188, 11–19.

Одной из наиболее уязвимых частей войска традиционно считался обоз. Поэтому стратигу следовало прежде всего обезопасить собственный обоз, укрыв его в укрепленном месте и вверив его охрану опытному архонту с отрядом всадников[191]. Что же касается неприятельского обоза, то нападение на него особой опасности не представляет, а выгоду может принести значительную[192], — в связи с этим различным деталям нападений на вражеский обоз в трактате уделено довольно много внимания.

Таким образом, рекомендованный в трактате метод ведения боевых действий представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных тактических мероприятий, рассчитанных на применение преимущественно на начальной стадии военной кампании. Императивная стержневая идея, пронизывающая весь этот комплекс, — это идея постоянного, непрерывного боевого контакта, который в обязательном порядке должен быть установлен с противостоящей стороной. Указанный контакт мо-

[191] De vel. bell., XVI. P. 200, 3–8.

[192] Ibid., X. P. 176, 80–178, 93: «В самом деле, нападение на вражеский обоз, если говорить коротко, никогда не вызывает особого затруднения и не причиняет вреда нашему войску, поскольку для защиты обоза выделяется лишь немного боеспособных кавалеристов, так что всякий раз, когда с ними происходило сражение, ромейское войско многих из них брало в плен и уничтожало, а также захватывало много упряжных животных и мулов со всей их поклажей... Итак, нападение на обоз выгодно потому, что оно не влечет за собой никакого вреда или затруднения, а гораздо чаще приносит победу и славу».

жет иметь три основные формы своего реального проявления: визуальное наблюдение, дистанционное боевое сопровождение, непосредственное вооруженное взаимодействие.

На наш взгляд, большинству исследователей, обращавшихся к информации трактата, свойственна ошибочная абсолютизация последней из перечисленных форм в ущерб значимости первых двух. Вследствие такого подхода многофункциональная сущность метода παραδρομή неоправданно сужается: для К. Б. Хазе рекомендуемый в трактате метод — это всего лишь «velitatio», для Д. Попова — «сшибка», для Ю. Кулаковского — «война-облава», для Дж. Дэнниса — «skirmishing», для Ж. Дагрона — «guérilla».

Действительно, трактат изобилует описаниями различных боевых действий. Но ограничиться констатацией этой очевидности — значит упустить остальные, не менее, а даже более значимые элементы анализируемого метода. Мы полагаем, что ключевым из них, определяющим самую суть метода παραδρομή, является именно второй элемент указанной триады — дистанционное боевое сопровождение. В фундаментальной разработке тактики боевого сопровождения как раз и заключается цель создания трактата; именно этим и определяется тот вклад, который внесен автором в военно-научную традицию. Военные же столкновения, объективно неизбежные при осуществлении боевого сопровождения, в большинстве случаев являются лишь аксессуарами регламентируемого способа тактических действий.

Обращает на себя внимание и тот факт, что общая оценка концептуальных воззрений автора трактата, существующая в ученой литературе, в большинстве случаев является негативной. Справедливо подчеркнув, что трактат несет печать «высокой самостоятельности и практической надежности», М. Йенс одновременно квалифицировал его как яркий показатель упадка военного искусства, проявляющийся в полной утрате всякой стратегической инициативы, вследствие чего сочинение не воодушевлено пафосом наступления, а проникнуто духом капитуляции[193]. С такой позицией в принципе солидарен и Ю. Кулаковский[194]. Несколько более смягчен, но полностью не снят негативный акцент в высказываниях Ш. Диля[195] и Л. Брейе[196].

---

[193] *Jähns M.* Op. cit. S. 176.

[194] *Кулаковский Ю. А.* Новоизданный византийский трактат по военному делу // ВВ. 1900. 7. Вып. 4. С. 655.

[195] *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 84. Мысль французского исследователя (трактат учит, как «со слабыми силами требовалось оказать сопротивление предприимчивому врагу») нуждается в корректировке. Дело в том, что **в конечном итоге** силы византийцев оказывались отнюдь не слабыми: все пассажи трактата неизменно заканчиваются рекомендациями по нанесению противнику поражения; следовательно, общий характер рекомендаций хотя и оборонительный, но отнюдь не пораженческий (подробнее см. об этом ниже).

[196] *Brėhier L.* Les institutions de l'Empire Byzantin. Paris, 1949. P. 373 (далее — *Brėhier*, Institutions). Заслуживает, однако, одобрения в целом правильное понимание Л. Брейе сущности новой тактики, разработанной автором «De velitatione bellica»: восходящая к рекомендациям Льва VI (TL,

Мы полагаем, что непременным условием объективной оценки воззрений автора «De velitatione bellica» является учет специфически неуниверсального характера, априорной тематической заданности его сочинения. В противном случае здесь легко впасть в ошибку, которую мы назвали бы источниковедческим эгоцентризмом и суть которой заключается в принципиально неправомерном укрупнении отдельной детали до размеров целого, частью которого эта деталь в действительности является. К сожалению, именно такая ошибка оказалась свойственной названным выше исследователям.

Будучи современником, очевидцем и вероятным участником военных событий 40–60-х гг. X века, обладая солидной теоретической и практической подготовкой профессионального военного, занимая весьма высокое место в военной иерархии, наш автор не мог не иметь реального представления как о самой военной организации империи во всей совокупности составлявших ее компонентов, так и о доктринальных принципах ее функционирования. Однако, получив императивную установку на обоснование частной военно-научной проблемы, он целиком сосредоточился лишь на ней и потому сознательно оставил без внимания все остальные, даже более гло-

XVII. Col. 913 sq.), эта тактика заключается в том, чтобы постоянно тревожить неприятеля и разрушать его планы посредством немногочисленных, но хорошо подготовленных воинских контингентов, действующих путем засад и других хитростей, в условиях четкой организации разведывательной и шпионской служб.

бальные и значимые аспекты военной теории и практики. Как уже было показано ранее, в ряде авторских пассажей отчетливо звучит мысль о том, что он располагает богатой и разнообразной информацией, далеко выходящей за пределы анализируемой темы, но он связан данным ему поручением и будет вынужден писать только в пределах оговоренной проблематики[197]. С учетом этого обстоятельства обвинения Ю. А. Кулаковским нашего автора в неспособности возвыситься над рутинной обыденностью «войны-облавы», обозреть более широкие горизонты военной науки[198], явно бьют мимо цели. Широкие, крупномасштабные боевые действия с учетом полностью укомплектованных византийских полевых армий, способных к наступательным операциям, по мысли автора трактата, в принципе отнюдь не исключены. Однако в трактате практически ни разу не анализируется ситуация, когда в сражении участвовала бы императорская армия в точном техническом значе-

[197] В наиболее четком виде эта авторская позиция сформулирована в начале главы XXI, носящей наименование «Об осаде крепостей». Указав, что проблемы полиоркетики ему хорошо известны по трудам предшественников, автор заявляет о своем праве не освещать эти проблемы в деталях. «Мы же, — продолжает он, — кому поручено изложить метод боевого сопровождения и способы удержания клисур, ограничимся изложением только того материала, который находится в связи и в соответствии с нашей темой» (De vel. bell., XXI. P. 224, 15–17).

[198] См. рецензию Ю. А. Кулаковского на издание «Incerti scriptoris», указанное в примечании 20, — BZ. 1902. 7. H. 1–2. S. 556.

нии этого понятия, — наоборот, наиболее типичным является положение, когда императорские войска еще не подошли, да и фемные контингенты еще не отмобилизованы полностью, а удалось собрать лишь небольшую и недостаточно подготовленную их часть[199]. Естественно, что в этих условиях тактика ромейских боевых частей и подразделений объективно не могла быть никакой иной, кроме как оборонительной[200].

Впрочем, строго говоря, понятие обороны при подобном способе ведения боевых действий оказывается достаточно условным. Оно подходит для обрисовки ситуации лишь в самом глобальном смысле: война ведется против врага, вторгнувшегося на территорию империи. Но характер действий должен быть таков, чтобы противник сам был поставлен в положение обороняющейся стороны. Стратиг обязан даже в самые критические моменты действовать максимально инициативно, энергично, предприимчиво, осуществляя комбинированные удары с нескольких сторон, используя ландшафт местности и

[199] De vel. bell., XII. P. 186, 4–9.

[200] Следует заметить, что общий оборонительный характер византийской военной доктрины отчетливо проявлялся не только на протяжении всего X столетия: начиная с Анонима VI в. все без исключения военные теоретики отдавали предпочтение именно доктрине оборонительной. Мало того, во всей более ранней греко-римско-византийской полемологической традиции единственным бесспорным исключением из этого правила может быть признан лишь труд Онасандра, во всей более поздней — формально трактат «De castrametatione», но с непременным учетом его специфики (см. об этом во второй части настоящего издания).

время суток, умело применяя засадную тактику и различные военные хитрости[201], — отметим, что гор-

[201] Весьма оригинальный характер имеет одна из военных хитростей, связанная с переодеванием двух десятков стратиотов в крестьянские одежды и привлечением к операции местных жителей (De vel. bell., XVIII. P. 212, 25–48). Учитывая сложность предлагаемого маневра, необходимость строгого взаимодействия всех элементов засадного построения, автор трактата рекомендует осуществлять его под руководством непосредственно стратига. Специально подчеркивается, что операция должна производиться в строго определенное время суток — именно на заходе солнца. Обоснование именно такого выбора времени для начала сражения впервые было дано Анонимом VI века (Anonymus, XXXIII, 10), который указывал, что здесь должны учитываться два фактора: с одной стороны, врагу демонстрируется «избыток желания битвы» и якобы полное пренебрежение зависимости от времени суток; с другой стороны (и эта причина является истинной), резервируется гарантия избежать больших потерь, поскольку наступившая вскоре темнота предотвратит преследование врагом ромейских подразделений, если цель хитрости не будет достигнута. Описываемый в «De velitatione bellica» маневр привлек в свое время внимание А. П. Каждана (см.: *Каждан А. П.* Крестьянские движения в Византии и аграрная политика императоров Македонской династии // ВВ. 1952. 5. С. 77; *он же.* Деревня и город в Византии (IX–X вв.). М., 1960. С. 115), который предпринял попытку истолковать его в социальном аспекте — как доказательство обнищания стратиотов в конце X века и фактического уравнения их имущественного положения с положением крестьян. По нашему мнению, из данного отрывка следует прямо противоположный вывод — о резком различии в имущественном положении невоеннообязанных крестьян и стратиотов (разумеется, в пользу последних).

ная местность в описываемых регионах являлась идеальной для действий именно такого характера. Вследствие этого противник должен ощущать на себе постоянное и неослабное давление, испытывать непреходящую дестабилизирующую угрозу. Среди ромеев же не может быть и тени настроений уныния и пораженчества. Буквально каждый боевой эпизод должен непременно заканчиваться в их пользу, — именно из этих малых и малейших преимуществ, добываемых индивидуальными усилиями каждого отдельного воина и командира, должен созидаться итоговый успех. При этом активно используются и факторы материальной заинтересованности (право стратиота на часть военной добычи[202]), и морально-идеологические стимулы (вдохновляющая речь командира, обращенная к войску перед боем[203]), и факторы религиозного воздействия (о чем было подробно сказано выше).

[202] В качестве важнейших компонентов военной добычи рассматривались пленные (De vel. bell., X. P. 182, 185–186; XVII. P. 210, 128; XX. P. 228, 38), а также подъяремный скот (Ibid., X. P. 176, 84) и обозное имущество.

[203] В известном Амбросианском кодексе (см. о нем: *Dain A.* Les stratégistes. P. 364) содержатся тексты нескольких торжественных речей, предназначенных для обращения к солдатам накануне сражения. Одна из таких речей, принадлежащая Константину Багрянородному, была опубликована Э. Арвейе (см.: *Ahrweiler H.* Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète / / TM. 1967. 2. P. 393–404). Особый интерес эта речь вызывает потому, что она была обращена к армии Востока и характеризовала положение в войне с арабами в середине X века, т. е. совпадала с объектами внимания автора «De velitatione bellica».

Существенным условием конечного боевого успеха является правильный момент выбора времени решающего сражения в общем военно-ситуационном аспекте. Автор «De velitatione bellica» вполне обоснованно полагает, что гораздо более реалистичными будут планы по разгрому противника не в самом начале боевой кампании, а на ее завершающем этапе, когда противник уже будет на обратном пути из экспедиции. Ослабленные предыдущими стычками, обремененные добычей и невольниками, да еще на уставших и израненных лошадях, враги будут более уязвимыми для боевого воздействия, чем в самом начале кампании[204]. Ромейское же войско должно быть свежим, отдохнувшим, хорошо обеспеченным продовольствием, фуражом и питьевой водой[205].

Автор «De velitatione bellica» четко осознает как достоинства и преимущества метода παραδρομή (возможность «посредством малых сил совершать великие и достопамятные деяния»[206]), так и его вынужденный, ситуационный характер. Вместе с тем рекомендуемый способ не лишен и определенных признаков универсальности: его использование отнюдь не противопоказано и на последующих, в том

[204] De vel. bell., IV. P. 156–158, 14–22.

[205] Опережение неприятеля в овладении источниками питьевой воды составляло важнейшую заботу стратига — этому посвящена специальная глава трактата (De vel. bell., V. P. 158–160). В другом месте (Ibid., X. P. 176, 67–69) подчеркнуто, что если противник будет лишен источников воды, «это принесет ему много страданий», а потому ослабит его боевой порыв.

[206] De vel. bell., προοίμιον. P. 146, 18–19.

числе завершающих этапах вооруженного противоборства. При этом метод вовсе не замкнут сам на себе — ему совершенно не свойственна абсолютизированная самодостаточность. Напротив, в руках искусного стратига он является лишь средством, способным обеспечить условия для достижения конечного военного успеха; показателем же такого успеха может быть либо полный разгром противника, либо изгнание его из пределов империи.

Мы уже неоднократно подчеркивали свое согласие с мнением Ж. Дагрона о том, что автор «De velitatione bellica» завершил свой труд спустя не менее 30–40 лет после получения задания от Никифора Фоки. Этих десятилетий оказалось более чем достаточно для того, чтобы боевая практика 40–60-х гг. X века успела получить в сознании автора всестороннее теоретическое осмысление, вылиться в целостную совокупность утилитарных рекомендаций, воплотиться в систему конкретных тактических схем. Информация трактата полностью свободна от каких-либо проявлений импровизации, — очевидно, автор скомпоновал свой труд в собственном воображении задолго до того, как взялся за перо, а на завершающей стадии весьма тщательно обработал окончательный текст[207]. По существу, главная идея сочинения была сформулирована уже в одной из первых фраз предисловия[208]: автор рекомендует данный метод не

[207] Свидетельством весьма качественной обработки текста сочинения являются многочисленные авторские отсылки читателя к различным его частям (ремарки типа «об этом мы скажем позже», «об этом было сказано ранее» и т. п.).

[208] De vel. bell., προοίμιον. P. 148, 24–30.

потому, что предпочитает малые силы более значительным, не потому, что принижает значение всех других стратегических и тактических руководств, — но потому, что метод παραδρομή призван послужить «лучшим подспорьем лучшим стратигам»: в условиях, когда еще нет возможности открыто противостоять врагу лицом к лицу, он должен помочь им эффективно защитить самих себя и надежно обезопасить собственную землю. Остальной материал трактата, развернутый на протяжении всех его последующих двадцати пяти глав, выстроен таким образом, чтобы последовательно, целенаправленно и доказательно реализовать эту изначальную программную установку.

* * *

Приближаясь к завершению характеристики трактата «De velitatione bellica», считаем необходимым высказать несколько соображений относительно его лингвистических и стилистических особенностей.

Позиция Д. Попова, отрицавшего писательские достоинства автора трактата (впрочем, как и его «ученость»)[209], представляется в высшей степени гиперкритической: вероятно, русский переводчик был недостаточно знаком с тяжеловесным, сухим, лишенным всякого индивидуального своеобразия стилем большинства военно-научных сочинений. Если учесть, что до этого Д. Попов прочел и перевел «Историю» Льва Диакона, то его заявление вполне

[209] О сшибках. С. XIII.

объяснимо: разумеется, язык и стиль создателя трактата о боевом сопровождении значительно уступает высокому уровню указанного произведения нарративного жанра. Но если бы русский переводчик приступил к работе над «De velitatione bellica» после прочтения, например, «Стратегики императора Никифора» или «Тактики Никифора Урана», то его точка зрения могла бы оказаться существенно иной, может быть, даже прямо противоположной.

Нам представляется гораздо более предпочтительным мнение Ю. А. Кулаковского, отмечавшего живость, конкретность изображения, любовь к историческим иллюстрациям[210], свойственные автору «De velitatione bellica». По словам Ш. Диля, трактат рисует «в живых, выразительных образах картину непрерывной борьбы, происходившей в пограничных областях, в горах Тавра или на границах Каппадокии, при постоянной угрозе арабских вторжений»[211]. Автор «De velitatione bellica» располагает целым набором образных средств для четкого, ясного, доступного читателю выражения своих указаний и рекомендаций. Впрочем, некоторые из них уже приобрели характер своеобразных словесных клише — таковы, например, выражения «воздвигнуть трофей победы», «сделать жертвой меча» и т. п. (см. о них соответствующий комментарий к тексту перевода). В отдельных случаях автор демонстрирует свои способности изложить материал в несколько необычной,

[210] *Кулаковский Ю. А.* Новоизданный византийский трактат. С. 651.

[211] *Диль Ш.* Основные проблемы. С. 84.

подчеркнуто саркастической манере — этим отличается, в частности, пассаж главы II, где речь идет о весьма невысоких достоинствах в несении военной (в частности, караульной) службы местным армянским населением[212].

Совершенно необычным является способ передачи информации в XIX главе, когда, по справедливому замечанию Ж. Дагрона, беспристрастный стиль технологических рекомендаций вдруг прерывается словно звуком трубы, вследствие чего изложение материала приобретает в высшей степени пафосный, «вибрирующий» характер, близкий к стилю публицистического памфлета[213]. Однако и данный пассаж не производит впечатление какой-то инородной вставки, так что его принадлежность тому же самому автору, которым написаны остальные главы трактата, никогда не подвергалась сомнению.

В целом, за трактатом «De velitatione bellica» справедливо закрепилась репутация руководства, содержащего сведения столь же яркие по форме, сколь и надежные по своей достоверности. Не случайно поэтому данное сочинение с литературной точки зрения может быть поставлено на ведущее место среди аналогичных памятников за всю многовековую историю византийской военно-научной литературы.

В заключение обратим внимание еще на одну стилистическую особенность «De velitatione bellica», которая либо осталась вовсе незамеченной в пред-

---

[212] De vel. bell., II. P. 152, 11–23.

[213] *Dagron*, Traité. P. 259.

шествующей историографии, либо еще не получила адекватной ее масштабу интерпретации.

Дело в том, что две части трактата, примерно равные по объему (первая до конца XII главы, вторая с XIII по XXV главу включительно), написаны в существенно различном стилистическом ключе. Если в первой половине текста автор трактата излагает материал с использованием грамматических форм третьего лица со значением долженствования, то начиная с XIII главы и до конца текста используется способ прямого обращения к своему адресату (фемному стратигу) во втором лице; императивный характер передачи информации при этом полностью сохраняется. В американском издании 1986 г. на эту особенность обращено внимание[214], но никаких объяснений этому факту не дано.

Между тем здесь теоретически возможны сразу несколько объяснений.

Первое, самое общее и элементарное, может состоять в предположении о разновременности написания двух частей трактата. Но контраргументами здесь могут служить два обстоятельства. Во-первых, как нами было установлено ранее, трактат, по всей вероятности, был написан (правда, после длительной предварительной подготовки) в достаточно сжатые сроки — в пределах одного пятилетия; при условии принятия такой датировки весьма маловероятным становится предположение о том, что автор мог просто упустить из виду неунифицированность сти-

[214] См.: *Dennis*. De vel. bell. P. 191, n. 2.

листики двух частей своего сочинения. Во-вторых, высокие композиционные достоинства трактата явно свидетельствуют о том, что автор осуществлял его окончательную «шлифовку» уже после того, как сочинение было написано целиком, — в процессе этой работы он также не мог не заметить различий в своем собственном стиле.

Второе, более сложное объяснение может состоять в предположении, что за время работы над трактатом произошло какое-то существенное изменение в должностном статусе автора (разумеется, в сторону повышения этого статуса), что и позволило ему избрать новый тон обращения к своему адресату. Но и в этом случае будут действительны те оба контраргумента, которые приведены нами выше, — ничто не помешало бы нашему автору при окончательной доработке текста повысить императивность своих установок и в первой части трактата, даже если он написал ее некоторое время назад, когда еще пребывал в более низком статусе.

Третье, еще более сложное объяснение отмеченной выше коллизии может заключаться в следующем. Если предположить, как это делает Ж. Дагрон, что существовала какая-то письменная инструкция, составленная лично Никифором Фокой и положенная в основу трактата «De velitatione bellica», то не будет лишено логики предположение, что одна из двух частей трактата (разумеется та, которая более императивна по своему общему звучанию) могла бы оказаться именно этой инструкцией; при таком допущении оставшаяся часть трактата должна быть

собственно авторской конструкцией. Однако главным аргументом против такой гипотезы является то обстоятельство, что описание метода παραδρομή не сосредоточено в какой-то одной из этих частей, но достаточно равномерно распределено по всему информационному пространству трактата. Заметим при этом, что во второй части трактата (более императивной по стилистике) рассматривается ряд сюжетов, не имеющих прямого отношения к методу παραδρομή: таковыми являются, например, главы, посвященные осаде крепостей (гл. XXI) и ночному сражению (гл. XXIV). Совершенно не обязательными для императивной инструкции, рисующей сущность нового метода ведения боевых действий, представляются материалы главы XIX (кстати, ее наименование — «Об организации, вооружении и тренировке армии» — очень мало соответствует ее реальному содержанию) и главы XX, особенно в той ее части, где подробно описываются детали экспедиции войск Никифора Фоки (Старшего) в арабские владения. Глава XXV, завершающая трактат, посвящена настолько частному сюжету, что ей трудно найти аналогии в информационных блоках первой части сочинения.

Таким образом, ни одно из возможных предположений, сформулированных выше, не обладает достаточной основательностью, и мы не берем на себя смелость настаивать на приоритете какого-то одного из них. Полагаем, что решение вопроса может быть найдено в результате дополнительных, более углубленных исследований, — вероятнее всего, при усло-

вии выхода за пределы информационного пространства одного только этого военно-научного сочинения[215].

* * *

Трактат «De velitatione bellica», являющийся объектом нашего анализа, возник в эпоху, когда военная организация империи, базировавшаяся на принципах фемного строя, переживала состояние острого кризиса. Военно-теоретическая мысль современников была занята энергичными поисками выхода из этого кризиса — не случайно X в. оказался наиболее богатым крупными, значительными памятниками полемологического жанра. Одно из направлений поисков представлялось наиболее простым, максимально безболезненным и способным, казалось бы, принести быстрый практический эффект. Оно заключалось в обобщении современной боевой практики — разумеется, той, которая была

[215] Представляется, что основополагающей методологической установкой в этой и других аналогичных ситуациях должна быть та, которая в свое время была четко сформулирована А. П. Рудаковым: «Более интенсивное использование всякого источника, перекрестные допросы его, чтение между строк, вообще говоря, возможны лишь тогда, когда уже проведено экстенсивное изучение предмета, когда сущность явления известна достаточно определенно, чтобы мы могли ставить свои перекрестные допросы и вести исследование окольным путем, не боясь увлечься погоней за созданиями собственного воображения» (*Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 43).

позитивной для византийского оружия, — и в формулировании конкретных рекомендаций, рассчитанных на немедленное применение. Отказавшись от конструирования обобщающих военных руководств с энциклопедическим охватом всех проблем военной науки, какими были «Стратегикон Маврикия» и «Тактика Льва», ряд военных писателей обратился к разработке отдельных сюжетов боевой практики, поставив целью вооружить стратига или архонтов меньшего ранга совокупностью уже апробированных и вполне оправдавших себя приемов и методов решения определенных боевых задач, эффективного осуществления отдельных средств воздействия на конкретного, строго персонифицированного противника[216].

Типичным примером практического военного руководства такого рода и является трактат о методе παραδρομή. Смысл и значение этого метода могут быть уяснены лишь с непременным учетом основных доктринальных установок, на которых он базируется, — установок преимущественно оборонительного характера, преследующих в качестве первоочередной цели вытеснение неприятеля за пределы вверенного фемному стратигу региона. При этом общий характер рекомендаций, глубина их теоретического осмысления и масштаб практической разработанности оказываются вполне адекватными ординарно-

[216] Представляется в этой связи вполне справедливым замечание Л. Брейэ (см.: *Bréhier,* Institutions. P. 373), что одной из причин военных успехов Византии в X в. явилась «рациональная адаптация византийской тактики к методам боя врагов империи — арабов в Азии, болгар в Европе».

му уровню профессиональной подготовки их адресата. Разумеется, принципы военной субординации оставались неизменными, и фемный стратиг в полной мере сохранял свою иерархическую подчиненность императору, обладавшему функциями верховного главнокомандующего. Однако постоянная военная опасность, угрожавшая вверенному ему региону, в значительной степени избавила стратига от иллюзорных надежд на быструю и обязательную помощь из столицы, приучила его полагаться в первую очередь на собственные силы и средства, а потому быть достаточно свободным в выборе конкретных путей обеспечения собственной безопасности. Рекомендации, изложенные в трактате «De velitatione bellica», рассчитаны именно на такого стратига — инициативного и предприимчивого, привыкшего строить свои военные планы, исходя не столько из теоретических установок, сколько из боевого опыта, сообразованного с реальными обстоятельствами места, времени и «природы вещей».

* * *

Перевод трактата «De velitatione bellica» осуществлен нами по вашингтонскому изданию 1985 года, указанному в примечании № 3. В основном мы следуем конъектурам Дж. Дэнниса, хотя оговариваем это лишь в единичных случаях. При переводе мы старались как можно более точно передавать особенности авторской лексики и стилистики, избегать, насколько это оказывалось возможным, модернизмов современной речи.

Подстрочный комментарий к тексту перевода в большинстве случаев касается военных реалий, которые в силу специфики жанра мы рассматриваем как наиболее важные в информационно-смысловом плане. По мере необходимости комментируются также этнографическая терминология и просопографическая номенклатура. В ряде случаев оказались необходимыми некоторые пояснения хронологического характера. Разумеется, мы отдаем себе полный отчет в том, что предлагаемый нами комментарий ни в коей мере не может претендовать на исчерпывающую полноту.

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ

О боевом сопровождении[217] — сочинение Государя императора[218] Никифора

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы намерены передать содержание метода боевого сопровождения, хотя в настоящее время он не является востребованным в восточных землях, ибо Христос, наш истинный Бог, значительно ослабил противостоящие нам силы и могущество потомков

[217] *Боевое сопровождение* — так мы переводим термин *παραδρομή* — один из ключевых технических терминов, употребляемых в анализируемом трактате. Подробная военно-техническая характеристика указанного термина дана нами во вводной статье, предпосланной изданию трактата.

[218] Термин *βασιλεύς* как официальный титул византийского императора был впервые введен в новеллу Ираклия в 629 г. См. об этом: *Bréhier L.* L'origine des titres impériaux à Byzance // BZ. 1906. 15; *Острогорскій Г.* Автократор и самодржац. Глас Српске Академије Наука. 1935. 164; *Rösch G.* Ὄνομα βασιλείας. Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantiner Zeit. Wien, 1978 (далее — *Rösch*, Ὄνομα). См. также: *Литаврин*, Кекавмен; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий под редакцией Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989 (далее — *Константин Багрянородный*, Об управлении); *Constantine Porphyrogenitus*. Three Treatises on Imperial Military Expeditions. Introduction, Edition, Translation and Commentary by John F. Haldon. Wien, 1990 (далее — *Haldon*, Expeditions).

Исмаила[219] и укротил их нападения[220]; но, однако же, чтобы время, несущее с собой забвение и незнание, не погубило бы полезность этого метода и не уничтожило бы его совершенно, мы сочли необходимым дать его описание, так, чтобы в будущем, когда у христиан вновь возникнет в нем необходимость, он был бы наготове принести неоценимую помощь как всему обществу, так и тем, которые будут применять его на деле.

Мы же узнали о нем не только понаслышке, но и обучились некоторому его применению: с одной стороны, нашими учителями и наставниками были те, которые, можно сказать, явились основоположниками этого метода; с другой стороны, мы и самолично его применяли и приобрели в нем, насколько оказались в силах, некоторую опытность. Этот метод в первую очередь полезен тем, что позволял военачальникам, при-

[219] *Потомки Исмаила* — один из терминов, используемых автором для обозначения арабов, когда он стремится подчеркнуть не столько национальный, сколько конфессиональный аспект этого этнонима. В дальнейшем изложении это выражение еще дважды встречается в главе XX — один раз почти в стереотипной форме («*сыны Исмаила*»), второй раз — в форме несколько более обобщающей («*исмаилиты*»). Согласно Библии (Быт. XVI, 21–25), Исмаил, который был сыном Авраама, родившимся от служанки Агари (см. примечание 300), явился родоначальником всего арабского народа. Многие христианские авторы распространяли наименование «исмаилиты» и на другие народы, исповедовавшие ислам.

[220] Данное свидетельство является одним из немногих косвенных указаний на время создания трактата — по крайней мере, оно никак не может быть более ранним, чем дата смерти Иоанна Цимисхия (976 г.). Подробнее о датировке трактата см. во вводной статье к данному изданию.

менявшим его, посредством малых сил совершать великие и достопамятные деяния. И в самом деле, того, чего не могло или не отваживалось добиться войско ромеев[221] в полном составе, когда силы киликийцев[222]

[221] *Ромеи* — наиболее распространенное самоназвание, употребляемое византийскими авторами, стремящимися подчеркнуть прямую государственно-правовую преемственность Византийской империи с империей Римской (см. об этом: *Константин Багрянородный*, Об управлении, особенно с. 277, 440–441; *Haldon*, Expeditions. P. 176). В дальнейшем изложении автора «De velitatione bellica» термин «*ромеи*» употребляется либо в этом своем прямом этно-конфессиональном значении (в главах III, VII, XIII, XV, XIX, XX, XXIII) как синоним византийца (= грека, христианина), либо в качестве прилагательного «*ромейский*» характеризует какой-то объект из сферы военных реалий («*ромейская армия*», «*ромейское войско*» — главы IV, X) или объект пространственно-территориальный, чаще всего неопределенно-описательный («*ромейские области*», «*ромейские владения*», «*ромейские земли*» — главы I, IV, XX). Вся совокупность ромейских владений, находящихся под властью императора, обозначается в трактате термином «*Романия*» (главы IV, VII, XX).

[222] *Киликийцы* — жители Киликии, малоазийской области по северо-восточному побережью Средиземного моря. В первой половине X в. Киликия была ареной ожесточенной борьбы между византийской империей и арабами (см.: *Honigmann E.* Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935; далее — *Honigmann*, Ostgrenze). По справедливому замечанию Ж. Дагрона (см.: *Dagron*, Traité. P. 35, n. 9), автор трактата «De velitatione bellica» зачастую обозначает этим термином не только население собственно Киликии, но и все другие этнические группы, находившиеся в подчинении Хамданидов (см. контекст употребления указанного этнонима на протяжении дальнейшего изложения).

и Хамдана[223] находились в апогее, иногда достигал один из доблестнейших стратигов[224], располагая одной фемной армией[225], находившейся под его коман-

[223] *Хамдан* — можно предполагать, что под этим именем назван эмир Мосула, отец упомянутого ниже «Али, сына Хамдана» (см. примечание 254).

[224] *Стратиг* — термин, имевший давнее историческое происхождение и отличавшийся исключительной многозначностью, поскольку совмещал в себе элементы и военной должности, и воинского звания. В данном случае этот термин обозначает высшее должностное лицо *фемы* (см. следующее примечание), главу ее военного и гражданского управления (см. об этом: «Тактика Льва», I, 9–15). В качестве военачальника *стратиг* командовал фемными контингентами, а как глава гражданской администрации ведал судебными, финансовыми, налоговыми делами, нес ответственность за порядок и безопасность в пределах вверенной ему территории. См. также примечание № 229.

[225] *Фемы* — отдельные военно-административные округа, на которые была разделена Византийская империя. Истоки реформы, приведшей к установлению новой структуры провинциального управления империи, принято возводить к эпохе правления императора Ираклия (610–641 гг.). Окончательное складывание указанной структуры (т. н. «*фемного строя*») произошло лишь в X в. и получило отражение в трудах Константина Багрянородного («О фемах», «Об управлении империей»). О значении и происхождении термина *фема*, а также об истории и сущности фемного строя см.: *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899; *Pertusi A.* La formation des thèmes byzantins. München, 1958; *Karayannopulos J.* Die Entstehung der byzantinischen Themenverfassung. München, 1959; *Ahrweiler H.* Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe–XIe siècles/ / BCH. 1960. 84 (далее — *Ahrweiler*, Recherches); *Oikonomidès N.* Les listes de préséance byzan-

дованием, когда он противостоял неприятелям, руководствуясь рассудительностью и опытом и благоразумно сочетая боевые порядки с принципами стратегии[226]. Мы говорим об этом не потому, что предпочитаем малое войско более многочисленному, и не потому, что мы отдаем первенство этому методу по сравнению с остальными стратегемами[227] и тактичес-

tines des IXe–XIe siècles. Paris, 1972 (далее — *Oikonomidès*, Listes); *Haldon J. F.* Recruitment and Conscription in the Byzantine Army c. 550–950: A Study on the Origins of the Stratiotika Ktemata. Wien, 1979 (далее — *Haldon*, Recruitment); *Winkelmann F.* Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Berlin, 1985 (далее — *Winkelmann*, Rang- und Ämterstructur). См. также: *Литаврин*, Кекавмен; *Dagron*, Traité; *Haldon*, Expeditions. Термин *фема* служил и для обозначения иррегулярных войсковых кавалерийских формирований, строившихся на принципе милиционно-территориального ополчения и находившихся под командованием фемного стратига. Согласно сведениям «Тактики Льва» (TL, XVIII, 143), нормальная численность одной *фемы* как войскового формирования составляла 4 тысячи всадников.

[226] Упомянутый в данном пассаже боевой эпизод относится к октябрю 950 г., когда стратиг Каппадокии Лев Фока смог нанести решительное поражение войскам Сайф-ад-Даула, который за несколько дней до этого выиграл сражение у отца Льва Фоки, Варды Фоки (см. о нем ниже, примечание № 228), занимавшего с 945 г. должность доместика схол — командующего корпусом столичных войск. Данный сюжет был специально рассмотрен нами в связи с проблемой авторства анализируемого трактата во вводной статье к настоящему изданию.

[227] *Стратегемы* — термин, в своем первоначальном смысле обозначающий крупномасштабные действия военачальников высоких рангов, стратегические маневры, направленные на достижение решающего превосходства над

кими приемами, но потому, что он предназначен служить лучшим подспорьем лучшим стратигам: в условиях, когда они еще не имеют возможности противостоять противникам лицом к лицу, они смогут, используя этот метод, и защитить самих себя, и обеспечить безопасность собственной области.

Насколько мне известно, этот метод довел до совершенства, возродив его из полного небытия, блаженной памяти кесарь Варда[228], — нет нужды перечислять каждого в отдельности из прежних страти-

неприятелем. Но поскольку большинство из этих маневров традиционно строились на обманных, дезориентирующих неприятеля принципах и приемах, данным термином в обыденной армейской практике стали обозначаться различного рода военные хитрости, способные сыграть роль поучительных примеров для последующего подражания. В военно-научной традиции сложился особый жанр полемологических сочинений, представлявших собой систематизированные сборники военных хитростей, осуществленных великими полководцами древности. Двумя наиболее значительными трудами такого рода, имеющими название «Стратегемы», являются сочинения Фронтина (конец I в. н. э.) и Полиена (вторая половина II в. н. э.). Однако характерно, что в рассматриваемом пассаже автор «De velitatione bellica» употребляет термин *стратегемы* в том первоначальном смысле, который вкладывался в него не Фронтином и Полиеном, а Ксенофонтом и Полибием, — кстати, именно такой же способ словоупотребления термина мы встречаем и в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, VIII, 2, 49), и в «Тактике Льва» (TL, XX, 109).

[228] *Кесарь Варда* — имеется в виду Варда Фока, сын Никифора Фоки Старшего (см. о нем примечание № 329), основателя «династии» Фок — выдающихся византийских полководцев конца IX–X вв. Родившийся в 879 г. Варда Фо-

гов[229], а достаточно назвать лишь всем известных и близких к нам по времени, — тот, который, будучи стратигом фем, соседствующих с Тарсом — Каппа-

ка начал военную службу около 915 г., занимая впоследствии ряд ответственных постов на фемном и общеимперском уровнях. По сообщению Льва Диакона (см.: *Лев Диакон*. История, III. С. 29), в достоинство *кесаря* он был возведен своим сыном Никифором после вступления последнего на престол (963 г.). Титул *кесаря*, являвшийся высшим в Византийской империи на протяжении IV–XI вв., обычно присваивался ближайшим родственникам императора или наследнику (см.: *Oikonomidès*, Listes; *Rösch*, Ὄνομα). Смерть Варды Фоки произошла в возрасте 90 лет в начале 969 г. (см.: *Лев Диакон*. История, V. С. 46–47). Подробное описание военной карьеры Варды Фоки (а также его сыновей Никифора и Льва) см. в исследовании Ж.-К. Шене, приложенном к изданию Ж. Дагрона (*Dagron*, Traité. P. 297–306).

[229] *Стратиг* — в данном случае термин употреблен в своем исходном этимологическом смысле: он обозначает военачальника вообще и равнозначен терминам «полководец», «(главно)командующий». Этот оттенок значения содержится в определениях «Стратегикона Маврикия» (Strategicon, I, 3) и «Тактики Льва» (TL, IV, 7). В последнем из указанных отрывков сказано, что верховным *стратигом*, по общему правилу, является император; фемный же *стратиг* (см. примечание № 224) должен рассматриваться как личный представитель императора в данной феме. Оба значения термина стратиг, указанные в данном примечании и в примечании № 224, зачастую совмещались в одном лице: генерал-губернатор фемы становился командующим войском в условиях военной кампании. Однако могли быть и несовпадения: главнокомандующим мог быть назначен и не фемный командир, а кто-либо из числа императорских приближенных; в свою очередь, военачальник, которому вверялось войско, мог не обязательно иметь звание *стратига*. В связи с этим терми-

докии и Анатолики, тысячекратно наносил поражение силам тарсян[230] и остальных киликийцев и водружал над ними великие трофеи[231]. От него-то мы и обучились этому методу и, насколько это было возможно, переняли его опыт. Кроме него патрикий[232]

нология, используемая для обозначения должности и звания главнокомандующего, отличалась исключительной многозначностью (см. об этом: *Guilland R.* Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Les titres désignant le commandant en chef des armées byzantines // ΕΕΒΣ. 1959. 29; см. также: *Winkelmann*, Rang- und Ämterstruktur; *Haldon*, Expeditions). Требованиям, предъявляемым к главнокомандующему, посвящены обширные разделы в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, VIII, 1–2) и «Тактике Льва» (TL, II).

[230] *Тарсяне* (другое написание, употребляемое автором трактата в дальнейшем изложении, — *тарситяне*) — население эмирата Тарса, наряду и в союзе с другими арабскими эмиратами являвшегося серьезным военным соперником империи (особенно после 944 г.).

[231] *Водрузить трофей* — выражение, обычное для военных авторов, начиная с античного периода, и равнозначное понятию «восторжествовать над врагом» См. об этом: *Литаврин*, Кекавмен. С. 353 с указанием на использование этого выражения в «Тактике Льва». Автор «De velitatione bellica» прибегает к этому словоупотреблению еще дважды (в главах XIII и XIX). Известно оно и автору «De castrametatione» (гл. XVI).

[232] *Патрикий* — в своем прямом значении: высший сенаторский титул в Византии; в более обобщенном смысле — почетный титул высокого ранга, даруемый пожизненно. Титул был введен Константином Великим и упоминался в источниках до начала XII в. О содержании и различных оттенках смысла этого термина см: *Bury J. B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a revised edition of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911 (далее —

Константин Малеин[233], который в течение длительного времени был стратигом Каппадокии, многократно использовал этот метод, достигнув немалых успехов.

Вместе с ними этот метод чрезвычайно почитал и Государь Никифор, прославленный император[234].

Bury, System): *Bréhier L.* Institutions; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Vol. 1–2. Berlin; Amsterdam, 1967 (далее — *Guilland*, Recherches); *Oikonomidès*, Listes: *Haldon*, Expeditions.

[233] *Константин Малеин* — военачальник, родственник семьи Фок. О точном сроке начала его военной карьеры судить затруднительно; по крайней мере, она началась до 955 г. Достаточно подробное упоминание о патрикии Константине Малеине содержится в сочинении Продолжателя Феофана (см.: *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей. Издание подготовил Я. Н. Любарский. СПб, 1992. С. 197–198; далее — *Продолжатель Феофана*), где описана его роль в военной экспедиции 960 г., когда он, будучи стратигом Каппадокии, вместе с войсками стратигов других фем участвовал под командованием доместика Востока Льва Фоки в победоносном сражении с войсками Сайф-ад-Даула. Другие сведения о Константине Малеине см. в указанном выше очерке Ж.-К. Шене (*Dagron*. Traité. P. 309–310).

[234] Имеется в виду император Никифор II Фока, старший сын упомянутого выше Варды Фоки. Уже в возрасте 33 лет он начал свою полководческую деятельность, заняв должность стратига Анатолики, а затем на протяжении 18 лет сделал блестящую военную карьеру. Вступив на престол в августе 963 г., продолжал возглавлять успешные военные экспедиции против арабов. Последним значительным успехом Никифора было взятие Антиохии (октябрь 969 г.). Два месяца спустя Никифор Фока пал жертвой заговора, возглавляемого Иоанном Цимисхием. Подробное жизнеописание Никифора II Фоки содержится в труде Льва Диакона.

Применяя его еще в бытность стратигом, он совершил многие достопамятные деяния, тысячекратно, можно сказать, обращая врагов в бегство и уничтожая их громадные армии. Было бы утомительно описывать или перечислять читателям его подвиги в период исполнения должности стратига, поскольку они многочисленны и широко известны. Убедившись на деле в полезности этого метода, он распорядился изложить в письменном виде, как следует его применять для всеобщего блага, и поручил мне описать его столь точно, насколько это возможно, и передать будущим поколениям. Я должен описать не только то, что применялось на Востоке, но и то, что приносило пользу на Западе, потому что, по его словам, именно там я больше времени командовал и накопил такой опыт, насколько это позволили сделать мои способности. Впрочем, о Западе будет сказано особо и в другом месте; теперь же наша цель — говорить только о Востоке. Поэтому, выполняя поручение императора и полагаясь на содействие Божьей благодати, которая во всем благоволит добрым людям, я приступаю к теме следующим образом.

См. также старые исследования: *Schlumberger G.* Un empereur byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. Paris, 1890; *Idem.* L'epopée byzantine à la fin du Xe siècle. Paris, 1896–1905. История экспедиций Никифора Фоки против арабов освещена в работе: *Canard M.* Histoire de la dynastie des Hamdanides. Paris, 1953 (далее — *Canard*, Hamdanides). См. также: *Шилов*, Реформы (с указанием новейшей литературы).

I. О виглах[235] и о том, на каком расстоянии одна от другой они должны быть размещены

Военачальникам, принявшим на себя заботу о больших пограничных фемах[236] и имеющим под своим контролем клисуры[237], надлежит всеми средства-

[235] *Виглы* (единственное число: *вигла*) — караульные, сторожевые или дозорные посты, конные и пешие, высылаемые за пределы основного расположения армии. Термин, производный от латинского *vigilia*, известен и по «Стратегикону Маврикия» (Strategicon, X, 3; XII B, 22), и по «Тактике Льва» (TL, XVII, 95–108). См.: *Dagron*, Traité; *Haldon*, Expeditions.

[236] *Большие пограничные фемы* — выражение, используемое автором трактата для локализации описываемых им военных событий: речь идет о тех собственно ромейских фемах (их перечень дан автором трактата ниже, в гл. XXIII: Селевкия, Анатолик, Каппадокия, Ликанд), на территории которых фемные стратиги должны организовать противодействие арабской экспансии. См. об этом подробно: *Dagron*. Traité. P. 239–245 с указанием источников и литературы. См. также: *Ahrweiler H.* La frontière et frontières de Byzance en Orient // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Bucarest, 1974 (далее — *Ahrweiler*, Frontière); *Honigmann*, Ostgrenze; *Oikonomidès N.* L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe–XIe siècles et le Tacticon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Bucarest, 1974 (далее — *Oikonomidès*, Organisation); *Haldon*, Expeditions.

[237] *Клисуры* (единственное число: *клисура*) — военно-технический термин, используемый для обозначения ключевых позиций в горной местности (теснин, ущелий, перева-

ми, способами и неусыпным радением стремиться и добиваться того, чтобы сохранить владения ромеев невредимыми и защищенными от нападения врагов, расставляя виглаторов[238] — крепких, опытных и досконально знающих дороги. Если неприятельская территория отделена высокими и труднопроходимыми горами, именно на них следует расставить виглы; посты виглаторов должны быть удалены друг от друга примерно на три или четыре мили[239]. И когда первые из них увидят выступивших неприятелей, им надлежит как можно быстрее прибыть в расположение следующей виглы и сообщить, что они видели, а тем, в свою очередь, со всей поспешностью — в расположение следующей; таким образом, последовательно известие должно достичь расположения кавалерийских постов, размещенных на равнинных простран-

---

лов), контроль над которыми обеспечивает безопасность марша армии при ее передвижениях, а в широком смысле слова — безопасность всей прилегающей территории. Именно в этом прямом значении термин единственный раз использован в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, IX, 3). В более позднее время *клисурами* стали именоваться мелкие административно-территориальные единицы внутри *фемы*. О различных смысловых значениях термина *клисура* см.: *Ahrweiler*, Recherches; *Литаврин*, Кекавмен; *Oikonomidès*, Listes; *Dagron*, Traité; *Константин Багрянородный*, Об управлении; *Haldon*, Expeditions.

[238] *Виглаторы* — воинские подразделения различной численности, несущие службу в *виглах* (см. примечание № 235).

[239] *Миля* — мера расстояния, равная 1574,16 м. См. примечание № 165.

ствах, и через этих последних стратигу должно быть сообщено о нападении неприятелей.

В охранении дорог виглаторы должны находиться в течение пятнадцати дней, принеся с собой пропитание, достаточное им на эти дни. Затем на этих же условиях им на смену должны прийти другие, надлежащим образом проинструктированные и подготовленные архонтами[240], направленные на службу в полном комплекте и без отклонений от штатной численности, без права быть оставленными дома вследствие позорного корыстолюбия их архонтов.

Виглаторам следует особенно осматривать места, которые являются наиболее подходящими для разбивки вражеских лагерей: ведь обычно лагеря разбиваются там, где достаточно воды, а местность ровная. Другие должны взять под наблюдение места, где дорога сужается, остальные — где река становится труднопреодолимой. И если эти места охраняются столь надежно, враги не смогут выступить, оставшись незамеченными. Следует время от времени направлять надежных и опытных людей, чтобы проконтролировать виглаторов, насколько надежно и бдительно они несут службу в своих пунктах на-

[240] *Архонты* (единственное число: *архонт*) — обобщающий термин для обозначения командного состава армии, употребляемый всеми военными авторами. См.: *Ahrweiler*, Recherches; *Кучма В. В.* Командный состав и рядовые стратиоты; *Он же*, Структура; *Литаврин*, Кекавмен; *Kühn H.-J.* Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1992 (далее — *Kühn*, Heer); *McGeer*, Warfare.

блюдения. Виглаторы должны быть укомплектованы в полной штатной численности и без каких-либо недостач; они не должны оставлять свои посты, в которые они направлены для наблюдения и охраны дорог, однако и не должны подолгу задерживаться на одних и тех же постах, но сменять места и переходить из одного в другое, ибо если они надолго остаются в одних и тех же местах, они смогут быть обнаружены и без труда захвачены врагами.

II. О виглах на дорогах[241] *и катаскопах*[242]

Необходимо и полезно организовать виглы на дорогах. Стратигу следует уделить и им значительное внимание, расставив такие дорожные виглы в надле-

[241] *Виглы на дорогах* (или *дорожные виглы*) — так переводим не встречающийся у других военных авторов термин *καμινοβιγλίων* (мн. чис.), в первой своей части образованный от позднелатинского *caminus* (дорога, путь). Об этимологии слова и роли этой разновидности сторожевых постов см.: *Dagron*, Traité. P. 246–247.

[242] *Катаскопы* — общее наименование людей, которым поручены наблюдательные, разведывательные функции на неприятельской территории с последующей передачей этих сведений собственному военному командованию (в русском переводе наиболее точно этому греческому термину соответствует слово «соглядатай»). Первые сведения об организации разведывательной службы содержатся в самых ранних памятниках военно-научной литературы (например, в трактате Энея Тактика «О перенесении осады», датируемом серединой IV в. до н. э.). Пожалуй, из всех трактатов, предшествующих «De velitatione bellica», наиболее подробная ха-

жащих местах, чтобы, когда начнется передвижение врагов, упомянутые выше виглаторы узнали бы об этом от дорожных вигл и чтобы стратиг заблаговременно знал как о выступлении врагов, так и о том, каким путем они намерены двигаться, и чтобы местные жители, предупрежденные виглаторами и экспелаторами[243], смогли найти убежище вместе со своим домашним скотом в защищенных местах.

рактеристика организации разведывательной службы содержится в анонимном военном сочинении времени Юстиниана (см. об этом: *Кучма В. В.* «Византийский Аноним VI в.»). Многочисленные упоминания *катаскопов* встречаются в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, I, 9; II, 6; IV, 3; VIII, 2; XII B 22 и др.), а через его посредство — и в «Тактике Льва» (особенно в главах XVII и XVIII). Практика шпионской службы известна и по нарративным источникам (*Лев Диакон*. История, VI, 11; VII,5; VIII, 3). Более подробно об этих сюжетах см.: *Dagron*, Traité. P. 248–250.

[243] *Экспелаторы*. Отводим предположение Дж. Дэнниса (*Dennis*, De vel. bell. P. 153, n. 1), производящего этот термин от латинского *expilator* — «грабитель», «расхититель», и полагающего, что в данном случае речь идет о «разведчиках особого рода». Присоединяемся к мнению Ж. Дагрона (*Dagron*, Traité. P. 228–229), что термин следует производить от латинского *expello* — «выгонять», «выталкивать» и т. п. и понимать под ним специально выделяемые группы люди, в обязанности которых входила непосредственная эвакуация местных жителей при возникновении угрозы вражеского вторжения в защищенные природой места (обычно горные или лесистые); впрочем, в дальнейшем изложении, где *экспелаторы* упоминаются еще раз (гл. VIII), говорится о возможности эвакуации сельских жителей в укрепленные населенные пункты городского типа (*кастроны* — см. о них примечание № 267). Поскольку эвакуации подлежали не только люди, но и их имущество (в частности домашний

В пограничных армянских фемах[244], с учетом того, что армяне несут сторожевую службу неисправно и ненадежно, следует сохранить способ организации вигл, используемый в армянских землях с давних пор. Следует отобрать и взять на учет пригодных людей, которые должны получать оплату из средств армии, — именно из тех, которые положены в армии за исполнение сторожевой службы, а также установленную ежемесячную аннону[245]; следует сме-

скот), можно предполагать, что *экспелаторам* придавались вьючные и тягловые животные. В указанном комментарии Ж. Дагрона указаны многочисленные источники и литература, подтверждающие именно такую трактовку термина (особенно интересным из которых является свидетельство Константина Багрянородного). См. также: *Haldon*, Expeditions.

[244] *Пограничные армянские фемы* — территории империи, расположенные к востоку от *больших пограничных фем* (см. о них примечание № 236) и непосредственно соседствующие с владениями арабских эмиров. Перечень этих фем дан автором трактата в гл. XXIII. Об истории возникновения этих административно-территориальных образований, о демографическом составе проживавшего здесь населения, о способах и принципах управления этих территорий см.: *Dagron*, Traité. P. 242–245 с указанием источников и литературы.

[245] *Аннона* — здесь: разновидность продовольственного пайка, выдаваемого в X–XI вв. из средств казны на содержание военнослужащего; этот паек, впрочем, мог быть заменен и денежными выдачами. Информация юридических и нарративных источников об окладах, вознаграждениях и подарках, известных в византийской армейской практике, систематизирована Ж. Дагроном (см.: *Dagron*, Traité. P. 260–262). См. также: *Dölger F.* Beitrage zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders 10. und 11. Jahrhun-

нять их каждый месяц и с их помощью надежно охранять дороги, по которым могут выступить неприятели.

Но поскольку и они, будучи армянами, даже при условии вознаграждения и оплаты анноны исполняют сторожевую службу неисправно, о движении неприятельской армии следует узнавать от заранее отправленных катаскопов. Следует отобрать доблестных и мужественных трапезитов, которых армяне называют тасинариями[246], внести их в учетные списки и назначить над ними командиров, которые в до-

derts. München, 1927 (Далее — *Dölger*, Finanzverwaltung); *Karayannopulos J.* Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958 (далее — *Karayannopulos*, Finanzwesen); *Hendy M. F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450. Cambridge, 1985 (далее — *Hendy*, Studies); *Haldon*, Expeditions.

[246] *Трапезиты* — здесь: небольшие по численности (около десятка человек) мобильные воинские отряды, используемые для разведывательных, но главным образом для диверсионных рейдов в глубине вражеской территории. Термин *тасинарии* Ж. Дагрон производит от армянского числительного «tasn» — десять. На Западе эквивалентом термину *трапезиты* был термин *хосарии (хонсарии)*, известный автору «De castrametatione» (см. соответствующий комментарий к этому трактату) и Кекавмену (см.: *Литаврин*, Кекавмен. С. 135). Как явствует из дальнейшего изложения (гл. VII), активизация деятельности *трапезитов (тасинариев)*, равно как и *катаскопов*, должна резко усиливаться в моменты сбора неприятельских армий перед их нападением на территорию империи. См.: *Литаврин*, Кекавмен; *Dagron*, Traité; *Canard M.* Sur deux termes militaires byzantins d'origine orientale // Byz. 1970. 40. См. также примечания №№ 172 и 426.

полнение к мужеству обладают и хорошим знанием дорог и местностей в Сирии. Их нужно регулярно направлять для вторжения во вражеские владения, чтобы вносить смятение и причинять им вред. И если предоставится возможность, то следует захватить некоторых из противников и доставить их к тому, кто осуществляет верховное командование, чтобы он смог от них узнать о передвижениях и намерениях неприятелей.

III. О движении неприятелей и предварительном захвате труднопреодолимых позиций

Предупрежденный о выступлении врагов, стратиг должен собрать собственное войско, вооружить его и выдвинуть к пограничным рубежам; всю пехоту следует сосредоточить возле той дороги, по которой намерены продвигаться враги. И если стратигу станет известно, что враги идут с небольшим войском, он должен выступить им навстречу и напасть на них силами пехоты и конницы, если, правда, была возможность собрать и подготовить пехотное войско.

И поскольку пехота наиболее эффективна в сражении в теснинах и на труднопреодолимых позициях, необходимо заранее занять и удерживать силами пехоты вершины гор и, если позволяет характер местности, паратаксии[247] пехоты следует разместить с обе-

[247] *Паратаксии* (единственное число — *паратаксия*) — общее военно-техническое наименование упорядоченных

их сторон от них. В тех местах, которые пригодны для сражения кавалерии, следует присоединить к пехоте и кавалерию, чтобы неприятели, узнав о такой подготовке и захвате теснин, либо сами прекратили свой натиск, либо были с Божьей помощью отбиты. Там, где характер местности пригоден для атаки не с двух сторон, но лишь с одной, необходимо заранее точно таким же образом занять господствующую позицию именно с этой стороны. Там, где неподходящая местность препятствует проведению атаки со стороны возвышенности, где дорога постепенно идет на подъем и неровна и где она ограничена и сужена горными потоками, следует таким же образом с возвышенной стороны разместить пехотную паратаксию, а дорогу захватить и перегородить щитоносными оплитами[248]

единиц боевого (или — реже — походного) построения армии, как византийской, так и неприятельской; при этом количество более мелких подразделений (*таксий* — см. о них ниже, примечания №№ 285 и 305), входящих в состав одной такой единицы, может быть самым различным. Встречающийся в трактате «De velitatione bellica» более сорока раз, термин *паратаксия* имеет весьма многочисленные оттенки (см. примечания №№ 303, 307, 308). Известный с глубокой древности термин многократно используется в более ранних военных сочинениях (например, в «Стратегиконе Маврикия» и «Тактике Льва» не менее сотни раз в каждом, обозначая чаще всего определенную линию боевого строя). См.: *Dagron*, Traité; *Kolias T.* Byzantinische Waffen. Wien, 1988 (далее — *Kolias*, Waffen); *Kühn*, Heer; *McGeer*, Warfare.

[248] *Оплиты* (единственное число — *оплит*) — общее родовое наименование солдат тяжеловооруженной пехоты; основными элементами их вооружения являлись щиты (что и отражено в используемом автором определении) и копья.

и аконтистами[249], поставив позади них солдат, метающих камни вручную, а вместе с ними — токсо-

Термин *оплиты* использован в трактате единственный раз, хотя солдаты, использующие в сражении «копье со щитом», упомянуты еще раз в гл. X. Известный с глубокой древности термин *оплит* используется практически всеми военными писателями, как более ранними, так и более поздними (см.: *Kolias*, Waffen; *Kühn*, Heer; *Dagron*, Traité; *McGeer*, Warfare). В соответствии с указаниями «Стратегикона Маврикия» (Strategicon, VIII, 2, 18), *оплиты* должны использоваться в бою против соответствующей категории пехотных формирований неприятеля. Но поскольку автор «De velitatione bellica» имеет дело с противником, в войске которого тяжеловооруженная пехота отсутствовала, византийские *оплиты* должны были находить другое боевое применение.

[249] *Аконтисты* (единственное число — *аконтист*) — разновидность пехотных формирований, занимавшая своеобразное промежуточное положение между тяжелой и легкой пехотой. Основное вооружение *аконтистов* — метательное оружие (чаще всего дротики). Военные писатели, как правило, стремятся подчеркнуть, что данная разновидность пехоты неорганична для собственно ромейских войсковых формирований, — она более свойственна другим народам; кроме того, как подчеркивается в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, IX, 2), дротиками могли быть вооружены и кавалеристы. В ряде других мест (особенно в главе, где описываются военные обычаи славян) Маврикий рекомендует применять *аконтистов* в сражениях с теми противниками, которым несвойственно «правильное» боевое построение. О варианте боевого применения *аконтистов*, рекомендуемом автором «De velitatione bellica», см. ниже в гл. XX. Гораздо более часто, чем в анализируемом трактате, термин *аконтист* употребляется автором «De castrametatione» (см. ниже соответствующие пассажи и комментарии). См. также другую литературу: *Dagron*, Traité; *Kolias*, Waffen; *Kühn*, Heer; *McGeer*, Warfare.

тов[250] и сфендонитов[251]. Необходимо подготовить и вторую паратаксию, разместив ее позади первой. С обеих сторон паратаксии, охраняющей главную дорогу, следует разместить аконтистов, псилов[252] и сфендонитов.

[250] *Токсоты* (единственное число — *токсот*) — солдаты легкой пехоты, вооруженные луками. Термин, известный еще со времен Гомера, является обычным для памятников полемологической литературы (например, в «Стратегиконе Маврикия» он упоминается не менее тридцати раз). Встречающийся в трактате «De velitatione bellica» лишь однажды, термин *токсот* гораздо более активно (свыше десяти раз) используется автором «De castrametatione» (см. перевод и комментарии к этом трактату). Справочная литература по термину указана в предыдущем примечании.

[251] *Сфендониты*; в других трактатах («Стратегикон Маврикия», «De castrametatione») *сфендонисты* (единственное число — *сфендонит; сфендонист*) — солдаты легкой пехоты, вооруженные *пращами*; сам термин праща (*σφενδονή*) тоже упомянут в трактате «De velitatione bellica» в гл. XXIX. Справочная литература по термину указана в примечании № 249.

[252] *Псилы* (единственное число — *псил*). Термин широко известен в предыдущей и последующей военно-научной литературе, где он может иметь несколько смысловых оттенков. В самом общем смысле этот термин является родовым понятием, противоположным понятию *оплиты*, — им обозначаются все категории солдат легкой пехоты, которые не имеют (если исходить из этимологии слова) никакого защитного вооружения. В более узком смысле (а именно такой узкий смысл превалирует в трактате «De velitatione bellica») *псилы* представляют собой особую категорию легкой пехоты, которая, в отличие от других легковооруженных пехотинцев, поражавших врагов на дальней дистанции (упомянутые выше *токсоты* и *сфендониты*), действовововала оружием

Если же станет известно, что имеются и другие пути, которые акриты[253] называют тропами, проходящие справа и слева от паратаксии, охраняющей главную дорогу, но не вблизи от нее, а поодаль, необходимо захватить и их и надежно охранять с помощью пехоты, ибо в противном случае враги, узнав, что главная дорога прочно удерживается большими си-

---

ближнего боя (два эпизода, упоминаемые автором «De velitatione bellica», когда псилы участвуют в *обстреле* вражеских позиций (гл. X и XXIV), следует, вероятно, понимать так, что в данных эпизодах *псилы* метают камни вручную). Согласно уже упоминаемой ранее установке «Стратегикона Маврикия» (Strategicon, VIII, 2, 18), нормальной является ситуация, когда во время сражения ромейские псилы должны противостоять вражеским псилам. Однако из дальнейших сообщений автора «De velitatione bellica» следует, что псилы находили весьма широкое и разнообразное боевое применение: они могли участвовать в нападении на неприятельский лагерь (гл. X и XXIV), в захвате и удержании клисур (гл. XX), в преследовании противника во взаимодействии с кавалерией (гл. XXIII) и даже в отражении атак вражеской конницы (гл. XXIV). Справочную литературу по термину см. в примечании № 249.

[253] *Акриты* (единственное число — *акрит*) — здесь: жители пограничных фем. Термин *акрит* известен и в более узком, непосредственно военном смысле, когда он обозначал воина-пограничника. См. об этом: *Ahrweiler*, Frontière; *Литаврин*, Кекавмен; *Dagron*, Traité — во всех исследованиях с указанием источников и литературы. См. также: *Дигенис Акрит*. Перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина. М., 1960; *Pertusi A.* Tra storia e leggenda: Akritai e Ghāzi sulla frontiera occidentale di Bisanzio. Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Bucarest, 1974; *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977 (далее — *Литаврин*, Общество).

лами, попытались бы подойти по одному из боковых путей, и если он не охраняется хорошо и надежно, они смогли бы отыскать подход и выйти во фланг или в тыл паратаксии, вызвав смятение и страх в войске ромеев. Если же это войско надежно защищено с обеих сторон, тогда враги либо будут с Божьей помощью посрамлены, если они устремятся в сражение, либо, объятые страхом, они будут вынуждены продолжать движение по другой дороге, удаленной на расстояние многих дней пути.

Вследствие этого врагов постигнет два бедствия: с одной стороны, вынужденные покинуть свои лагеря и кратчайшую дорогу, они будут изнурены многодневным маршем; с другой стороны, — и это приведет их к гибели, — они утратят мужество и впадут в отчаяние, тогда как ромеи станут более смелыми и более отважными в сражении с ними. В прежние времена подобным образом пришлось трижды пострадать Али, сыну Хамдана[254]: дважды во времена про-

[254] *Али, сын Хамдана* — имеется в виду Абуль Хасан Али ибн Хамдан, с 944 г. эмир Алеппо из династии Хамданидов, получивший у современников прозвище Сайф-ад-Даула («меч царства»). На протяжении 50–60-х годов X века (вплоть до своей смерти в 967 г.) он оставался одним из самых серьезных военных соперников Византии (см. об этом: *Dagron*, Traité. P. 149–153 с указанием источников и литературы). Достаточно подробные свидетельства о боевых действиях византийских армий под предводительством полководцев из династии Фок против войск Сайф-ад-Даула содержатся в описаниях Льва Диакона (см.: *Лев Диакон*. История, особенно книга II и комментарий к ней). Сведения арабских источников об этом персонаже были впервые сис-

славленного и благочестивейшего императора Константина Порфирородного[255] и однажды — в царствование доброго императора Романа, его благочестивого сына[256]. Почти все знают в подробностях о происшедшей тогда полной погибели отрицающих Христа[257]. Также и армии тарсян и жителей Киликийских областей в различных местах теснин неоднократно обращались в бегство стратигами, которые в те времена надлежащим образом заботились об охране границы.

тематизированы М. Канаром (см.: *Canard M.* Sayf ad Daula. Algers, 1934). Это имя упоминается в трактате еще дважды подряд в гл. XX.

[255] *Константин Порфирородный (Багрянородный)* — византийский император Константин VII, сын императора Льва VI Мудрого; номинально на престоле с 913 г., самодержец в 945–959 гг. Подробно о нем: *Продолжатель Феофана*. Кн. V–VI. См. также старое исследование: *Rambaud A.* L'Empire grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870. О смысле и значении термина «Порфирородный» см.: *Литаврин*, Кекавмен. С. 371–372; 576–577.

[256] *Роман II* — император с 959 по 963 г. См. о нем: *Продолжатель Феофана*, VI. С. 194 слл.; *Литаврин*, Кекавмен. С. 575–576.

[257] У авторов двух новейших изданий трактата — Дж. Дэнниса (*Dennis*, De vel. bell. P. 157, n. 2) и Ж. Дагрона (*Dagron*, Traité. P. 170–171) — нет расхождений в предположении, что упоминаемый в этом пассаже первый боевой эпизод относится к 950 г. и связан с победой Льва Фоки (см. об этом выше, в примечании № 226). Но поскольку в этом эпизоде имели место сразу два сражения, а не одно, Ж. Дагрон не исключает, что именно эту двойную победу Льва Фоки и мог иметь в виду автор трактата, когда он пишет о двух несчастьях, постигших Сайф-ад-Даула в период правления Константина Багрянородного. Впрочем, продолжает Ж. Даг-

IV. О том, как следует совершать неожиданные нападения на врагов и атаковать их, когда они возвращаются в свою землю

Стратигу необходимо стремиться, заботиться и прилагать все усилия к тому, чтобы совершать нападения на врагов тайно и неожиданно, насколько это возможно. В самом деле, стратиг, применяющий подобный способ действий, даже с малым войском сможет обратить в бегство большие армии противников. Если же, как об этом сказано выше, в теснинах имеется место, благоприятное для нападения на врагов с двух сторон, он должен без всяких колебаний вступить в сражение, и если находящееся под его командованием войско будет должным образом упорядочено, он с Божьей помощью решительным натиском сможет обратить врагов в бегство.

Но все же более целесообразно и удобно атаковать врагов не тогда, когда они намереваются вступить в Романию, но лучше тогда, когда они возвращаются к себе домой из наших владений. В самом деле, вследствие долговременного пребывания в ро-

---

рон, второе поражение Хамдана, упомянутое в данном пассаже, могло иметь и самостоятельный характер; тогда его следует относить к событиям либо 952, либо 958 гг. Дж. Дэннис (вслед за М. Канаром — см.: *Canard*, Hamdanides. P. 795) полагает, что под вторым поражением Хамдана автор трактата имеет в виду победу над ним византийских войск под командованием Иоанна Цимисхия в кампании 958 г. В оценке третьего эпизода оба издателя вновь единогласны: здесь речь идет о победе Льва Фоки, датируемой ноябрем 960 г. (см. об этом: *Лев Диакон*. История, II. С. 14–17).

мейских областях они будут сильно угнетены и ослаблены. Возможно, они будут обременены большим количеством добычи, пленных и скота, и поскольку и сами они, и их лошади будут измучены, они будут искать возможность уклониться от сражения, стараясь и желая как можно скорее достичь собственной земли. Кроме того, в течение этих дней успеют собраться и войска ромеев — не только те, которые были в спешном порядке сосредоточены вблизи клисур, но и те, которые находились вдали; они будут собраны в достаточном количестве, снаряжены и хорошо подготовлены к сражению. В этом случае, как мы сказали, и днем и ночью сражение с врагами, несомненно, будет оканчиваться победой.

Вот почему стратигу никогда не следует позволять врагам возвратиться домой невредимыми. Однако вступать в сражение с ними в теснинах, когда они только еще изготовились к вторжению, менее выгодно, — это может обернуться, пожалуй, лишь напрасными усилиями, в первую очередь потому, что за столь малое количество дней невозможно собрать и хорошо подготовить пехотное войско. Кроме того, врагов со свежими силами и полностью вооруженных будет трудно одолеть. А потому полезно и выгодно всякий раз, когда они намерены вторгнуться, угрожать им захватом теснин и тем самым хотя бы на время пресекать их постоянные нападения на ромейские фемы.

V. О предварительном захвате источников воды в теснинах

Если в тех местах теснин и клисур, где стратиг готовится к сражению, находится источник проточной воды, стратиг должен постараться захватить его силами своего войска, чтобы войско могло пользоваться этой водой. Если окажется, что источник мелок, нужно постараться не замутить его, иначе из-за этого войско будет удручено немалыми страданиями и непредвиденными лишениями. Но если вблизи не окажется источника, из которого войско могло бы пить и освежаться, особенно в летнее время, то следует приказать, чтобы каждая гекатонтархия[258] имела по десять кожаных мехов, в которых вода переносилась бы и доставлялась во время сражения тем, кто участвует в бою, для питья и освежения.

Но о том, как необходимо подготовиться к сражению в теснинах, сказано достаточно. Если возникнет необходимость вести на этих труднопреодолимых пространствах ночную войну, то все сказанное будет очень полезным. Однако об этом я скажу в другом месте. Теперь же я начну говорить о методе боевого сопровождения — методе полезном и необходи-

[258] *Гекатонтархия* — армейское подразделение (как конное, так и пехотное), насчитывавшее до 100 воинов и возглавляемое *гекатонтархом*. Именно в таком значении этот последний термин встречается в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, I, 2–3; II, 20; VII B, 17 etc.); в «Тактике Льва» (TL, XVIII, 149) ему соответствует термин *кентарх*. См.: *Кучма*, Структура; *Kühn*, Heer; *McGeer*, Warfare.

мом, позволяющем силами немногочисленного войска сдержать огромные полчища врагов и даже в большинстве случаев, по Божьему благоволению, одолеть их.

VI. О боевом сопровождении монокурсов[259] и подсчете их численности

Во время рейдов, которые именуются монокурсами и организуются с неприятельской территории без участия пехоты, враги обычно передвигаются быстро и нигде не становятся лагерем на целую ночь, но лишь на короткое время дают передышку своим лошадям, чтобы только дать им корму. Как правило, в ходе монокурсов нападение осуществляется с участием небольших и отборных сил. Участвующие в монокурсах стремятся как можно быстрее достичь тех территорий, на которые они намереваются совершить набег.

Итак, стратиг, уведомленный стражами на дорогах и виглаторами о выступлении врагов, должен спешно выдвинуться в пограничные области, выслав вперед турмарха[260] или другого архонта из числа наи-

[259] *Монокурсы* — особая разновидность арабских рейдов на византийскую территорию. Военно-технический смысл этого термина достаточно ясно раскрывается самим автором трактата в содержании данной главы.

[260] *Турмарх* — один из высших архонтов фемной армии, занимавший в ее иерархии вторую ступень после стратига. Согласно сведениям «Тактики Льва» (TL, IV, 3, 43–44), *тур-*

более опытных и знающих командиров, вместе с отборными младшими архонтами и лучшими всадниками, который должен выйти навстречу врагам, осуществлять наблюдение за ними, используя весь свой опыт, вступить с ними в непосредственный контакт[261] и докладывать стратигу об их местонахожде-

марх являлся командиром *турмы* (или *меры*), составлявшей одну треть фемного войска. Поэтому эквивалентом термина *турмарх* мог быть термин *мерарх*; раньше, добавляет Лев, эти архонты именовались *стратилатами*. На свою должность *турмарх* назначался императорским распоряжением (все остальные архонты более низкого ранга назначались стратигом). Среди требований, предъявляемых к кандидатуре турмарха, Лев называет образовательный ценз. Как правило, на должности турмархов назначались представители знатных и богатых фамилий. Будучи командиром *турмы* как части фемной армии, *турмарх* являлся и высшим административным лицом в пределах того округа, на территории которого размещалась вверенная ему воинская часть (о судебных полномочиях *турмарха* прямо сказано ниже, в гл. XIX). См.: *Ahrweiler*, Recherches; *Кучма*, Структура; *Dagron*, Traité; *Kühn*, Heer; *McGeer*, Warfare. См. также примечание № 175.

[261] *Вступить... в непосредственный контакт* — так переводим глагол *παραμένειν*, многократно используемый автором трактата в качестве технического термина для обозначения целого комплекса мероприятий, направленных на противодействие неприятельской армии (конкретное их содержание раскрывается на протяжении последующего изложения). Роль технического термина играет и производная от этого глагола вокабула *παραμονή*, которую мы переводим далее как «неотступное следование», «непрерывное наблюдение» (гл. VIII), но чаще — как «контактное наблюдение» (см., например: гл. X и XIV). Подробная трактовка этих терминов дана Ж. Дагроном — см.: *Dagron*, Traité. P. 216–218.

нии, а если окажется возможным их тщательно разведать, то и о численности их сил. Ведь пересчитать и установить их численность можно не только по внешнему виду, но и по следам копыт их лошадей. Опытные люди могут, хотя и не вполне точно, определить численность войска по количеству травы, вытоптанной копытами лошадей на покинутых территориях. Об этом также можно судить по переправам через реки, но наиболее точно — по размерам вражеских лагерей, когда враги их уже оставили.

Когда стратиг узнает о начале вражеского рейда и определит территории, на которые враги намереваются совершить набеги, он должен приблизиться к этим территориям. Укрывшись со своим войском в подходящем месте, он должен разослать во всех направлениях кавалерийские виглы, и когда он получит от них донесение, что они видят, как враги начали набег и рассеялись, он должен выступить против рассеявшихся, и поскольку они будут в таком состоянии, он сможет без труда их одолеть. Если же еще до начала своего рейда врагам удастся захватить некоторых местных жителей и узнать от них о прибытии стратига и об эвакуации селений, то враги не осмелятся совершить набег, а поспешно возвратятся в свою землю, ничего не добившись, но лишь претерпев страдания, утраты и мучения.

VII. О сборе и движении неприятельской армии[262] и о том, что следует позволять торговым людям проникать в землю врагов и вести там разведку

Необходимо иметь сведения о подготовке и движении большой армии с того момента, когда большим армиям собираться наиболее привычно, то есть с августа месяца. В это время враги, придя в большом количестве из Египта, Палестины, Финикии и Келесирии[263] в Киликию, в области вокруг Антиохии

[262] Так переводим использованный здесь автором трактата термин *φοσσάτον;* в этом же значении данный термин используется и во многих других случаях (в частности, в гл. II, X, XV) и служит для обозначения крупных экспедиционных формирований, соответствующих современному военному термину «главные силы». Поэтому в ряде мест мы переводим этот термин как «большая армия». Вместе с тем термин *φοσσάτον* в ряде случаев употребляется автором трактата в другом значении, эквивалентном термину «лагерь» (особенно часто в гл. VIII, X и XIV). Совмещение двух значений в одной языковой единице объясняется, вероятно, тем, что та разновидность лагеря, которая обозначается термином *φοσσάτον,* предназначалась именно для размещения главных сил (см.: *Haldon*, Expeditions; *McGeer*, Warfare); для войсковых единиц иного масштаба могли сооружаться другие разновидности лагерей (например, *χάραξ*, дважды упоминаемый в «De velitatione bellica» (гл. X и XXI). Свидетельства о численности больших экспедиционных армий, опирающиеся на свидетельства источников (в первую очередь, арабских), приведены Ж. Дагроном (см.: *Dagron*, Traité. P. 179–181).

[263] *Келесирия* (дословно: «Полая Сирия») — часть Сирии между горными цепями Ливана и Антиливана, а также территории к востоку от них, прилегающие к Дамаску.

и Алеппо, и присоединив к себе арабов[264], в сентябре месяце начинают совершать набеги на ромеев. Именно в то время, когда начинается сбор армии врагов, следует как можно чаще отправлять к ним трапезитов, или тасинаков[265], и как можно больше катаскопов из числа наиболее опытных и надежных.

Следует позволять проникать туда и торговым людям; нужно также проявлять дружеское расположение к эмирам[266], держащим под своей властью ка-

[264] *Арабы* — единственный случай употребления данного этнонима в анализируемом трактате. Впервые (и также единственный раз) упоминаемый в «Византийском Анониме VI в.» (Anonymus, XL, 1), он затем надолго выпадает из лексикона военных авторов (по крайней мере, уже в «Стратегиконе Маврикия» он не встречается ни разу). Ж. Дагрон полагает, что в данном пассаже автор «De velitatione bellica» именует *арабами* «волонтеров джихада, прибывавших малыми группами из более отдаленных регионов, идентифицируемых с колыбелью Ислама» (*Dagron*, Traité. P. 179 с указанием источников и литературы). См. также: *Ahrweiler H.* L'Asie Mineure et les invasions arabes / / RH. 1962. 227, 1.

[265] *Тасинаки* — словообразование, производное от термина *тасинарии* (см. о нем выше, примечание № 246). Ж. Дагрон полагает, что в данном случае автор трактата имеет в виду не отдельных представителей разведывательной службы, а их структурные подразделения (*Dagron*, Traité. P. 50, n. 2; 253, n. 51).

[266] *Эмиры* (от арабского amir — «вождь», «начальник») — здесь: главы военной и гражданской администрации в пограничных с империей арабских владениях, аналогичные по своему статусу византийским фемным стратигам. Как следует из содержания анализируемой главы, отношения между граничащими друг с другом византийскими фемами и владениями арабских эмиров не всегда имели только лишь во-

строны[267] пограничных с нами территорий, писать им письма и посылать людей с подарками, чтобы благодаря всей этой многосторонней деятельности можно было бы иметь точное представление о замыслах и намерениях врагов, о численности формируемых армий, конных и пеших, об их командирах и о том, в какие области они намерены совершить вторжение.

Узнав о выдвижении армии и о том, по какому пути она намерена осуществить вторжение в Романию, стратиг должен собрать все свои войска и выступить к границам, отрядив наиболее опытного тур-

енно-конфронтационный характер — не исключались и мирные, в том числе торговые, отношения. См. об этом: *Dagron*, Traité. P. 249–250, 256–257; *Canard M.* Les relations politiques et sociales entre Byzance et les Arabes // DOP. 1964. 18; *Haldon J. F.*; *Kennedy H.* The Arab-Byzantine Frontier in the Eighth and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands // ЗРВИ. 1980. 19. Как следует из дальнейшего изложения материала в анализируемом трактате, именно эмиры возглавляют крупные военные экспедиции в византийские владения и именно с ними должны иметь дело фемные стратиги, реализуя рекомендованный автором «De velitatione bellica» способ ведения военных действий.

[267] *Кастроны* (единственное число — *кастрон*) — здесь и далее оставляем без перевода термин *κάστρον*, употребляемый в двух основных значениях: либо специальное военно-крепостное сооружение, либо укрепленное поселение (обычно городского типа). Термин может прилагаться и к неприятельским (как в данном случае), и к византийским объектам. См. источники и литературу в исследованиях: *Kirsten E.* Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinischen — Congress. T. III. München, 1968; *Dagron*, Traité; *Haldon*, Expeditions.

марха или какого-либо другого командира из числа компетентных архонтов высокого ранга с отборными всадниками для встречи с врагами еще до начала их вторжения в наши владения, чтобы он сопровождал их, оставаясь с ними в контакте, и доносил стратигу об их передвижениях.

VIII. О непрерывном наблюдении за неприятельской армией и ее сопровождении

Непрерывное наблюдение за неприятельской армией должно быть организовано следующим образом. Когда стратиг со всем своим войском переместится в подходящее укрепленное место, а местные жители вместе со всем своим скотом с помощью экспелаторов укроются в кастронах или — если кастронов не имеется — в укрепленных и неприступных пунктах в горах, необходимо во втором или третьем часу дня[268] назначить командира, который будет обя-

[268] Для установления соответствия времени, упоминаемого автором трактата, современному суточному делению, нужно иметь в виду следующее обстоятельство. Весь световой день, с момента восхода солнца и до его заката, делился на двенадцать равных часов, продолжительность которых могла быть различной в зависимости от сезона. После окончания двенадцатого часа дня начинался первый час ночи; таких ночных часов было тоже двенадцать. Таким образом, выражение «во втором или третьем часу дня» следует понимать как время, соответствующее второму или третьему часу после восхода солнца.

зан осуществлять непрерывное наблюдение. Получив приказ стратига, он должен собрать своих людей вместе с запасными лошадьми[269] и устремиться в погоню по дороге, по которой движутся неприятели, оставив со стратигом все свое имущество и конскую прислугу и неся с собой съестные припасы всего лишь на один день: ничего кроме хлеба и сыра или же солонины, а также корма для лошадей и мулов.

Разместившись лагерем в том поселении, где можно найти съестные припасы и корм для скота, этот командир должен дать отдых своим людям и лошадям до девяти часов дня[270], расставив виглы в наиболее возвышенных пунктах. Командиру этого отря-

[269] Принимаем конъектуру Дж. Дэнниса, заменившего в данном месте текста *τοὺς παρασυρτάτους* на *τὰ συρτά*. Под вторым из этих терминов, очевидно, понимаются запасные лошади; под первым же, как справедливо полагает Ж. Дагрон (*Dagron*, Traité. P. 188–189), следует понимать обслуживающий персонал боевых структур кавалерии. В обязанности этого персонала входила забота об экипировке кавалериста и о его боевой лошади; возможно, эти «оруженосцы» (или «ездовые») вели под уздцы и запасную лошадь, которая несла необходимое снаряжение и запас провизии. Однако, как следует из продолжения этой же фразы текста, все имущество (*τὴν αποσκευὴν*) кавалеристов, выделенных для контактного наблюдения, а также вся их конская прислуга (*τοὺς παριππαράτους*) оставались со стратигом, — весь смысл рекомендованного мероприятия состоял именно в том, чтобы сделать этот разведывательный отряд максимально мобильным, не обремененным ни излишним багажом, ни излишними людьми. Представляется, что запасные лошади такому отряду могли бы оказаться необходимыми, но персонал по их обслуживанию в данной ситуации был бы излишним.

[270] Т. е. до вечера (см. примечание № 268).

да следует подняться на самую высокую точку и лично наблюдать облака пыли, поднимаемые врагами, и дымы их костров, чтобы по ним определить и рассчитать, куда враги движутся и где намерены стать лагерем. Ведь опытные люди могут без труда определить места, в которых предполагается разбить лагерь.

Когда будет определено место, в котором враги сделали остановку, следует незамедлительно донести об этом стратигу. Сам же командир должен двинуться в путь во главе собственного войска, облаченного в доспехи[271] и накидки, именуемые эпаноклибанами[272], которые не должны быть светлыми, и каждый солдат должен нести в руках полагающееся

[271] *Доспехи* — единственное упоминание в трактате защитного вооружения; при этом использован старый термин *θώρακας* (здесь — мн. чис.), который был анахронизмом уже во времена «Стратегикона Маврикия». Поскольку никаких пояснений при этом не дано, невозможно судить с определенностью о конструкции этих доспехов, а также о том, из какого материала они изготовлены. Однако в общем контексте излагаемой здесь информации (см. следующее примечание) более вероятным является предположение, что они были металлическими.

[272] *Эпаноклибаны* — (единственное число — *эпаноклибана*) — особого рода накидки, достаточно просторные, чтобы не мешать при езде, надеваемые поверх защитного вооружения. Их предназначение состояло в том, чтобы скрывать от противника блеск металлических доспехов и предохранять их от атмосферной влаги. Исходя из этимологии термина, можно предполагать, что упомянутые выше доспехи имели вид панциря, упоминаемого в «Тактике Льва» (TL, V, 3; VI, 2, 4) под термином *κλιβάνιον* и представлявшего собой конструкцию из металлических (или — реже — роговых) пластин (см.: *Haldon*, Expeditions. P. 278–279 с указа-

ему оружие. Когда перед заходом солнца враги, выходившие из лагеря за добычей, будут возвращаться в свои палатки вместе с фулками[273], их охранявшими, тогда следует одновременно выступить и коман-

нием источников и литературы). С учетом тяжести такого панциря вполне объяснима рекомендация Льва надевать его кавалеристам лишь непосредственно перед сражением, причем делать это с помощью своих оруженосцев (TL, VI, 22: IX, 56). Однако в анализируемом отрывке автор «De velitatione bellica» рекомендует этому разведывательному кавалерийскому отряду облачиться в доспехи уже заранее и совершать марш в постоянной боевой готовности, не выпуская из рук оружия (кстати, это еще одно косвенное доказательство отсутствия в этом отряде какого бы то ни было обслуживающего персонала — см. примечание № 269). Что же касается накидки поверх панциря, то в «Тактике Льва» (TL, V, 3; VI, 4; VI, 26) она обозначалась термином *ἱμάτιον ἐπιλώρικον* и изготовлялась из льна или шерсти. См. об этом: *Haldon J. F.* Some Aspects of Byzantine Military Technology from the Sixth to the Tenth Centuries // Byzantine and Modern Greek Studies. I. Oxford. 1975; *Haldon*, Expeditions; *Dagron*, Traité; *Kolias*, Waffen; *McGeer*, Warfare.

[273] *Фулки* (единственное число — *фулка*; в оригинале *φοῦλκον* — ср. род) — здесь: значительные по численности (в несколько сотен человек) отряды, главным образом конные, предназначенные для поддержки и охраны других подразделений, которые выделены для сбора добычи. По предположению Ж. Дагрона (*Dagron*, Traité. P. 224, n. 18), термин следует производить от латинского *furca*. Подробно проанализировав этот термин, Х. Михаэску (см.: *Mihăescu H.* Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec // RESEE. 1968. 6. P. 496) указал на возможность его германского происхождения; это мнение разделяет и Дж. Дэннис (см.: *Dennis*, De vel. bell. P. 173, n. 3). В «Стратегиконе Маврикия» термин *фулка* упомянут трижды (Strategicon, XII A, 7; XII B, 14, 16), но

диру, чтобы приблизиться к лагерю врагов. При этом необходимо двигаться осмотрительно, с чрезвычайной внимательностью и осторожностью, чтобы командир оставался скрытым и не был обнаружен врагами. С наступлением ночи ему необходимо быть рядом с лагерем. И если там, где враги расположились, имеется гора, возвышающаяся над их лагерем с одной или с двух сторон, не составит труда организовать с этого места непрерывное наблюдение. Два или три человека должны сойти со своих коней, пешком подняться в гору, приблизиться к лагерю и с каких-нибудь высоких и укрепленных позиций, подняться на которые врагам будет нелегко, должны осматривать вражескую армию и слушать голоса людей, ржание лошадей и крики мулов. Следует также отрядить еще четыре группы по четыре кавалериста в каждой и расположить их по одну и по другую сторону от неприятельской армии на определенном расстоянии друг от друга, чтобы и они слушали ржание лошадей, крики мулов и людской говор.

Если вблизи неприятельского лагеря не будет такой защищенной возвышенности, то и в этом слу-

---

ему придан совершенно иной смысл: в первом случае речь идет о стационарном защитном элементе пешего строя, в двух других — о разновидностях походного строя пехотных подразделений, способных обеспечить собственную защиту от вражеского нападения. Близко к последнему значению и употребление этого термина в «Тактике Льва» (TL, VII, 66). В военной литературе конца X в. (см., в частности, в трактате «De castrametatione») термин *фулка* употребляется в том значении, которое вкладывает в него автор «De velitatione bellica». См.: *Dagron*, Traité; *McGeer*, Warfare.

чае следует отрядить четыре четверки, чтобы они осторожно разместились по одну и по другую сторону от армии врагов и в случае необходимости могли подавать друг другу заранее установленные сигналы к отходу — либо свистом, либо голосом. Необходимо или дважды в течение ночи, или один раз подменять их другими людьми, чтобы предоставить отдых и им самим, и их лошадям. Производя их смену, турмарх или другой старший командир должен тщательно обследовать, где и как они располагаются, и разместив как положено тех, которые пришли на смену предыдущим, этот командир должен возвратиться на свое прежнее место. Услышав шум, свидетельствующий о выдвижении рейдового отряда, эти четыре четверки должны немного отойти, но, однако, не слишком далеко, и доложить турмарху о движении врагов. Тот должен донести стратигу, по какой дороге предпринято выступление и в котором часу, чтобы стратиг, зная день и час выдвижения врагов, смог рассчитать, каких именно территорий они достигнут к утру. Наблюдатели, расставленные турмархом, должны передавать донесения стратигу в том пункте, где стратиг находился в момент начала вражеского рейда. Если же они не найдут там его самого, а только солдат, оставленных для их встречи[274], то им

[274] Так переводим термин *ὑποδοχαρίους*, обозначающий группу солдат, имеющих специальное поручение встречи и препровождения других солдат, доставляющих донесение нижестоящего командира вышестоящему. Еще раз этот термин встречается в конце XV главы, где уточняется численность этой специальной группы (6–8 человек).

нужно будет, прибыв в это место, подать знак голосом. Оставленные солдаты, услышав голос и произведя тщательную проверку, должны выйти им навстречу и как можно быстрее доставить их к стратигу или отвести к другим встречающим, если стратиг опять таким же образом поменял свое местоположение. Ибо стратигу необходимо в целях надежной защиты один или два раза в течение ночи менять свое расположение, чтобы не попасть в засаду к врагам; ему также необходимо иметь двойную цепь вигл в целях надежной защиты.

IX. О движении рейдового отряда и его сопровождении

Стратиг, узнав о начале рейда, должен немедленно направить к тому турмарху, который был послан для сопровождения рейдового отряда, другого архонта с отборными всадниками; последний должен иметь при себе одного из тех людей, которых турмарх ранее отправил к стратигу для сообщения о начале рейда, чтобы с его помощью в качестве провожатого им можно было бы легче соединиться. Сам же стратиг вместе со своим войском должен выступить вслед за отправленным архонтом и постараться догнать турмарха, чтобы и самому сопровождать рейдовый отряд врагов, находясь позади турмарха. Сопровождение врагов с тыла по их следам и по направлению их движения должно быть расчетливым и непрерывным.

Когда рейдовый отряд врагов начнет движение, турмарх, отрядив три группы по два человека опытных и знающих людей, должен отправить их по дороге, избранной неприятелями; проинструктировав и первую, и вторую, и третью пару, как им нужно двигаться и сопровождать неприятелей, он должен возвратиться к своему отряду. Первая пара должна двигаться, держась вблизи неприятелей, чтобы слышать и разговор людей, и ржание лошадей. Вторая, следуя за первой, должна двигаться таким образом, чтобы видеть идущую впереди и наблюдать за ней, и не приближаться к ней, но и не удаляться от нее, чтобы не терять ее из виду.

Позади этих трех пар следует разместить три группы по четыре человека в каждой, так чтобы первая четверка видела третью пару, а вторая четверка — соответственно первую четверку. Третья группа, следующая за второй, должна быть увеличена до шести человек, чтобы двое из них передавали сообщения, полученные от парных групп, турмарху, турмарх же должен докладывать стратигу. И если враги пойдут быстрее, первая пара должна сообщить об этом, чтобы и турмарх, и стратиг сами пошли быстрее и не отстали сильно от врагов. Если же, наоборот, враги пойдут медленнее, и турмарх, и стратиг также должны двигаться медленнее, но так, чтобы не оказаться вблизи врагов и не быть ими обнаруженными, но и не слишком отстать и потому потерять из виду тех, кто осуществляет сопровождение врагов, или оказаться невидимыми для них, чтобы вследствие этого не случилось какого-либо вреда.

Кроме того, если враги устроили привал, чтобы задать корм лошадям, и стратиг получил об этом сообщение, ему также следует в удобном месте сделать стоянку, чтобы покормить и своих лошадей, расставив для собственной охраны внешние виглы. Когда он получит сообщение, что движение врагов возобновилось, он тотчас же должен двинуться сам вслед за ними, выставив по одну и по другую сторону от своей колонны по тридцать всадников, не слишком далеко, но и не совсем близко, так чтобы они слышали звуки своего войска. Позади колонны стратига должен следовать архонт с кавалерийским подразделением, которое называется сака[275]. Стратиг должен держаться на положенной дистанции и предпринимать все меры безопасности, чтобы враги не обнаружили, что он их преследует; он должен двигаться с предосторожностью и приказать тем, кто сопровождает врагов вблизи, тщательно разведывать, не оставляют ли враги в засадах некоторые отряды для нападения на тех, кто их преследует, и на

[275] *Сака* — здесь: боевые кавалерийские подразделения, составляющие арьергард походной войсковой колонны. Их главная задача состояла в прикрытии колонны с тыла и в охране обоза. Неизвестный в предшествующей литературе, термин *сака* активно используется в последующей (например, в трактате «De castrametatione»); в большинстве случаев имеется в виду арьергард собственного войска, хотя есть и случаи применения термина к армии врагов. См. специальное исследование: *Dain A.* Σάκα dans les traités militaires // BZ. 1951. 44, где термин *сака* производится от арабского *saqat* (эскорт, конвой). См. также: *Dagron*, Traité; *Dennis*, De vel. bell.

самого стратига, как это часто устраивалось тарситянами. Когда однажды преследовавший их турмарх не разведал тщательно ручьи, протекавшие впереди, и места, в которых могли укрыться вражеские солдаты, он внезапно попал в их засаду. Поэтому тот, кто преследует врагов, должен проявлять большую предусмотрительность и расчетливость, чтобы ничего подобного не случилось.

Когда стратиг узнает, на какие области и поселения враги намереваются напасть, он должен еще до рассвета либо справа, либо слева от них выбрать такую позицию, которая покажется ему наиболее неприступной. Ускорив свое движение и приблизившись к угрожаемым местам с фланга на расстояние двух миль[276], стратиг должен занять эту укрепленную позицию, укрыв там свое войско, как уже было сказано, еще до рассвета, чтобы враги не увидели поднятую пыль и не догадались о прибытии стратига. Сам же он, подойдя с немногими всадниками ближе к врагам и поднявшись на возвышенный наблюдательный пункт, должен постараться рассмотреть врагов как можно лучше. Когда враги устремятся в набег и рассыплются для сбора добычи, стратиг должен оставаться на этом пункте до третьего или четвертого часа дня[277], чтобы наблюдать за паратаксией эмира и точно подсчитать численность его войска. Когда те из врагов, которые устремились в набег, окажутся достаточно далеко от паратаксии эмира,

[276] Около 3 км. (см. примечание № 239).

[277] Т. е. до конца утра (см. примечание № 268).

так что они не смогут ни быстро возвратиться назад, ни узнать о предпринятом против паратаксии эмира нападении, поскольку каждый стремится подольше задержаться в поселениях и захватить как можно больше добычи, — в это время стратиг, приведя в порядок собственный боевой строй, должен атаковать численно ослабленную паратаксию эмира, и тогда он с Божьей помощью одержит победу и принесет врагам полную погибель.

Если же он не отважится атаковать паратаксию, видя, что ее силы велики и значительно превосходят его собственные, тогда, совершив фланговый марш на достаточном удалении по подходящей скрытой дороге, он должен как можно скорее настичь рассеявшееся войско врагов. Организуя в течение целого дня нападения на них, пока они остаются рассеянными, он, с Божьей помощью, совершит достопамятное дело. При этом ему необходимо иметь в своем тылу одного из наиболее подготовленных архонтов с небольшим количеством всадников, чтобы держать паратаксию эмира в поле зрения, наблюдать за ней и доносить обо всем виденном, особенно если она пришла бы в движение.

Если же стратиг встретится с большой по численности фулкой, которая предназначена охранять врагов, рассеявшихся для сбора добычи, он должен разделить свое войско на две части и одну из них двинуть вперед, приказав вступить в сражение с фулкой. И как только они вступят в схватку, стратиг, находящийся невдалеке со своей паратаксией, должен решительно и смело, с громким криком и боевым кли-

чем на всем скаку устремиться на врагов, и когда с Божьей помощью они обратятся в бегство, он станет преследовать их и полностью одолеет.

Итак, если благодаря заступничеству Бога стратиг преуспеет и обратит в бегство врагов, устремившихся за добычей, если он совершит столь великое и достопамятное дело, враги, вероятнее всего, с позором возвратятся в свою землю. Но если они вознамерятся еще задержаться на нашей территории, то стратиг, вновь собрав воедино свое войско, должен отойти от противника на достаточное расстояние в те места, которые окажутся подходящими, и предоставить своему утомившемуся войску передышку[278] на три дня, ежедневно выделяя только тех людей, которые обязаны находиться в контакте с противником, как это мы уже изложили. Когда стратиг узнает, что враги начали отступление, он должен тотчас же отправить одного из лучших архонтов для скорейшей концентрации пехотного войска в самых трудных участках пути врагов. Сам же стратиг, не давая себе отдыха ни днем, ни ночью, должен как можно

[278] Требование предоставления своему войску отдыха накануне сражения традиционно для военных руководств. В «Тактике Льва» сказано, что перед боем стратиоты должны хорошо отдохнуть (TL, XIII, 5; XIV, 91), плотно пообедать (Ibid., XIII, 7; кстати, давать воинам перед сражением вино Лев строго воспрещает — Ibid., XIV, 92) и находиться в спокойном расположении духа. Рекомендуется в связи с этим не утомлять стратиотов и не раздражать их наказаниями, а всех недовольных заранее выделить из войска и перевести в другое место под благовидным предлогом во избежание предательства с их стороны (Ibid., XIII, 5).

быстрее опередить врагов и, надлежащим образом подготовив все свое пехотное и конное войско, вступить с ними в сражение, как это мы подробно изложили ранее. Действуя таким образом, он милостью Христа, всемогуществом и заступничеством Его пречистой Матери одержит верх в борьбе с врагами.

Но об этом достаточно.

X. Об отделении рейдового отряда и о сопровождении остального войска

Теперь мы не преминем изложить то, что видели собственными глазами. Различные части большой армии врагов, конные и пехотные, выступив вместе из своих поселений и городов, проходят вместе два дня, а иногда и больше, а затем отделяются друг от друга. Кавалерия, которая намеревается вторгнуться в наши земли и разграбить их, выходит вперед на расстояние нескольких дней пути, оставляя свою пехоту позади, чтобы попытаться напасть врасплох на жителей селений, задержавшихся дома. Обоз[279] с пехотой и с ее имуществом[280] остается позади; после

[279] *Обоз* — в данном случае имеется в виду неприятельский обоз. Полагаем, что будет более целесообразно дать комментарий к этому термину тогда, когда речь пойдет о византийском обозе (см. примечание № 282).

[280] Автор «De velitatione bellica» проводит различие между понятиями войскового обоза (*τοῦλδον*) и имущества отдельных воинских частей и подразделений (*ἀποσκευή*); это различие фиксируется и тогда, когда речь идет о неприятельском войске (как в данном сюжете), так и тогда, когда имеет-

прохождения труднопреодолимых мест и теснин остающиеся отыскивают место, удобное для собственной охраны и защиты, разбивают на нем палатки и размещаются, поджидая там кавалеристов, ушедших в рейд, чтобы по их возвращении безопасно провести их по труднопреодолимым местам.

В этом случае стратиг, получив известие о выступлении конных врагов, должен выделить подразделения контактного наблюдения и сделать все то, что предписано выше. И если стратигу будет сподручно напасть на тех из врагов, которые рассеялись, устремившись за добычей, и обратить их в бегство, пусть он поспешит осуществить это дело. Если же некоторые превратности и препоны воспрепятствуют ему в этом, он должен подготовиться к сражению с армией, ставшей лагерем. Он должен тщательно разведать местность, на которой установлены палатки врагов, нет ли там реки или ручья, обеспечивающих их защиту. Ему нужно и самому обустроиться в соответствии с характером местности и со всей поспешностью, насколько это возможно, сконцентрировать при себе пехотное войско. Если стратиг получит донесение о передвижении врагов и перемещении их в другой лагерь или если об этом удастся выведать у перебежчиков, ему следует ночью отрядить некоторых кавалеристов во главе с опытными и достойными командирами и расставить их в двух укрытиях по одну и по другую сторону от дороги, по

ся в виду византийская армия. В некоторых более ранних источниках (см., например, «Стратегикон Маврикия», I, 3 и «Тактика Льва», IV, 29) имеют место случаи взаимной идентификации этих терминов.

которой ожидается перемещение врагов. Сто человек, отобранных из этих людей, следует разместить в засаде, поручив им охрану селений, которые находятся вблизи пути движения неприятелей. Самому же стратигу надлежит тайно расположиться в подходящем месте со всем своим войском и с наблюдательного пункта следить за продвижением неприятелей. Как известно, вражеские кавалеристы рассчитывают отыскать все необходимое для себя в ближайших селениях, и когда они вступят в селения, взятые под охрану, и, спешившись, начнут обшаривать дома местных жителей, пусть на них нападут те сто всадников, которые поставлены в засаду, и некоторых из них уничтожат, если смогут, или захватят в плен, и тотчас же обратятся в бегство, отступая по дороге, идущей в промежутке между двумя укрытиями, и увлекая неприятелей в погоню. Тем самым преследуемые натолкнут неприятелей на подготовленные засады. Ибо тогда выступят укрытые отряды, расставленные по обеим сторонам дороги, ударят по врагам со всей силой и сделают многих из них жертвой меча[281].

[281] Словесный штамп, использованный в данном случае и употребленный в дальнейшем изложении еще дважды (в главах XVII и XX), иногда находил свое реальное и буквальное воплощение: по свидетельству Льва Диакона (см.: *Лев Диакон*. История, I, 7), в одном из эпизодов критского похода 960 г. Никифор Фока приказал своим солдатам отсекать мечом головы убитых врагов и нести их в сумках в лагерь — там за каждую отрубленную голову выдавалось денежное вознаграждение. Лев Диакон к этому добавляет, что особенно усердно данный приказ исполняли воины из отряда армян.

Стратиг, увидя все это, должен тотчас же и сам с большей частью войска, остававшейся при нем, стремительно атаковать паратаксию врагов. Остальные части его войска пусть будут готовы зайти неприятелям в тыл и оттуда вступить в сражение. И если не помешают какие-либо промахи с нашей стороны, враги будут сокрушены. Если же враги, упорно сражаясь, смогут оказать сопротивление и устоять на своем месте и если они попытаются, разгрузив вьючных животных и соорудив подобие лагеря с многочисленными препятствиями вокруг него, принять боевой порядок против атакующих, то вследствие этого могут возникнуть для нас немалые трудности. Но тогда следует и стратигу применить аналогичное круговое сражение и обеспечить, если это возможно, чтобы ко дню этого сражения было срочно собрано пехотное войско, соответствующим образом подготовленное. Если же это окажется невозможным, поскольку пехота находится слишком далеко, то следует приказать более подготовленным к этому всадникам сойти с коней и сражаться с неприятелями в пешем строю бок о бок с кавалеристами, используя лук, пращу и копье со щитом. Стратигу также следует подтянуть к себе свое военное имущество и обоз[282],

[282] Термин *обоз* в своем непосредственном смысле служил для обозначения всей совокупности войскового имущества, транспортируемого на конной тяге в составе походной колонны. В более широком смысле — это вся интендантская служба византийской армии в условиях данной военной кампании, представленная соответствующими должностными лицами в ранге архонтов (см. упоминание «архонта обоза» в гл. XVI) и значительным по численности штатом об-

если он окажется недалеко, и стать лагерем в непосредственной близости к неприятелям, чтобы вызвать у них смятение и подавленность. И если в этом месте совсем не окажется воды, то это принесет им много страданий. И если даже не удастся нанести им полное поражение, то поскольку много врагов будет захвачено в плен[283], а еще больше убито и ранено, их

служивающего персонала (TL, VI, 15; X, 2, 9, 11; XIV, 83–85). Здесь и далее автор «De velitatione bellica» использует термин *обоз* только в варианте *τοῦλδον*, характерном для словоупотребления авторов X века (начиная с «Тактики Льва»), тогда как в «Стратегиконе Маврикия» это слово, встречающееся несколько десятков раз, употребляется в варианте *τοῦλδος*. См.: *Dain A.* «Touldos» et «Touldon» dans les traités militaires // Mélanges H. Grégoire. II. Bruxelles, 1950. См. также: *Кучма*, Структура; *Dagron*, Traité.

[283] О роли, месте и значении пленных как важнейшей составной части военной добычи см.: *Dagron*, Traité. P. 231–234 с указанием источников и литературы. Здесь же (P. 232, n. 43) — любопытная справка о численном соотношении убитых и плененных арабов и византийцев в период военных кампаний конца IX — конца X вв. Свидетельства о возможных способах использования пленных содержатся в «Тактике Льва». Еще в период военной кампании они могут быть допрошены в качестве «языков», могут послужить проводниками при переходе через незнакомую местность (TL, XVII, 62); на них могут быть испробованы съестные припасы и вода из колодцев, когда есть опасения, что эти продукты отравлены врагами (Ibid., XVII, 68–69). Не исключалась возможность обмена пленных врагов (особенно знатных) на пленных византийцев, если исход войны представлялся неясным (Ibid., XVI, 11). В будущих военных кампаниях пленные враги могли использоваться в качестве рабов среди обслуживающего персонала войска (наличие рабов в войске зафиксировано «Тактикой Льва» многократно — см., напри-

надменный дух будет сломлен, так что они не отважатся безбоязненно совершать набеги на ромейские области.

Но если даже стратиг не узнает заранее о перемещении врагов из одного лагеря в другой, либо, как я сказал, от перебежчиков, либо от пленных, вследствие чего он не сможет в течение ночи разместить укрытые отряды вдоль их движения, то он должен быть готов к тому, чтобы открыто атаковать врагов на марше в дневное время, если, конечно, его войско не окажется слишком слабым и малочисленным.

В самом деле, нападение на вражеский обоз, если говорить коротко, никогда не вызывает особого затруднения и не причиняет вреда нашему войску, по-

---

мер: TL, I, 7; VI, 15–16; XVII, 109). Это один из тех возможных случаев, когда в византийском войске могли оказаться соплеменники врагов; такая ситуация рассматривалась как крайне нежелательная, и потому накануне сражения этих соплеменников следовало выделить из войска и отправить в другие места (Ibid., XII, 113; XIII, 5). Не исключалась, однако, возможность, что соплеменники врагов (бывшие военнопленные) могли оказаться в византийском войске не только среди обслуживающего персонала, но и среди строевых частей. По свидетельствам некоторых источников (в частности по сообщению Константина Багрянородного), пленные арабы обращались в христианскую веру и расселялись колониями в качестве налогоплательщиков и воинов как в пограничных, так и во внутренних фемах империи. Получив участок казенной земли, финансовое и продовольственное пособия, а также семенное зерно, эти колонисты начинали несение государственной службы и выплату налогов по прошествии трех лет после поселения (см.: *Литаврин*, Общество. С. 238).

скольку для защиты обоза выделяется лишь немного боеспособных кавалеристов, так что всякий раз, как с ними происходило сражение, ромейское войско многих из них брало в плен и уничтожало, а также захватывало много упряжных животных и мулов со всей их поклажей. Если к моменту битвы прибудут и пехотные подразделения, надлежащим образом вооруженные и подготовленные к сражению, и если стратиг по всем правилам полководческого искусства организует круговое сражение против неприятелей, он подвергнет их полному истреблению. Тому, что делалось нами в отношении обоза неприятелей, равно как и ими в отношении нашего, мы и сами были свидетелями, и читали об этом в исторических трудах, и учились этому у предшественников. Итак, нападение на обоз выгодно потому, что оно не влечет за собой никакого вреда или затруднения, а гораздо чаще приносит победу и славу. И даже если ромейское войско не достигнет успеха в бою за обоз, оно во всяком случае не претерпит никакого вреда.

Если же враги остаются там, где они разместились первоначально, и, не желая покидать это место по причине его неприступности, ожидают возвращения рейдового отряда, стратиг и в этом случае должен вступить с ними в сражение, не потеряв времени под предлогом упорядочения собственного пехотного войска или под каким-нибудь иным предлогом, и не допустив, чтобы рейдовый отряд возвратился и воспрепятствовал нападению. Атаковать врагов стратиг должен следующим образом. Разведав с помощью специально выделенных виглаторов ближайшие селения, расположенные рядом с лагерем врагов, он

должен укрыть в подходящем месте отборных всадников во главе с опытным и мужественным архонтом. И как только враги вступят в эти селения в поисках провианта, следует устремиться на них. Необходимо разместить в засаде и других всадников для помощи и защиты тем, которые выдвинуты вперед. И если неприятельская конница попытается преследовать передних, кавалеристы из засады нанесут удар, обратят врагов в бегство и устремятся в погоню, поскольку количество всадников, оставляемых для защиты вражеского обоза, всегда бывает небольшим.

Если, однако, враги не вступают в селения, — что, впрочем, представляется невозможным, — то стратиг должен приказать виглаторам, отобранным из числа наиболее опытных солдат, разведать, с какой стороны своего лагеря враги выгоняют верблюдов на пастбище. Следует отрядить опытного турмарха или топотирита[284] с группой мужественных ка-

[284] *Топотирит* — воинское звание из категории средних архонтов, обозначавшее командира *тагмы* (или *банды* — см. о них ниже); одновременно *топотирит* обладал и управленческими полномочиями в пределах той административно-территориальной единицы (*топотирисии*), где размещалась его воинская часть (см.: *Константин Багрянородный*, Об управлении. С. 224). В более ранних трактатах («Стратегикон Маврикия», «Тактика Льва») эквивалентом термину *топотирит* являлся термин *комит*. По свидетельству «Тактики Льва» (TL, XVIII, 149), в фемном войске средней численности (около 4 тыс. человек) имелось 20 архонтов в звании *комита*. См.: *Ahrweiler*, Recherches; *Литаврин*, Кекавмен; *Oikonomidès*, Listes; *Кучма*, Структура; *Haldon*, Expeditions; *Kühn*, Heer; *McGeer*, Warfare.

валеристов, чтобы они отыскали ручей, который подводит к нужному месту, и незаметно подкрались к нему, пока не окажутся близко, а после этого открыто напали бы на верблюдов. Солдаты, которым это поручено, должны быть разделены на две части, и половина солдат должна захватывать пасущихся верблюдов и ослов, а вторая половина остается на страже для их защиты и поддержки. И если окажется, что снаружи вражеского лагеря будут расставлены фулки и они ударят по тем, которые напали на верблюдов, или если из лагеря выступит вражеская кавалерия для их преследования, то наши солдаты, расположенные позади, должны вступить в борьбу. Пусть и сам стратиг, который должен находиться не в отдалении, а вблизи в каком-нибудь укрытии, в тот же момент выступит против врагов. Видя, как развивается сражение, он должен избрать и соответствующий образ действий: либо со всей силой ударить по преследующим врагам, либо, если посланные им солдаты их превосходят, совершить нападение на лагерь врагов, сохраняя боевой порядок и не нарушая строя. Собрав все свое войско, как конницу, так и пехоту, и заранее изучив хорошо характер местности, он должен определить каждому подразделению кавалерии и пехоты его собственное местоположение и начать атаку на врагов, окружив их, если это возможно, со всех сторон.

Если, как мы сказали раньше, имеются река или ручей, защищающие врагов вместо ограды, и если возможно каким-то образом перейти их вброд, следует расположить войско по ту сторону потока.

Стратигу нужно приказать установить свои палатки, чтобы ясно показать, что он намерен стать здесь лагерем, и тем самым устрашить врагов; после этого он может начинать сражение. И если он организует сражение по всем правилам, с соблюдением требований боевого порядка и мужества, он достигнет большого успеха. Но если даже не удастся в первый день обратить врагов в бегство, поскольку они смогут оказать упорное сопротивление, располагая пехотными частями и опираясь на благоприятный характер местности, необходимо продолжать теснить их и вызвать к себе дополнительные силы пехоты. Стратиг должен приказать псилам и сфендонитам в течение ночи вести обстрел врагов и разжечь вокруг их лагеря множество костров; после этого следует побудить псилов вступить в рукопашную схватку и вести ее мужественно и отважно, пока они не ворвутся внутрь лагеря врагов, захватят под покровом ночи лошадей, мулов и прочий тягловый скот и будут беспрестанно поражать и уничтожать неприятелей. И если, с Божьей помощью, успех проявится на каком-то одном участке фронта, но будет замечен и воспринят другими таксиями[285], они также, презирая смерть, устремятся на захват добычи с надеждой поживиться и, по благости Христа, без труда одолеют врагов. И если даже вследствие каких-нибудь про-

[285] *Таксии* (единственное число — *таксия*) — здесь: обобщающее родовое наименование воинского подразделения в условиях боевого строя или марша в составе более крупной соответствующей единицы — *паратаксии* (см. примечание № 247).

махов или неудач наше войско не сможет полностью одолеть врагов, оно тем не менее многих из них возьмет в плен или уничтожит, а также захватит очень большую добычу[286].

В то время как сам стратиг организует боевые действия против большой армии неприятеля, он дол-

[286] Захват военной добычи (в качестве таковой могли выступать съестные припасы, скот, фураж, военное снаряжение, деньги, драгоценности и т. п.) традиционно рассматривался в военно-научной литературе в качестве одной из главных целей военной кампании. По свидетельствам «Тактики Льва», сбор военной добычи был тщательно регламентирован. Для этого выделялись особые подразделения (TL, XVII, 33), а другие служили для их защиты (Ibid., XVII, 48–50, 52). Воины, по собственной инициативе присоединившиеся к участникам сбора добычи, серьезно наказывались — их в обнаженном виде выставляли перед войском (Ibid., XVII, 67). Строжайше воспрещалось присвоение военной добычи рядовыми стратиотами без ведома архонтов (Ibid., VIII, 9). Добытое военное снаряжение распределялось между воинами сразу же после боя; это распределение производилось с учетом той роли, которую воины сыграли в сражении (Ibid., XVI, 3–7, 10). Нормативной основой для распределения военной добычи служило действующее законодательство, — в частности, этому был посвящен специальный титул Эклоги (см.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 75–76). Анализ юридических и военных источников, в которых ведется речь о сборе и распределении военной добычи, был осуществлен А. Дэном — см.: *Dain A.* Le partage de butin de guerre d'après les traités juridiques et militaires // Actes du VIe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Paris, 1950. Информацию о количестве и качестве военной добычи по свидетельствам византийских источников см. в исследовании Ж. Дагрона (*Dagron*, Traité. P. 231–234).

жен выдвинуть на значительное расстояние одного из знающих и опытных архонтов с сорока всадниками для охраны дороги, по которой намерен возвратиться рейдовый отряд неприятелей. И когда станет известно, что они возвращаются для соединения с армией и впереди них, как это обычно принято у тарситян, на определенном удалении следует подразделение, именуемое вередоном[287], которое имеет своей задачей оповестить армию о возвращении рейдового отряда, то архонт, отправленный для наблюдения, должен доложить об этом стратигу. И если стратиг увидит, что вередон отдалился от паратаксии рейдового отряда на значительное расстояние, он должен приказать одному из опытных архонтов с отборными всадниками внезапно атаковать вередон, если это возможно; в этом случае архонт смог бы без труда достичь успеха. Если же вередон движется впереди на небольшом расстоянии, вплотную к паратаксии рейдового отряда, то стратигу не следует никого посылать против него, но будет лучше, если он, довольствуясь тем, что Бог ему содействовал в сражении против большой армии врагов, отступит со всем своим войском, заняв самые подходящие и наиболее укрепленные места.

Поскольку большая армия врагов, преодолев все опасные места, ожидает прибытия рейдового отряда

[287] *Вередон* — отряд кавалерии, предназначение которого достаточно определенно раскрыто самим автором трактата. Ж. Дагрон полагает (*Dagron*, Traité. P. 71, n. 22; p. 179, 254), что и греческий термин *βέρεδον*, и арабский эквивалент *barīd* производны от латинского *veredus* (рысистая почтовая или охотничья лошадь).

именно для того, чтобы благополучно сопроводить этот отряд при переходе труднопреодолимых мест, сохранив при этом все, что ему удалось захватить, — будь то пленные или скот, — стратигу необходимо приложить все усилия, чтобы опередить их, занять теснины своим войском, конным и пехотным, и тщательно подготовиться к сражению с ними, как об этом сказано ранее. Ни в коем случае нельзя предоставлять им возможность возвратиться без боя. В самом деле, если по всем правилам организовать сражение на неблагоприятных позициях, можно нанести врагам сильное поражение. Даже если стратигу не удастся одолеть их полностью, поскольку у него не окажется многочисленной и хорошо подготовленной пехоты, он сможет, по крайней мере, освободить многих, если не всех, наших людей, которые были взяты в плен, вместе со всем их имуществом, а также немало самих врагов изранить и захватить в плен.

XI. О том, что пехоту следует располагать по обе стороны от труднопреодолимых мест

Если под командованием стратига находится небольшое войско, ему следует применить для разгрома неприятелей другой способ. Отыскав подходящее и хорошо защищенное место, включающее, если возможно, расположенный поблизости кастрон, и заняв естественные укрепления силами пехоты, он должен скрытно разместить в засадах пехотные от-

ряды по одну и по другую сторону дороги. Сам стратиг вместе с кавалерийским войском должен расположиться позади пехоты, в непосредственной близости от нее. Необходимо, чтобы вблизи пехотинцев были укрыты и кавалеристы, и пусть они будут поставлены в смешанном строю по ходу дороги непосредственно вслед за расположением пехотной засады.

Для того чтобы устроить западню, стратигом должны быть выделены сто отборных солдат на самых выносливых лошадях во главе с мужественным и наиболее опытным архонтом, знающим подходящее место, в котором он мог бы скрытно разместить своих людей. Заняв это место ночью, он должен их там надежно укрыть. С рассветом он, поднявшись на наблюдательный пункт, должен следить за перемещением выступивших врагов. Наблюдая, как они устремились за добычей и обыскивают селения, чтобы награбить всевозможное добро, деньги и все остальное, что они смогут найти, он должен переждать, пока не увидит, что они, сойдя с лошадей, шарят в домах этих селений. Тогда, взяв с собой шестьдесят или семьдесят всадников, так чтобы наши силы оказались большими, чем силы врагов, — ибо необходимо, чтобы численность сил стратига обязательно превышала численность неприятелей, — он должен, приведя их в боевой порядок, в отважном порыве на полной скорости атаковать врагов и, с Божьей помощью, достичь успеха. Но если окажется, что враги станут их преследовать, необходимо подкрепить их оставшимися сорока кавалеристами, а затем, унич-

тожив захваченных пленных[288] или отправив их вперед, как можно быстрее отойти и занять укрепленные позиции.

Упомянутый архонт, умело сражаясь и сдерживая врагов, то обращаясь против них, то отступая, будет заманивать их в погоню. Когда преследующие достигнут тех мест, в которых укрыта пехота, и когда некоторые из неприятелей вступят в эти места, тогда пехота, выйдя из укрытий, ударит по преследующим врагам, так что они будут отброшены. Враги, миновавшие пехоту, натолкнутся на засаду кавалерии и будут все полностью уничтожены. Ведь пехотные части, защищенные условиями местности, не позволят преследующим пройти через свои позиции, так что враги прекратят преследование и повернут

[288] Возможные случаи уничтожения захваченных пленных врагов известны и по более ранним военным трактатам. Так, в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, IX, 4) сказано, что в условиях марша пленные могут сыграть роль своеобразного живого щита. Связанных, их следует выставить с той стороны походной колонны, откуда ожидается неприятельское нападение; из-за их спин можно вести стрельбу по противнику, не подвергаясь риску ответного обстрела. Если ромейское войско окажется в критическом положении, его безопасность может быть куплена у неприятеля ценой освобождения пленных. Если же враг откажется от таких условий, пленные должны быть уничтожены на виду у вражеского войска. Все указанные рекомендации «Стратегикона» почти дословно воспроизведены в «Тактике Льва» (TL, IX, 49–51). Впрочем, на уничтожение пленных Лев советует пойти лишь в самых крайних случаях, — гораздо целесообразнее сохранять их (особенно знатных) в качестве «обменного фонда» на пленных ромеев (Ibid., XVI, 11).

назад, совершенно ничего не добившись да еще и потеряв тех своих людей, которые до этого были захвачены в плен.

XII. О внезапном вторжении врагов, пока еще не будут мобилизованы ромейские войска

Если произойдет внезапное и стремительное вторжение врагов, как это им часто свойственно, и если еще не смогут быть мобилизованы императорские войска[289], но только силы одного стратига, причем вследствие неожиданности вражеского вторжения удастся собрать не всю армию его фемы, но

[289] *Императорские войска* (в заголовке главы они названы *ромейскими войсками*) — имеются в виду регулярные воинские формирования, которые можно условно отнести к разряду гвардейских. Они имели особую организационную структуру и находились под строго централизованным командованием; в мирное время их местопребыванием являлась либо столица империи, либо специально определенные местности Фракии и Македонии. В дальнейшем изложении автора «De velitatione bellica» эти силы упоминаются еще один раз вполне определенно — снова под наименованием «*войско ромеев*» (гл. XVII) и трижды в косвенной форме — в тех случаях, когда употребляется словосочетание «*фемы и тагмы*» (гл. XVI и XX). Анализируемый трактат не содержит практически никаких сведений об этой важнейшей составной части вооруженных сил империи. Более подробная информация на этот счет содержится в трактате «De castrametatione», перевод и комментарий которого дается ниже.

лишь небольшую и недостаточно подготовленную ее часть, — в этих условиях стратиг, видя, что враги намереваются устремиться за добычей, и учитывая, что жители области, в которую они устремились, еще не покинули ее и не нашли убежище в кастронах и укрепленных местах, должен срочно отправить в эту область либо турмарха, либо другого архонта с приказом опередить неприятелей и, насколько это окажется возможным, организовать вывод и эвакуацию местных жителей вместе с их домашним скотом.

Если стратиг убедится в том, что враги намерены еще до рассвета напасть на селения, он должен, осуществляя сопровождение врагов, как мы об этом предписали ранее, накануне ночью показать врагам, что он якобы готов вступить с ними в сражение, — тем самым он сможет предотвратить их нападение и обеспечить безопасность данной области. Если по пути встретится труднопреодолимая река, через которую врагам предстоит переправиться, или теснины, или другие трудные участки дороги, то когда большая часть неприятелей переправится или вступит в теснину, следует напасть на арьергард их войска. Сам стратиг должен лично находиться здесь вместе с отборными архонтами и лучшими кавалеристами и показывать врагам, что он якобы готов к сражению с ними и намеревается вступить в бой. Предварительно он должен отделить от своего войска конскую прислугу и фуражиров[290] и отправить их

[290] *Конская прислуга* (см. выше, примечание № 269) и *фуражиры* (*ἐνταγίστρατοι*) — вспомогательные структуры

в укрепления или кастроны, если таковые окажутся поблизости. Но если даже не окажется ни реки, ни трудного участка пути, то и в этом случае ему следует хотя бы мало-помалу тревожить врагов и вступать в бой, преследуя их в течение ночи; в этом случае враги, отчетливо сознавая, что стратиг следует за ними, будут связаны и ни в коем случае не отважатся устремиться вперед и совершить набег на селения. Действуя подобным образом, стратиг избавит местных жителей от угрозы нападения и от плена, сохранив им свободу.

Показываться врагам и нападать на них следует с большой расчетливостью и осторожностью, используя, как мы сказали, немногих отборных всадников; необходимо, чтобы они тотчас же возвращались назад под защиту стратига и укрепленных мест. Они не должны бросаться на врагов без крайней необходимости, ибо в случае нападения на них войска, превышающего их силу, они быстро окажутся жертвой враждебных сил, особенно если это случится в полнолунную ночь. Если же ночь окажется безлунной и облачной, такое дело можно осуществить без ущерба для себя. Во всяком случае, появится возможность достичь одного из двух результатов: либо враги вообще откажутся отправиться за добычей, либо если и совершат вылазку, то не отважатся выступить до полного рассвета, да и решатся на это

кавалерийского войска, выполнявшие функции по хозяйственному обслуживанию строевых подразделений. Подробнее см. о них: *Dagron*, Traité. P. 187–189 с указанием источников и литературы.

лишь немногие из них, тогда как большинство, опасаясь атаки стратига, не заходят удалиться от паратаксии эмира. А за то время, пока стратиг будет действовать подобным образом, жители селений найдут убежище в укрепленных местах и кастронах и не понесут ущерба.

XIII. О том, как устраивать засады против так называемых минсураторов[291] *при разбивке ими лагерей*

Если враги опустошают наши области, используя сменные лагеря[292], и не посылают далеко рейдовые

[291] *Минсураторы* (единственное число — *минсуратор*, от латинского *mensuro* — «измерять», «обмеривать») — категория военных специалистов инженерного профиля, в обязанности которых входили выбор места лагерной стоянки, определение внешних границ лагеря, внутренняя разметка лагерного пространства. Как правило, срок пребывания *минсуратора* в своей должности исчислялся продолжительностью данной военной кампании. В «Стратегиконе Маврикия» этот термин употребляется в варианте *μήνσωρ* (см., например: Strategicon, I, 3; VII B, 17; IX, 3 etc.); в «Тактике Льва» (TL, IV, 22; IX, 7; XII, 57; XX, 174) написание термина остается неунифицированным. Достаточно подробные сведения о службе *минсураторов* содержатся в трактате «De castrametatione», перевод и комментарий которого даны ниже. О военном и других значениях термина *минсуратор* см.: *Kolias G.* Περὶ ἀπλήκτου // ΕΕΒΣ. 1941. 17; *Bury*, System; *Oikonomidès*, Listes; *Dagron*, Traité; *Haldon*, Expeditions.

[292] Так переводим весьма оригинальное словоупотребление *φοσσατικῶς*, дважды (второй раз — в гл. XVIII) встреча-

отряды, но заботятся о собственной безопасности, ты должен[293] причинять им вред другим способом. Тебе следует разведать и определить, в каком месте находится лагерь врагов в настоящее время и в каком они намерены разбить его на следующий день. Если расстояние от нынешнего лагеря будет очень велико, например, шестнадцать миль[294] и больше, то такая протяженность пути сможет утомить и самих врагов, и их лошадей. Ты должен разведать окрестности того места, где они намерены остановиться для отдыха, отыскать пригодную для засады позицию и, отобрав триста или несколько меньше наиболее боеспособных кавалеристов, тайно разместить их там. Тебе следует установить и другую засаду в подходящем месте, которое защищено некоторыми укреплениями, разместив там все остальное свое войско.

ющееся в анализируемом трактате, но неизвестное во всей остальной военной литературе. Этим термином обозначается особая разновидность арабских экспедиций на византийскую территорию, осуществляемая силами большой армии, в составе которой представлены различные рода войск. Следовательно, в данном случае речь идет не о стремительном грабительском рейде, но о солидной военной кампании в полном смысле этого слова; дальнейшее изложение материала в трактате позволяет составить о ней довольно полное представление.

[293] Обращает на себя внимание тот факт, что начиная с XIII главы трактата автор «De velitatione bellica» существенно меняет стиль своего сочинения: с этого момента и до конца трактата используется способ прямого обращения к стратигу во втором лице. Варианты возможных объяснений этого факта предложены нами во вводной статье к настоящему изданию.

[294] Свыше 25 км. (см. примечание № 239).

Если поблизости окажется кастрон, то пусть и он послужит дополнительным средством безопасности и защиты. Ибо если возникнет надобность в пехоте, она сможет выступить из кастрона тебе на помощь.

Когда, опередив войско врагов, как это обыкновенно бывает, на это место прибудут для оборудования лагеря те, которых ромеи привыкли называть минсураторами, и когда они займутся своими делами, тогда пусть по ним стремительно, на полном скаку ударят солдаты, которые были заранее размещены тобой в первой засаде вблизи их будущего лагеря, и, с Божьей помощью, одолеют их. Если же враги будут преследовать их до того места, в котором ты разместил сильную засаду, то устремившись на врагов в отважном и доблестном порыве, ты сможешь одолеть преследующих и водрузить достославный трофей[295]. И если даже случится так, что подойдет вражеское войско и вступит в сражение с тобой, то ты, имея защиту со стороны укреплений и поддержку пехоты, и в этом случае их посрамишь и заставишь их, ничего не добившихся и потерявших много своих людей, повернуть назад.

XIV. Об отделении конницы от пехоты после того, как они совершали марш совместно

Ты должен, стратиг, тщательно следить за тем, чтобы враги скрытно от тебя не высылали рейдовые

[295] См. примечание № 231.

отряды для ограбления наших областей, и неусыпно заботиться о том, чтобы никакой их замысел и никакая уловка не ускользнули бы от тебя. Я расскажу о том, как они действовали в подобных случаях.

Те неприятельские силы, которые намечены для отправки в рейд, в течение нескольких предшествующих дней совершают марш вместе со своей кавалерией, пехотой и обозом; перед закатом солнца обоз со всем обслуживающим персоналом, пехотные части, а также оставленные для их защиты боевые подразделения конницы разбивают палатки и становятся лагерем по своему обыкновению. Те, которые выделены для рейда и для разграбления наших владений, отправляются в рейд на закате, чтобы не была видна поднимаемая ими пыль. Наш архонт, который обязан вести контактное наблюдение за неприятельским войском, — а это должен быть или турмарх, или другой архонт, — должен вместе со своими людьми приблизиться к тому месту, где враги устроили стоянку. С наступлением ночи они должны действовать обычным образом и в первом или втором часу ночи[296] вплотную приблизиться к палаткам. И если они не обнаружат в лагере вражеских кавалеристов, поскольку те уже отправились в рейд, то архонты, которым было поручено контактное наблюдение, окажутся не в состоянии точно определить и доложить стратигу истинное положение дел никак иначе, чем так, как я скажу.

[296] Т. е. час или два спустя после заката солнца (см. примечание № 268).

Итак, солдаты, которые выделяются ежедневно для контактного наблюдения и которые формируются в четверки, как об этом мы сказали ранее, должны распоряжением стратига брать с собой двоих наиболее мужественных и опытных из числа тех, которые уже осуществляли наблюдение за лагерем в предыдущие дни; вновь назначенные должны подробно узнать от них все, что те сделали и увидели ранее. Пусть турмарх включит этих двоих в одну из четырех четверок, организованных для контактного наблюдения по изложенному ранее способу, и пусть они приблизятся к лагерю, чтобы услышать голоса людей и ржание лошадей. И тогда те двое солдат, которые уже раньше наблюдали за большой армией неприятелей в предыдущих лагерях, когда все их боевые силы еще не были разделены и имели общую стоянку, смогут их вычислить по шуму и суете людей, по ржанию лошадей и по размерам пространства, на котором установлены палатки, — ведь это пространство не составит и одной трети той площади, которую занимали предшествующие лагеря, когда все войско имело общую стоянку. Из всего этого наблюдатели смогут сделать вывод и подсчитать, какие силы врагов остаются на данном пространстве и каких больше нет с ними в лагере. Да и почему бы не смочь это установить, если в лагере будет недоставать приблизительно шести тысяч человек и около двенадцати тысяч лошадей[297] из общего числа тех,

[297] Из приведенных здесь расчетов следует, что в данном случае общая численность неприятельской кавалерии, уча-

которые незадолго до этого наблюдатели обнаружили и подсчитали?

Тем не менее, чтобы всякие сомнения были отброшены и чтобы наблюдатели получили обо всем этом истинное представление, турмарх, которому поручено контактное наблюдение, должен сделать еще вот что. Отделив восемь всадников из людей наиболее опытных и в совершенстве знающих дороги, он должен приказать им выдвинуться или по правую или по левую сторону из той позиции позади неприятельского лагеря, где располагается турмарх, и когда они окажутся впереди вражеских палаток на полмили, они должны тщательно изучить и внимательно исследовать дороги. И если неприятельские кавалеристы действительно здесь прошли, то даже если их было всего лишь две сотни, разведчики распознают путь их движения, а тем более они это установят, если лошадей было около двенадцати тысяч. Когда следы такого количества лошадей, прошедших здесь недавно, будут отчетливо распознаны наблюдателями, они должны спешно возвратиться к турмарху и доложить, по какой дороге совершается нападение. Турмарх тотчас же должен как можно скорее уведомить стратига о том, какая дорога избрана

ствующей в экспедиции, составляет 9 тыс. всадников. 3 тысячи из них остаются в лагере (поэтому площадь лагеря сокращается втрое по сравнению с первоначальной), а 6 тысяч направятся в рейд; исходя из предположения, что каждый из участников рейда будет иметь запасную лошадь, общее количество лошадей в рейдовом отряде составит 12 тысяч.

неприятелями. Стратигу следует все это обсудить с подчиненными ему стратигами[298] и с другими опытными командирами.

И если он увидит, что его собственное войско имеет достаточно сил, чтобы сразиться с врагами, оставшимися в лагере, ему следует изготовиться к бою с ними, если только его пехотное войско находится недалеко и может присоединиться к нему в тот же день. Однако если местность, на которой враги расположились лагерем, имеет какое-то укрепление, которое служит им защитой, или отделена водным потоком, который трудно перейти, не следует вступать в сражение с ними. Если же эта местность ров-

[298] Весьма важное и информационно насыщенное замечание, свидетельствующее о том, что могла иметь место ситуация, когда неприятельскому вторжению противопоставлялось объединенное византийское войско, в состав которого входили боевые контингенты нескольких фем, возглавляемые соответствующими фемными стратигами. Функции командующего таким объединенным войском, очевидно, возлагались на одного из этих фемных стратигов; остальные стратиги на время военной кампании должны были состоять под его командованием. В дальнейшем эти «подчиненные стратиги» упоминаются еще по крайней мере дважды (в гл. XVI и XXIII). Рекомендации по соединению войск нескольких фем в масштабах единой армии были известны и в более ранней военно-теоретической литературе (см., например, TL, XVIII, 150, где речь идет об объединении войск трех фем; в этом случае численность кавалерийских войск составляла 12 тыс. человек). По свидетельствам нарративных источников (византийских и арабских), известны случаи военных кампаний, когда имели место объединения от двух до пяти фемных армий (примеры приведены Ж. Дагроном — см.: *Dagron*, Traité. P. 182, n. 12).

ная со всех сторон, а особенно если наша пехота сможет прибыть в день начала сражения, то нужно быть к нему готовым. Но если, как мы сказали, на местности имеются укрепления, а пехотные подразделения отсутствуют, то тогда следует со всей скоростью броситься в погоню за врагами, ушедшими в рейд. Должен быть назначен один из опытных архонтов, чтобы он устремился по следам врагов, выделенных для набега в составе рейдового отряда. Сам же стратиг со всем войском должен совершать фланговый марш, стремясь быстрее сблизиться с врагами, поскольку ему будут хорошо известны дороги, по которым они идут. Однако он должен продвигаться со всей предосторожностью. При приближении рассвета он должен отрядить виглаторов для наблюдения за неприятелями; поднявшись на какую-нибудь возвышенность, они должны постараться хорошо их рассмотреть. Когда настанет день, стратиг должен отвести свое войско в укрытие, чтобы враги не увидели поднятую им пыль и чтобы оно из-за этого не попало в засаду.

Получив известие от солдат, преследующих рейдовый отряд, или от тех, которые были отправлены для наблюдения в виглы, о том, где находится паратаксия врагов, включая их командира, пусть стратиг, взяв с собой немногих людей и поднявшись на возвышенный наблюдательный пункт, постарается собственными глазами рассмотреть неприятельскую паратаксию. Убедившись, что большинство вражеского войска рассеяно в поисках добычи, он должен с помощью тех, кто находится вместе с ним, подсчи-

тать численность паратаксии врагов, сопоставив ее с собственными силами. Если его войско будет превосходить войско врагов, ему следует напасть на них, как это уже было предписано нами ранее. И если Бог окажет ему помощь, благодаря чему он сможет нанести поражение паратаксии врагов и обратить их в бегство, он совершит великое и достопамятное деяние.

Если же войско врагов во вражеской паратаксии окажется более многочисленным, то тогда стратигу следует продвинуться вперед к тем селениям, на которые враги совершают набег, и оказаться в их тылу. Когда он обнаружит, что враги рассеяны в поисках добычи, что и они сами, и их лошади утомлены ездой, ему не составит труда в течение всего дня наносить им поражение, охотясь за ними в селениях. Он сможет обратить их в рабов и поступить с ними так, как сочтет нужным, а местных поселян освободить из плена вместе с имуществом, которое у них было захвачено. Встретившись с вражеской фулкой, обеспечивающей защиту рейдового отряда с тыла, он должен вступить с ней в сражение, как об этом изложено нами ранее, и с Божьей помощью одержать над ней победу.

Может случиться, что солдаты, посланные в эту ночь для контактного наблюдения за врагами, встретятся с некоторыми трудностями, вследствие чего они уже не смогут застать их на месте и занять позиции, с которых было бы удобно рассмотреть лагерь врагов и расслышать их голоса. Если их рейдовый отряд уже отправился, то о нем, как мы сказали, долж-

ны быть получены точные и достоверные свидетельства. Вследствие указанных осложнений затруднится и замедлится сбор достоверных сведений для стратига о положении дел и передача стратигу соответствующего донесения. И если обо всем этом стратигу будет доложено только к девяти часам ночи или еще позднее[299], то видя, насколько он стеснен временем, поскольку рейдовый отряд уже совершает свое движение, выигрывая целый день, так что в течение ночи враги смогут оказаться так далеко, что не будет возможности застигнуть их в рассеянном состоянии, он должен в этих условиях изготовиться к бою с врагами, оставшимися в лагере. Если враги намереваются провести еще и второй день на том месте, где они оборудовали стоянку, стратигу следует изготовиться к сражению с ними по тому способу нападения на лагерь, который изложен нами выше. Однако, скорее всего, они не задержатся еще на второй день на этом же месте, стремясь быстрее соединиться со своими конными силами, отправленными за добычей. Когда они будут совершать марш, стратиг, нагнав их, должен вступить с ними в решительное сражение, как об этом мы рассказали ранее относительно отделения рейдового отряда от армии на марше. И если стратиг со всей тщательностью исполнит предыдущее предписание, то с помощью Бога и Святой и пречистой Матери Его Богородицы он совершит великое и достопамятное деяние.

[299] Т. е. за два-три часа до рассвета (см. примечание № 268).

XV. О безопасности

Тебе следует, стратиг, предпринять все меры безопасности и защиты, чтобы не оказаться жертвой внезапности, и не допустить, чтобы враги смогли совершить на тебя неожиданное нападение. Ты обеспечишь себе защиту и безопасность, если будешь каждый день отправлять своих людей с обязанностью осуществлять контактное наблюдение за неприятельской армией в том месте, где она располагается. Ведь враги прилагают все усилия и используют все средства, чтобы, напав внезапно, одолеть тебя, принеся разорение и погибель христианскому народу и унижение могущественнейшим ромеям ради высокомерия и заносчивости надменных сынов Агари[300], отвергающих Христа Господа нашего.

Ведь случается, что врагам удается захватить наших пленных или заполучить перебежчиков и узнать от них, в каком месте ты остановился. Поэтому с целью не допустить, чтобы враги собрали свои конные подразделения, приблизились к тебе ночью и неожиданно напали на тебя, необходимо обеспечить, чтобы наши солдаты, осуществляющие контактное наблюдение, сумели, когда они заметят суматоху среди вражеского войска перед началом движения, как можно быстрее сообщить, что войско врагов пришло в движение, обычно предшествующее выступлению. И еще раз, когда враги уже выступят и нач-

[300] *Сыны Агари* (*«агаряне»*) — один из вариантов обозначения арабов (см. примечание № 219).

нут марш по одной из дорог, наблюдатели должны снова доложить, какова численность движущихся боевых сил, по какой дороге они следуют и идет ли смешанное войско, вместе с пехотой, или одна лишь конница.

Впрочем, стратиг не должен полагаться только на сообщения, поступающие ему от солдат, ведущих контактное наблюдение над врагами, но он должен также иметь двойную систему вигл — внешнюю и внутреннюю, а иногда даже и тройную. Ночью эти виглы должны охранять дороги и опасные места, через которые возможен переход врагов. Днем виглаторы должны не только продолжать охрану дорог, но и подниматься на возвышенные позиции, чтобы иметь возможность отчетливо увидеть не только клубы дыма и пыли, но и само вражеское войско, если оно приближается. Мы советуем иметь несколько вигл, с тем расчетом, что если первая из них окажется захваченной в плен врагами, то следующая за ней, увидев врагов, смогла бы доложить стратигу о приближении противника.

Самому же стратигу необходимо дважды за ночь, равно как и дважды в течение дня, менять свое местонахождение. Меняя местонахождение, стратиг должен забирать с собой и виглаторов. Но он должен всегда оставлять на том месте, где он ранее располагался, шесть или восемь человек, которые называются встречающими[301], во главе с каким-нибудь опытным архонтом, чтобы когда сюда прибудут солдаты,

[301] См. о них выше, примечание № 274.

имеющие сообщения от тех, которые ведут контактное наблюдение за неприятелями, их можно было бы с помощью этих встречающих доставить к стратигу. Там, где стратиг будет иметь новое местонахождение, он должен разослать внешние виглы. В каждую из них должны быть назначены по четыре человека, чтобы ночью, когда двое из них будут спать, двое других должны бодрствовать.

XVI. Об отделении обоза

Тебе, стратиг, следует позаботиться и о безопасности обоза, и когда будет предстоять сближение с врагами, ты должен отделить от себя обоз и разместить его поодаль в укрепленном месте или кастроне, вверив его защиту какому-нибудь знающему и опытному человеку[302]. Архонту обоза следует придать некоторое небольшое количество боевых кавалеристов, силами которых будут укомплектованы виглы для охраны обоза. Когда тебе вновь потребуется обоз, ты уведомишь архонта, которому вверено попечение о нем, прибыть для соединения с тобой в

[302] Случаи отделения обоза от остального войска известны по нарративным источникам. Так, согласно свидетельству Льва Диакона (см.: *Лев Диакон.* История, VIII, 4), Иоанн Цимисхий во время похода на Преславу в 971 г. лично возглавил основную часть своей армии, включающую тагму *атанатов* («бессмертных» — см. о них в примечании № 525), 15 тысяч оплитов и 13 тысяч кавалеристов. Остальное войско было вверено проедру Василию: «оно медленно двигалось позади вместе с обозом, везя осадные и другие машины».

указанное место. Впрочем, отделяя от себя обоз, тебе нужно взять с собой запас продовольствия для войска и фуража для лошадей на два или три дня, погрузив его на проворных мулов или же в переметные сумы лошадей.

Если ты намереваешься преследовать вражеский рейдовый отряд ночью, то все боевые подразделения должны быть одеты в доспехи и каждый солдат должен иметь в руках оружие, полагающееся ему для сражения. Кроме того, позади тебя должен следовать арьергард, который называется сака. И если путь неприятеля лежит через места труднопроходимые, то каждой феме или каждой тагме, если таковые имеются, следует совершать марш по отдельности; первым, на значительном удалении от турмарха, сопровождающего неприятелей, должен следовать стратиг. Затем подобным же образом и остальные части, будут ли это фемы или тагмы, должны следовать одна за другой, передвигаясь ночью в полном порядке, без шума и суматохи. Следует приказать турмарху, преследующему вражеский рейдовый отряд, в целях обеспечения полной безопасности быть в высшей степени внимательным и бдительным и не допустить, чтобы враги, заметившие, что ты их преследуешь, отделили свои отборные части, превосходящие по численности твои силы, скрыли их в засадах и неожиданно напали на тебя, — ведь мы осведомлены о подобной засаде, устроенной в свое время тарситянами. В тот раз стратиг увидел пыль, поднятую врагами, отправившимися за добычей, и поспешил напасть на них. Но поскольку это оказался не настоящий рейд, а лишь его имитация, небольшая по чис-

ленности и весьма ослабленная, то по небрежности турмарха, сопровождавшего рейдовый отряд и не разведавшего со всей тщательностью возможные места засад, стратиг неожиданно оказался в западне.

Чтобы подобного не произошло, тебе необходимо, стратиг, в целях соблюдения полной предосторожности разведать низины и другие естественные укрытия с помощью кавалеристов, имеющих быстрых коней и в совершенстве знающих эти места. Перед рассветом необходимо разделить войско на две части, если оно достаточно многочисленно и достигает трех тысяч человек. Конскую прислугу и тех, которые перевозят корм для лошадей, нужно расположить поодаль в укрепленном месте. С целью недопущения неожиданных вражеских засад тебе следует организовать паратаксию[303] следующим образом. Авангардная часть, возглавляемая одним из наиболее выдающихся стратигов[304] и составляющая одну треть войска, находящегося под твоим командованием, должна следовать позади турмарха. Ты сам с основной частью паратаксии должен двигаться за авангардной частью, имея у себя в тылу саку с небольшим количеством кавалеристов. И если случится, что враги подготовили неожиданное нападение на

[303] См. примечание № 247. Анализируемая глава трактата может служить лучшей иллюстрацией многозначности данного термина, который к тому же может прилагаться и к византийским, и к неприятельским боевым контингентам. В данном случае и до конца абзаца термин *паратаксия* используется для обозначения строя маршевой колонны византийской армии.

[304] См. примечание № 298.

тебя и значительная часть их боевых сил, укрытая в засадах, атакует сопровождающего их турмарха, то ему должна оказать помощь авангардная часть паратаксии, идущая впереди тебя. Когда бой завяжется с авангардом, а враги в ходе битвы рассыплются и расстроят свой боевой порядок, тогда ты, используя их рассеяние, сможешь одолеть их.

Если же враги не подготовились к подобным засадам, а стремятся лишь к набегам и к ограблению наших владений, ты должен перед рассветом укрыть таксии[305] войска, находящегося под твоим командованием, в таких местах, из которых они были бы невидимы врагами, и выжидать в этих укрытиях до третьего или четвертого часа дня[306], пока враги не отправятся за добычей. Когда они значительно удалятся от паратаксии[307] эмира, оставив небольшое количество людей, а не большинство войска, ты должен напасть на этих оставшихся. Необходимо выслать вперед три паратаксии[308], выровненные по фронту в

[305] См. примечание № 285. В данном случае термин *таксия* не имеет никакого военно-технического содержания и равнозначен общему понятию «боевые части», «подразделения» и т. п.

[306] Т. е. до конца утра (см. примечание № 268).

[307] В данном случае термин *паратаксия* обозначает боевое расположение арабских войск, численность которых значительно уменьшена за счет выделения из их состава отрядов, посланных для захвата военной добычи.

[308] Здесь и в трех следующих фразах текста термин *паратаксия* употреблен еще в одном возможном значении — как составной элемент боевого строя византийской армии, рассчитанного на наступательный способ ведения боевых действий.

одну линию, с целью начать сражение. Сам же ты с тремя или четырьмя другими паратаксиями должен следовать за первыми на небольшом расстоянии. И когда первые паратаксии вступят в рукопашную схватку, то смотря по тому, как твои люди сражаются, ты сможешь оказать им соответствующую помощь. Прежде всего необходимо двинуть вперед для сражения с неприятелями те паратаксии, которые следуют по одну и по другую сторону от тебя, чтобы, ударив с возвышенных мест, если возможно, и с флангов, они вступили бы с противником в рукопашную схватку. А затем, если потребуется, ты и сам вступишь в бой, если твое войско до этого не докажет свое превосходство. Но поскольку, как мы сказали, паратаксия[309] эмира осталась с небольшими силами, она не сможет противостоять твоему войску, насчитывающему три тысячи человек. Все это мы изложили так, как этому учит опыт; тебе же необходимо приспосабливаться к необходимым требованиям времени и обстоятельств. Ибо не передача опыта предопределяет исход сражения — этот исход зависит от того, насколько тебя укрепит помощь Бога.

И если даже ты, стратиг, располагаешь силами только одной собственной фемы и войско, находящееся под твоим командованием, невелико, то и в этом случае тебе следует сопровождать рейдовый отряд врагов, соблюдая меры предосторожности и находясь на удалении, чтобы не быть ими видимым, и на-

[309] Смысл термина тот же самый, что и в примечании № 307.

падать только на тех, которые устремились на ограбление селений и рассредоточились, как об этом было разъяснено ранее.

XVII. О вторжении в наши земли больших сил врагов и о подготовке засад

Если все боевые силы врагов, как конные, так и пехотные, вступив большим и тяжеловооруженным войском[310] в наши земли, совершают набеги и захваты и стремятся проникнуть в глубь страны, чтобы ограбить ее более основательно, и если окажется, что к этому времени войско ромеев[311] уже мобилизовано, то враги, зная о его готовности, увеличат меры безопасности собственного войска и не оставят без защиты своих солдат, которые рассредоточились в селениях, подвергаемых грабежу. Они также постараются создавать больше засад против твоего войска, будут стремиться нападать на него неожиданно, преследовать и наносить поражение. В этих услови-

[310] Так переводим выражение *μεγάλης καὶ βαρείας δυνάμεως*, понимая под ним не только величину экспедиционного арабского войска, но и его качественный состав, т. е. присутствие в нем различных по специализации и качеству вооружения родов войск. Некоторые из них (пехота и кавалерия) уже названы сразу, а другие (например, инженерные и саперные части для осуществления осады городов) будут упомянуты в дальнейшем. Тяжеловооруженное войско врагов упоминается автором трактата еще трижды — несколько ниже в этой же главе и дважды в гл. XX.

[311] См. примечание № 289.

ях тебе необходимо соблюдать всяческую предосторожность, чтобы не быть захваченным ими врасплох, и предпринять все меры противодействия, чтобы повернуть их вспять и тем самым совершить славное и достопамятное деяние. Потерпев однажды от тебя поражение, они уже никогда не смогут продолжать опустошение наших земель.

Итак, тебе необходимо тщательно разведать селения, на которые враги намереваются совершить набег в поисках съестных припасов и другой добычи, и разместить там кавалерийскую засаду, которой предстоит напасть на врагов. Пусть число всадников в этой засаде будет свыше двухсот и пусть возглавляет ее мужественный командир, имеющий большой опыт в подобных засадных операциях.

Предводитель всей армии, насчитывающей шесть или пять тысяч конных бойцов и обеспеченной помощью Бога, уже ни в чем большем не будет испытывать нужды.

Разделив эту армию на две части, следует разместить две тысячи человек впереди, в подходящем укрытом месте, в котором имеется также возвышенный наблюдательный пункт с хорошим обзором, позволяющим издали видеть твоих людей и преследующими, и преследуемыми. Позади этих двух тысяч следует разместить остальные три тысячи кавалеристов вместе с пехотой, поставив их в засаду в скрытом месте, имеющем естественные укрепления. Если вблизи окажется кастрон, то пусть и он послужит им защитой. Но даже если стратига атакуют большие силы врагов и сражение обещает быть жестоким, он

не должен и думать о том, что в целях спасения собственного войска ему следует запереться в кастроне. Ибо это повлечет за собой не только бесславие и позор, но и принесет вред, опустошение и всеобщее разорение стране. Поэтому, когда возникнет необходимость, следует упорно сражаться вместе с пехотным войском на укрепленных позициях снаружи кастрона, недалеко от него, опираясь на большую помощь выгодной местности и имея боевую поддержку пехотных сил кастрона[312].

Командир трех сотен солдат, направленных для защиты селений, должен находиться на наблюдательном пункте и следить за вступлением врагов в эти селения, и когда они, сойдя с лошадей, начнут обшаривать дома местных жителей, он должен выделить из своих трехсот людей отряд в сто человек или несколько больше, приказав им стремительно напасть на врагов. Численность этих выделенных солдат должна превышать количество врагов, вошедших в селения. В этих условиях они, напав на неприятелей, по благости Христа смогут многих из них и уничтожить, и захватить в плен. Остальные наши солдаты должны решительно преследовать врагов, которые смогут вскочить на коней и обратиться в

[312] Созвучная идея высказывалась и автором «Тактики Льва» (TL, XV, 46): если враги угрожают осадой крепости, в качестве первоочередной меры рекомендуется дать бой на подступах к этой крепости, взяв на себя инициативу первого удара. И только если это оказывается невозможным, следует отступить в крепость и организовать ее оборону самым тщательным образом.

бегство, до тех пор пока наших солдат, в свою очередь, не повернут вспять неприятельские фулки, выставленные для защиты своих товарищей. Если командир трехсот солдат будет видеть, что численность преследующих врагов невелика и что они преследуют беспорядочно и неорганизованно, он должен оставаться в укрытии, пока его отступающие солдаты не достигнут этого места и не пройдут мимо. Тогда, выступив из укрытия вместе с подчиненным ему отрядом, он должен решительно напасть на врагов и по силе и благости Христа достичь успеха: и захватить пленных, и многих других перебить и изранить.

Если же к врагам подошло подкрепление, их численность возросла и они устремились в энергичное преследование, командиру отряда следует, отправив вперед захваченных им пленных, их коней и их оружие, начать отход к тому месту, где находится стратиг. Он должен со своими людьми отступать в полном порядке, искусно завлекая и заманивая врагов в преследование. Кроме самого этого архонта, никто из его солдат не должен знать, в каких местах расставлены засады стратига. Когда неприятели всей массой своего войска устремятся в беспорядочное преследование, то пусть некоторые из наших солдат, наиболее мужественные и храбрые, имеющие выносливых лошадей, время от времени обращаются против своих преследователей и наносят по ним удары, чтобы спасать своих раненых и обеспечивать возможность тем, у кого утомились или пали кони, пересесть на других лошадей. После этого, бросив по-

водья, пусть эти солдаты на всем скаку удаляются на небольшое расстояние от преследователей, чтобы немного уменьшать направленное на них давление неприятелей, а тех, наоборот, вынуждать сильнее утомлять и изнурять своих лошадей в преследовании. Когда наши преследуемые кавалеристы приблизятся к укрытию, они должны обойти его справа или слева, чтобы выступившие навстречу противнику засадные части не столкнулись с ними и чтобы они не причинили вреда друг другу. После этого преследуемые, совершив поворот, должны присоединиться к засадным частям. И если нападение на врагов будет осуществлено с двух сторон, это принесет успех нашему войску.

Место засады должно быть пригодным для хорошего укрытия солдат. Выход из него ни в коем случае не должен быть тесным или труднопроходимым, но ровным и широким, чтобы он отнюдь не препятствовал нападению и стремительной атаке на врагов, тем более если речь идет о двухтысячном войске — для такого количества людей выход из данного места должен быть широким и прямым. Наблюдательный пункт, с которого ведет обзор командир войска, находящегося в засаде, должен быть пригодным для того, чтобы на большом расстоянии видеть преследующих врагов, подсчитать численность их сил и уяснить, каким именно способом они осуществляют преследование. И когда преследователи вплотную приблизятся к засаде, укрытые в ней солдаты, призвав на помощь Бога, ударят по ним со всей быстротой, силой и мужеством, с шумом и боевым кличем.

В это время пусть повернут фронт и наши преследуемые солдаты, и поскольку нападение на врагов произойдет с двух сторон, это принесет успех нашему войску. И если все будет сделано в точном соответствии с настоящим предписанием и если, прежде всего, нам будет содействовать помощь Бога, то те, кто имеет опыт в подобных делах, знают, какая катастрофа и гибель ожидает неприятелей. И в самом деле, как же не случиться худшему для них исходу, если их лошади изнурены длительным и напряженным преследованием, а люди сильно утомлены тяжелым сражением?

Если же, что представляется совершенно невероятным, враги будут способны сопротивляться, бросив все свои силы в это сражение, и если разгорится жестокий бой, который они будут вести армией в полном составе с целью загладить поражение, — если, сверх ожидания, это случится, то командующий нашего войска должен посредством какого-то условного знака — словесной команды или сигнала трубы — приказать своим частям выйти из рукопашной схватки и отступить, но не в спешном и беспорядочном бегстве, а в полном порядке, увлекая неприятелей в погоню. Неприятельские паратаксии, тесня и преследуя отходящих, натолкнутся на более крупную засаду. Преследуемые должны, как мы сказали, обойти засаду стороной, и когда наши солдаты, находящиеся в большой засаде, устремятся на врагов, то в это же время должны повернуться и преследуемые, так что враги будут атакованы с двух сторон, и это принесет нашему войску большую выго-

ду. Таким образом, если преследователи достигнут засады и внезапно столкнутся с ней и если находящиеся в укрытии в дерзком и отважном порыве устремятся на врагов, то они, благодаря Христу, разгромят врагов наголову, а сами себя покроют великой славой.

Если же вследствие каких-либо просчетов они окажутся не в состоянии полностью разгромить паратаксии врагов, поскольку враги могут располагать тяжеловооруженным войском[313] и ожесточенно сражаться всеми силами, то ты сможешь легче одолеть их, если будешь опираться на боевую поддержку пехотного войска. И даже если враги не будут разбиты наголову, то по крайней мере ты сможешь многих из них сделать жертвой меча, а еще больше захватить в плен в качестве рабов, вследствие чего они будут охвачены страхом и смятением, так что больше уже не отважатся безбоязненно разорять и опустошать наши земли, а вместо этого поспешат возвратиться домой.

Мы написали обо всем этом в соответствии с наставлениями наших предшественников и собственным многолетним опытом. Тебе же каждый раз следует приспосабливаться к складывающейся обстановке. Ибо не желание людей, но высшее Божественное провидение в каждом отдельном случае будет определять, каким окажется исход сражения.

---

[313] См. примечание № 310.

XVIII. О том, когда стратигу следует осуществлять боевое сопровождение врагов с двух сторон

Если враги все еще остаются на нашей земле, что совершенно невероятно после такого их поражения, и если они, используя сменные лагеря[314], действуют на нашей территории, предавая ее огню и разорению, но не осмеливаются, однако, посылать своих солдат в дальний рейд, стратигу необходимо выделить значительные силы и отправить их по другую сторону от расположения неприятелей, противоположную той, где он сам находится, чтобы с двух сторон нападать на отряды врагов, которые будут удаляться на три или четыре мили[315] от лагеря, и наносить им поражение, препятствуя сбору съестных припасов, так чтобы враги, испытывая нехватку продовольствия, были вынуждены возвратиться домой.

Если же ты видишь, стратиг, что враги остерегаются и не позволяют тем, которые выделяются для сбора съестных припасов, отходить далеко, ты должен предусмотреть им во вред следующую ловушку. Тебе необходимо обнаружить неприятельские фулки, которые предназначены для охраны врагов и расставлены вдали от лагеря. Далее следует выбрать те из фулок, которые возвращаются в свои палатки позднее остальных, поскольку они поджидают своих товарищей, собирающих добычу в ближайших селе-

[314] См. примечание № 292.

[315] Т. е. на расстояние 5–6 км. (см. примечание № 239).

ниях, чтобы вернуться в свои палатки вместе с ними, и именно против них ты должен без промедления выставить засаду. Если возможно, тебе следует с помощью опытных виглаторов подсчитать численность врагов, размещенных в фулке, а затем подготовить против неприятелей засаду, отобрав среди своих кавалеристов наиболее боеспособных солдат, численно превосходящих врагов и имеющих лучших коней, и поставив во главе их мужественного и опытного командира. Этот командир должен приказать некоторым солдатам из своего отряда облачиться в крестьянские одежды, а затем присоединить к ним и некоторых настоящих поселян и крестьян. Полностью безоружные, с непокрытыми головами, некоторые даже босые, но все на конях, с короткими деревянными кольями в руках, они должны обмануть неприятелей и заставить думать, что они не принадлежат к войску, а являются теми крестьянами, которые называются сельскими стражами[316]. Их не должно быть более двадцати. Они должны будут входить в селения по шесть или более человек, держась близко друг к другу, и приводить с собой в эти селения некоторое количество домашнего скота — либо быков и волов, либо лошадей и мулов. Следует приказать, чтобы около одиннадцатого часа дня[317] они показа-

[316] По мнению Ж. Дагрона (см.: *Dagron*, Traité. P. 105, n. 4; 230–231), речь идет об отрядах местных сельских жителей, выполнявших скорее наблюдательные, чем защитные функции.

[317] Т. е. незадолго до заката солнца (см. примечание № 268).

лись неприятелям, когда они должны будут быстро перемещаться из одного селения в другое, как бы желая собрать свой домашний скот и перевести его под охраной в защищенные места. Когда враги, стоящие в фулке, увидят, как некоторые из этих людей выгоняют свой скот из селений, а другие гонят его дальше, то они примут их за поселян и крестьян и начнут их необдуманно и неосмотрительно преследовать. Преследуемые солдаты, переодетые под видом сельских стражей и крестьян, постараются добраться до того места, в котором укрыта засада. В этом случае преследующие их враги неосмотрительно попадут в западню. Когда они окажутся близко к солдатам, скрытым в засаде, те должны, устремившись на врагов со всей решительностью и в полном порядке, вступить с ними в сражение. Очевидно, что враги не смогут оказать ни малейшего сопротивления, но обратятся в бегство, и многие из них будут уничтожены или захвачены в плен.

Если же вблизи того места, где все это происходит, окажется неприятельское войско, и численность его боевых сил окажется достаточной для защиты своих солдат, преследуемых нами, то стратигу необходимо укрыть позади упомянутой засады и вторую боевую группу, разместив ее в подходящем месте на расстоянии двух миль от первой засады. И если, как мы сказали, враги станут преследовать наших солдат первой засады, тогда солдаты второй засады, выступив против врагов, спасут своих, а неприятелей поранят или уничтожат. Однако подобную уловку, стратиг, следует предпринимать только перед за-

ходом солнца, так как если большая масса врагов обрушится на твоих солдат, стоявших в засаде, наступление ночи прервет сражение, и ты сможешь сохранить в безопасности вверенное тебе войско.

XIX. Об организации, вооружении и тренировке армии[318]

Если враги все же осмелятся отделить рейдовый отряд, тебе следует действовать соответствующим образом: отправить одного из своих подчиненных, отличающегося мужественностью и опытностью, с достаточным числом хорошо вооруженных солдат, чтобы они нападали на рассеявшихся врагов, уничтожали их или захватывали в плен. Тебе же самому ни в коем случае не следует разрушать боевой строй, так как если произойдет неожиданное столкновение с большими по численности вражескими фулками, которые по обыкновению сопровождают вражеский рейд с целью его защиты, твое войско, сохраняющее боевой порядок, завяжет сражение с фулкой в соответствии с той стратегией и тем боевым опытом, которые были нами изложены ранее, и тогда ты одержишь верх над врагами и добьешься их полного истребления.

Мы напомнили обо всем этом, стратиг, заботясь о безопасности и твоей собственной, и твоих людей,

[318] Характеристика общего содержания этой главы, являющейся одной из самых оригинальных в трактате, дана нами во вводной статье к настоящему изданию.

если войско, состоящее под твоим командованием, невелико и немногочисленно и значительно уступает вражескому. Если же под твоим командованием будут состоять шесть или пять тысяч бойцов, тебе следует поспешить сразиться с неприятелями в открытом бою. Если ты будешь действовать рекомендованным способом с использованием военных хитростей и приемов, а в случае необходимости — с применением неожиданных нападений на врагов, если ты в полной мере воспользуешься опытом борьбы с ними и если тебе будет сопутствовать помощь Христа, непобедимого Господа нашего, то ты воздвигнешь великие трофеи победы над врагами[319].

Однако тебе будет невозможно подготовиться к сражению с учетом требований стратегии и боевого опыта, если ты в первую очередь не приведешь в порядок и не обучишь вверенное тебе войско, выработав у него навык и привычку владеть оружием, стойко переносить превратности и тяготы воинских трудов и лишений, вместо того чтобы целиком предаваться расслабленности и лени, пьянству, распущенности и другим порокам[320]. Воины должны непременно по-

[319] См. примечание № 231.

[320] Любопытную иллюстрацию к этой сентенции можно обнаружить у Льва Диакона (см.: *Лев Диакон.* История, I, 3–4). Во время критского похода Никифора Фоки 960 г. отряду отборных воинов во главе с опытным стратигом Никифором Пастилой было поручено ответственное боевое задание разведывательного характера. Инструктируя Пастилу, Никифор Фока наставлял его строго соблюдать дисциплину, «не предаваться бездействию и праздности». Однако Пастиле не удалось удержать своих подчиненных в рамках дан-

лучать полностью свои денежные выплаты[321] и нату-

ных распоряжений: солдаты проявили беспечность, предались лености и пьянству. Когда арабы внезапно напали на них, они «были совершенно пьяны и нетвердо держались на ногах». Это и явилось причиной гибели и самого стратига, и большинства его отряда.

[321] Денежные выплаты, предназначенные стратиотам, обозначаются в трактате традиционным термином *ῥόγα* (см. об этом: *Lemerle P.* «Roga» et rente d'état aux X–XIe siècles // REB. 1967. 25). Эти выплаты, производимые из средств казны, осуществлялись в установленном размере и с определенной регулярностью: впрочем, достоверно судить как о размере, так и о периодичности выплат не представляется возможным. О выплате солдатам роги сказано в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, I, 2); при этом уточнено, что эти средства должны быть потрачены на содержание слуг из числа рабов или свободных. Денежные выплаты фемным стратиотам упоминаются и другими авторами (Феофан, Константин Багрянородный, Иоанн Скилица). Н. Скабаланович (см.: *Скабалановић Н.* Византийское государство и Церковь в XI в. СПб, 1884. С. 312) считал, что размер жалования зависел от рода службы, способа вооружения и опытности стратиота. Э. Арвейлер полагала, что выплата роги производилась один раз в четыре года (*Ahrweiler*, Recherches. P. 7–8); Л. Брейэ определял размер роги для рядового стратиота от 8 до 12 номисм в год и считал, что оплата производилась с интервалом в три года и даже больше (см.: *Bréhier*, Institutions. P. 381); Г. Г. Литаврин указывал, что рога воинам фем выдавалась с конца X века ежегодно (обычно на Пасху), а воинам тагм, не имевшим собственного имущества, — ежемесячно (см.: *Литаврин*, Общество. С. 240). По подсчетам Г. Острогорского (см.: *Острогорский Г.* Византийский податной устав // Recueil d'études dédidées à la mémoire de N. P. Kondakov. «Seminarium Kondakovianum». Prague, 1926. С. 113, примечание 1), золотой эквивалент одной номисмы составлял 4,4–4,5 г. этого драгоценного метал-

ральные довольствия[322], а также другие дары и пожалования сверх обычных и обусловленных, чтобы, не испытывая ни в чем недостатка, они могли на эти средства приобрести лучших лошадей и все остальное боевое снаряжение, чтобы они с воодушевлением, рвением и ликующим сердцем стремились пожертвовать свои жизни ради наших священных императоров[323] и всего христианского сообщества. Но что более всего остального важно и необходимо сделать, чтобы увеличить их усердие, приумножить му-

---

ла. Для сравнения укажем, что, согласно расчетам А. П. Каждана (см.: *Каждан А. П.* Византийская культура X–XII вв. М., 1968. С. 22), ежегодный рацион питания монаха составлял 6 номисм, бедняка — 2 номисмы (расчеты относятся к периоду X века). См. также: *Литаврин*, Кекавмен; *Dagron*, Traité; *Haldon*, Expeditions.

[322] Для обозначения различных видов натурального довольствия употреблен термин *σιτηρέσια* (мн. чис.); эквивалентом термину *ситиресий* был термин *опсоний*, предполагавший выдачи продовольствием, фуражом, военным обмундированием и снаряжением. В IX–X вв. *ситиресий* могли получать солдаты как столичного войска, так и фемных формирований. В дальнейшем *ситиресий* стал выдаваться преимущественно солдатам императорского войска, в составе которого стал увеличиваться контингент наемников. Кроме того, в XI в. стала постепенно исчезать разница между *рогой* и *ситиресием*, поскольку натуральное снабжение солдат стало все больше заменяться денежными выплатами. Литературу см. в предыдущем примечании.

[323] Здесь и неоднократно встречающееся далее обозначение императоров во множественном числе весьма характерно для писательской манеры автора «De velitatione bellica». О возможных причинах такого словоупотребления см. во вводной статье к настоящему изданию.

жество и побудить их отважиться на то, на что не отваживаются другие, — это обеспечить в полной мере фискальные изъятия и для их собственных хозяйств, и для хозяйств обслуживающих их солдат, и для хозяйств всех тех, которые имеют к ним отношение[324]. Такие привилегии для них были установлены с самого начала и соблюдались с древних времен. Ты можешь убедиться, что все это было узаконено прежними нашими святыми и благочестивыми императорами, а также записано в их тактических сочинениях[325]. Однако кроме финансовых изъятий стратиоты также должны пользоваться должным уважением и не испытывать презрения и унижения. Мне стыдно говорить, что эти люди, которые ставят служение святым императорам, свободе и защите христиан превыше собственной жизни, подвергаются побоям;

[324] Подробная характеристика юридического статуса и материального положения различных категорий населения, имеющих отношение к военной службе, дана Ж. Дагроном (см.: *Dagron*, Traité. P. 264–269).

[325] Как и в ряде других аналогичных высказываний, автор «De velitatione bellica» в первую очередь имеет здесь в виду «Тактику Льва». По одному из свидетельств «Тактики» (TL, IV, 1), стратиоты были обязаны выплачивать лишь поземельный налог, а от всех других повинностей были полностью освобождены. Однако в конце своего сочинения (TL, XX, 71) Лев уточняет, что кроме указанного ранее поземельного налога стратиоты выплачивали и *аэрикон*. См.: *Ostrogorsky G.* Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1927. 20; *Dölger F.* Das ἀερικόν // BZ. 1929–1930. 30; *Karayannopulos*, Finanzwesen; *Hendy*, Studies.

а занимаются этим сборщики податей — ничтожества, не приносящие никакой пользы обществу, а только лишь притесняющие и подавляющие бедных людей и присваивающие себе многие таланты золота, чиня несправедливости и проливая кровь множества бедняков.

Воины, которые являются защитниками и первыми вслед за Богом спасителями христиан, которые, если можно так выразиться, каждый день своей жизни отдают за священных императоров, не должны подвергаться унижениям со стороны фемных судей[326], лишаться имущества, наказываться плетью, а тем более — о, ужас! — заключаться в оковы и колодки, подобно рабам. Ведь закон предписывает каждому из архонтов обладать властью над своими подчиненными и судить их. И разве кто-то другой может распоряжаться фемным войском, кроме одного лишь стратига, которого назначил на должность священ-

[326] Перечень наиболее ответственных должностных лиц, выполнявших отдельные функции гражданского управления в фемах (*протонотарий*, *хартуларий* и *претор* или *фемный судья*), содержится в «Тактике Льва» (TL, IV, 31). При этом подчеркнуто, что хотя власть этих должностных лиц соотнесена с властью фемного стратига, они должны отчитываться за свою деятельность непосредственно перед императором, чтобы последний был постоянно осведомлен о состоянии всех дел в данном административно-территориальном округе, как общегражданских, так и собственно стратиотских. О гражданских управленческих структурах в фемах см.: *Bury*, System; *Ahrweiler*, Recherches; *Oikonomidès*, Listes; *Литаврин*, Кекавмен; *Dagron*, Traité; *Winkelmann*, Rang- und Ämterstruktur; *Haldon*, Expeditions.

ный император? Поэтому в соответствии с обычаями и узаконениями древних ромеев стратиг в своей феме наделен высшей властью осуществлять правосудие в отношении обвиняемых по стратиотским делам, а также правом рассматривать другие тяжбы, возникающие в феме, с помощью фемного судьи и его ведомства; стратиг должен также сотрудничать с протонотарием[327] и остальными должностными лицами, которым вверены общественные службы. В соответствии с законом и императорскими предписаниями может осуществлять правосудие и турмарх в своей турме, руководствуясь при этом установленными нормами и прерогативами.

Итак, если войско священных императоров будет возвращено к древним установлениям и если будут полностью устранены все тяготы, приводящие воинов к бедности, то они, охваченные рвением, ликованием и восторгом, станут более мужественными и отважными, а в глазах врагов — непобедимыми и непреодолимыми. И если это произойдет, то наши священные императоры не только защитят наши собственные владения, но и покорят много других вражеских земель.

---

[327] *Протонотарий* — глава фискальной администрации фемы, находившийся под контролем дворцового ведомства сакеллы (см. об этом: *Dölger,* Finanzverwaltung). Общая тенденция развития этой должности состояла в том, что *протонотарий*, первоначально подчиненный стратигу, с течением времени перешел под власть фемного судьи, который, в свою очередь, стал полностью независимым от стратига и превратился в высшее должностное лицо фемного управления. Литературу см. в предыдущем примечании.

XX. О том, как в условиях пребывания врагов в наших землях нашему собственному войску следует вступить в их владения

Если враги с большим и тяжеловооруженным войском действуют в наших землях, разоряя и опустошая их, предпринимая осады кастронов и не столько защищаясь от засад ромейских войск, сколько стремясь устроить им засады, и если силы ромеев еще не столь значительны, чтобы сражаться с армией врагов с уверенностью в победе, — в этих условиях, стратиг, тебе следует осуществить то же самое, что в подобных случаях делалось в прежние времена, как это изложено в стратегическом сочинении, написанном прославленным и мудрейшим императором Львом[328]. Читавшие его прекрасно знают, о чем нами будет рассказано.

[328] Информация, изложенная далее автором «De velitatione bellica», основана на двух сообщениях «Тактики Льва» — XI, 25 и XVII, 83. В литературе высказывалось предположение (см.: *Honigmann*, Ostgrenze. S. 83–84) о том, что Лев имел при этом в виду два различных военных эпизода, хронологически не совпадающих между собой, хотя в обоих случаях здесь фигурируют одни и те же имена главных участников событий — Никифора Фоки Старшего (см. о нем следующее примечание) и арабского евнуха Абульфера. Представляется, однако, более вероятной та точка зрения, согласно которой в обоих сообщениях Лев свидетельствует об одном и том же событии. По крайней мере, автор «De velitatione bellica», опирающийся на указанные отрывки из «Тактики Льва», вполне определенно сводит всю эту информацию в рамки одной военной кампании (см. об этом подробно: *Dagron*, Traité. P. 166–168).

В то время, когда киликийцы со всем своим тяжеловооруженным войском вторглись в фему Анатолик и начали решительную осаду кастрона Мисфея, император приказал тогдашнему командующему армией вступить в киликийские области с войсками фем и тагм, оставив стратигов двух фем — Анатолика и Опсикия — для противодействия неприятелям с целью защиты, насколько это возможно, кастрона и остальных территорий. Главнокомандующий войсками — им был тогда Никифор Фока[329] — осуществил вторжение по дороге, называемой

[329] *Никифор Фока (Старший)* — знаменитый военачальник эпохи Льва VI (в «Тактике Льва» это имя упомянуто трижды, каждый раз с определением «наш стратиг» — XI, 25; XV, 38; XVII, 83), основатель полководческой династии Фок. Подробное изложение этапов его военной карьеры см. в указанном выше очерке Ж.-К. Шене (*Dagron*, Traité. P. 291–296), опирающемся на предыдущие общие и специальные исследования. Поскольку в анализируемом сообщении автор «De velitatione bellica» именует Никифора Фоку «командующим войсками», а несколько раньше указывает, что он возглавлял в данной военной кампании «войска фем и тагм», можно предполагать, что к этому моменту Никифор уже состоял в должности доместика схол. Данное обстоятельство важно для решения весьма спорного вопроса о датировке рассматриваемого события, самая ранняя из которых (877/878 г.) предложена А. Грегуаром, а самая поздняя (900/901 г.) А. Васильевым. Принять датировку А. Грегуара мешает то соображение, что в указанное им время Никифор занимал весьма скромную должность стратига фемы Харсиан и потому вряд ли смог быть облечен столь высоким императорским доверием. Аргументом против датировки А. Васильева служат сообщения ряда источников о том, что концом военной карьеры (или даже жизни) Никифора

Маврианновой, вплоть до окрестностей Аданы[330], подвергнув эту область сильному разграблению. Навстречу ему выступило войско Аданы и на расстоянии около двух миль[331] от города выстроилось в боевой порядок, но едва противники столкнулись друг с другом, сыны Исмаила обратили тыл и, потеряв строй, в беспорядочном бегстве устремились прямо к городу. И когда командующий армией ромеев убедился, что очень многие из исмаилитов не в состоянии протиснуться сквозь ворота, он некоторых из них предал мечу, а других обратил в рабство. Расположившись лагерем вблизи города и вырубив виноградники и все плодоносящие деревья, он разорил великолепные и благоустроенные городские пригороды. На следующий день его армия, продвигаясь к морю, захватила большое количество пленных и множество скота и после целого дня пути стала лагерем на берегу реки Кидн, называемой по-туземному Иераксом, по ту сторону моста, через который дорога ведет к Адане. На следующий день армия снялась с этого места, начав обратный марш домой. Что касается неприятелей, осаждавших Мисфею, то как

был 896 г. Поэтому представляется обоснованной позиция Ж.-К. Шене, поместившего экспедицию Никифора в промежуток времени между 886 и 895 г. (см.: *Dagron*, Traité. P. 295).

[330] Важный стратегический пункт в Киликии, узловой центр сухопутных дорог и порт на судоходной реке Сар, неоднократно упоминаемый в источниках (например, в сочинении Льва Диакона) как объект напряженного военного противоборства ромеев и арабов.

[331] Около 3 км. (см. примечание № 239).

только они услышали о нападении ромеев на их владения, они, свернув осаду, со всей поспешностью повернули назад для защиты своей собственной земли. Но они ничего не добились, жестоко обманувшись в обоих случаях[332], так как командующий ромейскими армиями, обремененный большими трофеями, добычей и невольниками, возвратился в ромейские владения, избрав так называемую Каридиеву дорогу[333].

Кроме того, в прежние времена, когда тарситяне совершали вторжение в ромейскую землю, войска стратигов Анатолики и Каппадокии[334] в это же самое время другой дорогой вступали в их владения, и

[332] Используя такое выражение, автор трактата имеет в виду, что арабы, во-первых, не достигли успеха при осаде Мисфеи, а во-вторых, не смогли воспрепятствовать благополучному возвращению из похода византийского экспедиционного войска.

[333] Локализация географических пунктов, упоминаемых в данной главе трактата, осуществлена Ж. Дагроном на основе более ранних специальных исследований и справочной литературы (см.: *Dagron*, Traité. P. 167–168). Им же предложена схема маршрута экспедиционной армии Никифора Фоки Старшего (Ibid. P. 210). См. также: *Dennis*, De vel. bell. P. 223.

[334] Как установлено Ж.-К. Шене (см.: *Dagron*, Traité. P. 312–314), должности стратигов этих фем на протяжении целого столетия (с конца IX до конца X вв.) фактически являлись фамильной принадлежностью семей Фок и Малеинов. Поэтому упоминание в преамбуле трактата «De velitatione bellica» представителей только этих двух фамилий в качестве разработчиков метода *παραδρομή* отнюдь не является случайным.

иногда сами эти стратиги непосредственно, а порой и выделенные ими некоторые боевые части наносили врагам столько вреда, насколько это оказывалось возможным.

Так же действовал и тот, кому было вверено командование Ликандом и пограничными фемами: всякий раз, когда Али, сын Хамбдана, совершал вторжение в Романию, этот командующий всегда, даже если он был стеснен крайней необходимостью в собственной земле, переходил границу, устремляясь в области вокруг Алеппо и Антиохии, и причинял им большой вред. Он брал в плен родственников Али, высших и знаменитых военачальников его армий, а также захватывал большое число солдат и множество крепостей[335]. То же самое осуществлялось и в земле киликийцев, которая граничит с Ликандом.

Итак, стратиг, пока ты будешь еще не в состоянии нанести поражение врагам с использованием военных хитростей и засад, поскольку они себя надежно защищают и охраняют, а ты, со своей стороны, еще не располагаешь достаточными силами для того, чтобы открыто им противостоять, ты должен делать следующее: либо сам отправиться в землю врагов, оставив на месте одного из других надежных

[335] Подробный разбор попыток идентификации упомянутого в данном отрывке стратига фемы Ликанд, предпринятых в литературе на основании имеющихся источников (в том числе арабских), представлен в очерке Ж.-К. Шене (см.: *Dagron*, Traité. P. 310–312). И хотя имя этого персонажа не может быть названо с полной определенностью, его принадлежность к клану Фок не вызывает сомнений.

стратигов с боевыми силами, достаточными для боевого сопровождения противника и защиты фем, либо, взяв на себя боевое сопровождение вторгнувшегося противника, отправить в землю врагов лучшего из стратигов, известного и прославленного своим мужеством и многоопытностью, со значительными силами кавалерии и пехоты, с приказом задержаться в этой земле, предавая ее огню и разрушению и осаждая крепости. И когда враги получат известие обо всем этом, они заставят своего предводителя, даже если он воспротивится этому, возвратиться назад для защиты собственной земли.

В том случае, когда ты заблаговременно распорядился об эвакуации из наших пограничных областей проживавшего там населения и перемещении его вместе с домашним скотом в возвышенные и малодоступные нагорья, а враги захотят тщательно разведать и обыскать эти горы, чтобы обратить наших людей в неволю, и если враги намерены со всем войском приблизиться к этим местам и разбить там свои палатки, то и тебе необходимо находиться поблизости от этих мест для защиты своих людей. И если ты обнаружишь, что в том месте, где враги расположились, имеется гора или возвышенность, удобная для ночного нападения на них, ты должен этим воспользоваться. Тщательно изучив характер местности и обратив его себе на пользу, ты должен подготовиться к ночному сражению с неприятелями с использованием боевых сил пехоты и кавалерии, как об этом будет рассказано ниже в главе о ночном сражении. Нанеся им крупное поражение, ты устрашишь их и

заставишь оттуда уйти. Но если они все-таки сумеют удержаться на этом месте, обеспечив себе надежную безопасность и защиту, и попытаются разведать нагорья, где нашли прибежище местные поселяне, тебе следует заранее захватить и охранять силами аконтистов и псилов все подступы. И поскольку эти места будут тщательно охраняться тобой, так как они стали убежищем для крестьян с их семьями и детьми, то если враги попытаются приблизиться тесными и труднопроходимыми путями, то они потерпят поражение, особенно если против них будут брошены пехотные подразделения. Если же они сами решатся использовать силы собственной пехоты и с ее помощью разведать нагорья, ты должен спешно перевести жителей селений в более отдаленные, но и более укрепленные и защищенные места; самому же тебе следует, собрав все свое войско, занять в обязательном порядке все дороги, ведущие к этим местам, и надежно их охранять.

XXI. Об осаде крепостей

Когда ты, стратиг, убедишься в том, что враги готовятся к осаде кастрона, то в тех из них, которые могут быть подвергнуты осаде, — ведь есть много и таких кастронов, которые осады не боятся, — тебе еще до подхода врагов следует приказать, чтобы каждый человек, который ищет в них убежище, принес с собой запас продовольствия на четыре месяца, а по возможности и на больший срок, смотря по тому, какую продолжительность осады ты предусматрива-

ешь. Тебе следует позаботиться и о цистернах воды и обо всем остальном, что может защитить осажденных и оказать им помощь. Поскольку об этом уже много сказано, мы не станем в данном сочинении излагать все это в деталях. Ведь эти и другие средства и приемы, используемые в полиоркетике[336], а также те способы, какими должны противостоять друг другу осаждающие и осажденные, были основательно и разумно изложены авторами тактических и стратегических сочинений, которые писали до нас[337]. Мы

[336] Термин *полиоркетика* употреблялся в военно-научной литературе греко-римского и византийского периодов в двух основных значениях. В широком смысле он обозначал ту отрасль военной науки, которая рассматривала всю совокупность принципов и приемов осады и обороны различных территориальных объектов, имеющих как естественные, так и искусственные укрепления. В более узком смысле он прилагался к той сфере военно-научных знаний, которая непосредственно касалась строительства осадных машин и механизмов.

[337] Развернутые главы об осаде и обороне городов содержатся практически во всех более ранних крупных военных руководствах, начиная с трактата Энея «О перенесении осады» (середина IV в. до н. э.). Непосредственным предшественником автора «De velitatione bellica» по анализируемым вопросам был автор «Тактики Льва». Полиоркетические свидетельства Льва универсальны: первая часть главы XV его трактата посвящена принципам и приемам осады крепостей, вторая (начиная с отрывка XV, 46) — проблемам обороны. Поскольку в трактате «De velitatione bellica» речь идет только об обороне, нашим автором используется материал лишь второй части главы XV «Тактики Льва». Как будет показано далее, информация первой части главы XV этого же руководства лежит в основе рекомендаций автора «De castrametatione» (см. второй раздел нашего издания).

же, кому поручено изложить метод боевого сопровождения и способы удержания клисур, ограничимся изложением только того материала, который находится в связи и в соответствии с нашей темой.

Итак, когда враги обступают кастрон и изготовляются к осаде, то они, как это обычно делается в целях стеснения осажденных, размещаются лагерем вокруг кастрона, не допуская, чтобы никто из наших людей не смог ни войти в кастрон, ни выйти из него. Но поскольку большинство наших кастронов сооружено в укрепленных и труднодоступных местах, то лагерь врагов не будет иметь ни рва, ни других средств защиты, и поэтому ты, стратиг, сможешь без труда одолеть врагов, если нападешь на них ночью силами пехотного войска со своей стороны и если одновременно по установленному сигналу выступят те, кто находятся внутри кастрона. Используя выгоды местности, ты должен быть готовым в это благоприятное время вступить с врагами в сражение, если это будет возможно, и одолеть их. Такое деяние явится проявлением Божественного провидения.

Если по причине суровости и неудобства местности враги не решатся равномерно распределить свой лагерь вокруг кастрона, но разместят все свое войско с двух или только лишь с одной стороны от него, следует прежде всего предать огню и полностью уничтожить все съестные припасы для людей и лошадей и не оставить никакого пропитания для врагов как вблизи кастрона, так и в отдаленных селениях. Чтобы оставить их без топлива в условиях безлесной местности, следует сжечь даже кровли домов.

Поскольку враги будут испытывать потребность в топливе и нуждаться в съестных припасах, их люди будут вынуждены отправляться для сбора всего необходимого все дальше и дальше.

Используя свои стратегические познания и боевой опыт, ты сможешь с помощью засад нанести врагам поражение и обратить их в бегство. Вследствие всего этого они, испытывая нехватку продовольствия, прекратят осаду. Но если ты увидишь, что враги упорствуют и продолжают осаду, а осажденные испытывают большие трудности, ты должен избрать тактику постоянных ночных сражений, присоединив пехотные части к кавалерийским. Расставив их в боевой порядок в соответствии с характером местности, ты должен изготовиться к ночному сражению, как об этом я сообщу ниже в главе о ночном сражении. Используя этот способ, ты одержишь над ними верх и вынудишь их отказаться от осады крепости.

Если какая-либо причина воспрепятствует ночному сражению и если у осажденных окажется недостаточно боевых сил, тогда как нехватки съестных припасов они испытывать не будут, ты сможешь доставить в кастрон дополнительных солдат — равно как и съестные припасы, если в них возникнет необходимость, — следующим способом. Тебе необходимо собрать все войско, находящееся под твоим командованием, и разделить его на две части. Пусть в первой половине каждый солдат погрузит на свою ездовую лошадь по четыре модия[338] зерна; этим сол-

[338] *Модий* — здесь: мера сыпучих тел, размер которой по различным источникам колебался от 8 до 13 кг. (*Schilbach,*

датам следует придать других легких кавалеристов, которые не будут иметь при себе ничего другого, кроме личного вооружения, минимально необходимого для защиты. И в тот же самый час около полуночи, когда солдатам, несущим зерно, будет предписано приблизиться вплотную к крепости, внезапно должен появиться ты сам с другой стороны с остальными боевыми силами, создавая видимость криками и трубными звуками, что ты намерен напасть на врагов. За то время, пока враги подготовятся к сражению с тобой и предпримут против тебя нападение, солдаты, несущие зерно, получат возможность доставить его в кастрон и возвратиться назад невредимыми. С помощью такого приема ты доставишь пополнение и людьми, и продовольствием, если будет нужда и в том, и в другом, и благодаря этому осажденные будут спасены.

XXII. Об отделении половины или одной трети вражеского войска

Если враги не проявляют готовности к осаде кастронов, но с крупными боевыми силами действуют в наших землях, командующему ромейских войск необходимо срочно отдать приказ и предпринять необходимые меры к тому, чтобы крестьяне или жите-

---

Metrologie. S. 96–100). Ж. Дагрон (см.: *Dagron,* Traité. P. 120, n. 9) останавливается практически на максимальном показателе — 12,8 кг. Следовательно, в рассматриваемом отрывке автор трактата рекомендует нагрузить на одну лошадь около 50 кг зерна.

ли селений со всем своим имуществом были препровождены в кастроны и укрепленные места; врагам же, отправляющимся за добычей, следует постоянно причинять вред, соблюдая, однако, благоразумие и бдительность. Опасаясь отходить далеко от своего войска для добычи съестных припасов, враги вследствие этого будут испытывать крайнюю нужду в продовольствии. Но поскольку враги располагают, как мы сказали, большими силами, они могут прибегнуть к другому методу. Иногда они отделяют от своего войска половину или одну третью часть и отправляют ее на расстояние одного дня пути или более от лагеря в те селения, в которых они надеются найти большое количество провизии. Эти люди будут вынуждены провести два или даже три дня за пределами своего лагеря. И когда ты, стратиг, будешь осведомлен об этом, тебе следует, тщательно все обдумав, устроить им засаду. Приблизившись к ним ночью и отыскав подходящее место, ты должен укрыть в нем свое войско. Если в поисках съестных припасов враги рассеются не по двум или трем, а по многим селениям, и если для их защиты, вероятнее всего, будут выставлены так называемые фулки, тебе следует разделить войско, находящееся под твоим командованием, на две части, предприняв меры предосторожности, чтобы тебя не смогли обнаружить и разведать враги, которые будут стараться устроить засады, так чтобы ты сам не оказался бы у них в ловушке. Ты должен оставаться в укрытии до одиннадцати часов дня, почти до заката солнца[339]. Когда фулки, как это

[339] См. примечание № 268.

обыкновенно бывает, возвратятся в селения, в которых разместились их товарищи, ты должен направить в эти отдаленные селения те свои боевые силы, которые ты выделил раньше, а сам ты должен двигаться позади, сопровождая их на близком расстоянии. Используя, насколько это возможно, характер местности, ты должен двигаться быстро, но скрытно и бесшумно, оставаясь незамеченным до тех пор, пока не окажешься вблизи селений. Когда станет больше невозможно укрываться речными зарослями, но придется открыться, тогда пусть твои солдаты, отправленные вперед, совершат стремительное нападение на врагов, находящихся в селениях. И поскольку они нападут неожиданно, они многих врагов уничтожат, а тех, кто останется в живых, удержат в качестве невольников. Но если фулки, предназначенные для защиты врагов, будут располагаться вне селений, тогда твои солдаты, отправленные вперед, должны нанести первый удар именно по ним, сделав это, как я сказал, перед заходом солнца. И ты сам, подойдя вслед за ними с подчиненными тебе войсками, готовыми вступить в сражение, также должен напасть на врагов, и тогда милостью Христа ты их одолеешь. И если даже находящиеся там вражеские военачальники, располагая значительными силами, попытаются выстоять и, преодолев неудачу, одержать верх, — а это никак невозможно, — то в условиях наступившей ночи ничего плохого для тебя не случится. Итак, если ты будешь действовать подобным образом, враги будут озадачены и устрашены, а потому не отважатся безбоязненно удаляться от своего лагеря; возникшая по этой причине нехватка про-

довольствия заставит их возвратиться в собственную землю.

XXIII. Об отступлении врагов и предварительном захвате клисур

Когда враги повернули назад и спешат возвратиться домой, необходимо выслать вперед к клисурам подразделения пехоты, чтобы перерезать дороги, по которым враги намерены пройти. Дороги, по которым они смогут двигаться, ведут от клисур Селевкии и фемы Анатолик через горы Тавра, служащие рубежом между Киликией, с одной стороны, и Каппадокией и Ликандом, с другой стороны, а далее по территориям, прилегающим к Германикии, Адате и Кайсуну, а также Мелитене и Калудии в области Даута, до земель за рекой Евфратом, отделяющим землю под названием Ханзети от вражеской территории до Романополя[340]. Во всех этих фемах, где про-

[340] Подробный анализ изложенной в трактате историко-географической информации осуществлен в издании Ж. Дагрона (см.: *Dagron*, Traité. P. 240–245, с указанием источников и литературы). Анализируемое сообщение трактата тесно связано с предшествующей информацией о т. н. «пограничных армянских фемах» (см. примечание № 244). Предположение Ж. Дагрона о том, что на территории пограничных армянских фем метод *παραδρομή* не находил практического применения, представляется спорным: буквально в следующей фразе трактата сказано, что если неприятельские армии избрали путь своего отхода по территории названных фем, изобилующих клисурами, стратиг обязан «без всяких колебаний вступать с ними в сражение».

ходят дороги, которые неприятели могут выбрать для возвращения домой, следует, с Божьей помощью, без всяких колебаний вступать с ними в сражение, и Его милостью ты, стратиг, добьешься победы.

Когда за четыре перехода, то есть за четыре лагерных стоянки[341], станет известна дорога, по которой устремились враги, тебе как командующему всем войском[342] следует как можно быстрее опередить врагов и соединиться с пехотными подразделениями, заранее отправленными в клисуры. Позади себя следует оставить одного из лучших стратигов, чтобы он, организовав боевое сопровождение врагов, не допустил их рейдов и набегов на твой тыл. Этот стратиг должен иметь при себе часть кавалерийского войска, подчиненную его командованию. Ему следует приказать, чтобы к тому времени, когда враги приблизятся к клисуре на две лагерных стоянки и когда ты сам приблизишься со всем войском, он должен прибыть в то место, где готовится сражение с врагами. Когда ты сам достигнешь клисуры и соединишься с пехотными таксиями, ты должен постараться, насколько ты будешь в состоянии, собрать и

[341] Как следует из предыдущей информации (гл. XIII, примечание № 294), расстояние между двумя лагерными стоянками могло составлять 16 миль (свыше 25 км.).

[342] Данное выражение следует понимать так, что автор трактата имеет здесь в виду ситуацию, когда византийская армия составлена из воинских контингентов нескольких фем. Это предположение подтверждается двумя следующими фразами, где упомянут военачальник в должности стратига, находящийся в подчинении командующего объединенным войском (ср. примечание № 298).

другие боевые силы, особенно пехоту. И для того чтобы укрепить присутствие их духа, возбудить их мужество и отвагу, поощрить их усердие, ты, как это присуще самым лучшим стратигам, должен вдохновить их лестными[343] для них словами: «Ромейские воины! Встанем непоколебимо и твердо! Встанем, исполненные мужества и благородства! Покажем врагам нашу силу и мощь! Покажем им, что они посягнули на тех, кто сильнее их, что им предстоит

[343] Обращает на себя внимание в принципе несвойственный писательской манере нашего автора аффектированный словесный оборот, который использован в данном случае: употреблено весьма метафоричное определение *μελισταγής* — «медоточивый», «источающий мед». Что же касается содержания речи, обращенной к войску накануне сражения, то некоторые замечания на этот счет высказаны нами во вводной статье к настоящему изданию. Образцы подобных напутственных речей полководцев можно встретить в хронологически близком к трактату «De velitatione bellica» сочинении Льва Диакона (см., например: *Лев Диакон*. История, I, 6; II, 3–4; III, 5). Развернутая программа идеологической работы в армии развернута в «Тактике Льва». В соответствии с рекомендациями автора этого трактата, должны стать постоянными беседы архонтов с воинами, в ходе которых следует укреплять веру стратиотов в заступничество Бога, в благодеяния императора, воспитывать у стратиотов любовь к своему отечеству и ко всему христианскому сообществу (TL, XII, 72; XIII, 3). Для проведения таких бесед могут быть выделены специальные лица — *кантаторы* (Ibid., XII, 71, 121). Сам стратиг тоже должен обладать даром красноречия и уметь обращаться к войску в наиболее ответственные моменты (Ibid., II, 13), особенно в случае неблагоприятного исхода первого сражения (Ibid., XIV, 7, 20–21).

встретиться лицом к лицу с теми, кто привык больше побеждать, чем быть побежденным. Враги не сотворены из камня или бронзы, чтобы не получать ран, и не из железа их тела, чтобы не ослабляться от страданий и не знать усталости».

В дополнение к сказанному тебе следует также упомянуть, какие трудности встретятся в том месте, где готовится сражение, и какую помощь эти трудности окажут нам. После того как удастся соответствующим образом ободрить и воодушевить своих солдат и придать им больше рвения и отваги, ты должен расставить их по тем местам, где им придется сразиться с врагами. В первую очередь нужно захватить высоты в горах, перерезать и взять под охрану все дороги. Там, где вместе с пехотой будет возможно сражаться и кавалерии, необходимо и кавалерию разместить в надлежащих местах. Тебе следует поставить во главе всех твоих паратаксий подходящих военачальников и соблюсти и исполнить все то, что мы изложили в начале этого сочинения о способах сражений с врагами в труднопреодолимых местах.

Когда враги приблизятся, они поймут, что дорога взята тобой под охрану и что по этой причине им невозможно по ней пройти, и если даже они, сильно рискуя, отважатся сделать это, их намерение не увенчается успехом. Поражаемые и теснимые твоим войском, они поневоле обратят тыл и поспешат возвратиться домой другой дорогой. И когда они обратятся назад со стыдом и позором, твое войско, видя их такими, преисполнится радостью и ликованием, которые невозможно выразить словами.

Когда враги, как уже было сказано, повернут назад, тебе необходимо преследовать их, выслав вперед конницу вместе с легковооруженными псилами. Ты сам, двигаясь быстрым маршем, должен стремиться их догнать. Враги же, поспешно отступая, будут стремиться скорее достичь теснин и, избежав сражения, вернуться в свою землю. Когда, приблизившись к клисурам и опасаясь снова встретить впереди себя наши пехотные таксии, преградившие им путь, они попытаются совершить переход ночью, ты должен стремительно напасть на них, учитывая то, что их лошади утомлены длительными переходами, а люди изнурены ночным маршем. В этих условиях ты, стратиг, добьешься всего, чего бы ты ни пожелал. Догнав их ночью, следует немедленно вступить в сражение с так называемой сакой, используя пехоту, сопровождаемую конницей. Других псилов вместе с кавалеристами следует направить вперед по одну и по другую сторону пути движения врагов, приказав им вступить в сражение с флангов. Если ты поступишь именно так, враги не смогут выстоять, но обратятся в бегство. И если это произойдет с ними ночью, то в результате преследования ты подвергнешь их окончательному уничтожению.

XXIV. О ночном сражении

Если же враги придут к другому решению, которое представляется им более выгодным, и если они, узнав о твоем прибытии, станут на ночь лагерем, рас-

кинув палатки, то следует дать им ночное сражение. Нападение на них тебе необходимо организовать следующим образом. Ты сам должен совершить нападение на врагов с тыла силами пехотной паратаксии. Остальные таксии пехоты следует разделить на шесть частей, три из которых должны быть размещены с правой стороны от врагов, а три с левой. Если характер местности вынудит врагов вытянуть свой лагерь в длину, эти части должны быть удалены друг от друга на расстояние полета стрелы или немного меньше[344]. Следует оставить только одну открытую и неохраняемую дорогу, по которой враги могли бы благополучно возвратиться в свою землю: когда они, испытывая мощный натиск, вдруг обнаружат открытую дорогу, то в обманчивой надежде сохранить жизнь, избежать сражения и возвратиться домой они вскочат на своих лошадей и обратятся в бегство по этой дороге, заботясь каждый лишь о собственном спасении[345].

[344] Предельная дальность полета стрелы определялась в 300 м (из того расчета, что расстояние в одну милю должно покрываться пятью полетами стрелы).

[345] Данная рекомендация автора «De velitatione bellica» является вариантом широко известного во всей предшествующей военно-научной традиции идеи «золотого моста» для разбитого неприятеля, согласно которой ему всегда следует оставлять возможность для спасения бегством. Важно при этом подчеркнуть, что подобная рекомендация проистекает отнюдь не из филантропических побуждений, — напротив, ее коренной смысл заключается именно в том, чтобы создать максимально благоприятные условия для полного разгрома противника, причем эта цель должна быть достигнута в ко-

Если же неприятельский лагерь построен не продолговатым, а в соответствии с характером местности имеет круглую форму[346], тебе следует, расставив пехотные паратаксии вокруг него, приказать им готовиться к сражению, оставив, как мы сказали, сво-

роткий срок и с наименьшими затратами сил. Указанная идея, восходящая еще ко временам Ксенофонта (Киропедия, IV, 1, 16), получила разработку в памятниках греко-римской военной теории начала новой эры. Так, в труде Онасандра (Onasander, XXXII, 5–8; XXXVIII, 3–5) проводится мысль о том, что воины, оказавшиеся в ситуации окружения, способны к самому отчаянному сопротивлению, и этом сопротивление будет возрастать тем более, чем безнадежнее будет становиться положение окруженных. В сочинении Фронтина (Frontin, II, 6, 1–10) эта мысль уже воплощена в практическую рекомендацию: противника не следует окружать со всех сторон, но необходимо оставить ему возможность покинуть поле боя — это отнюдь не повысит его шансы на успех, а, наоборот, ослабит его сопротивление. Окружать неприятеля со всех сторон не рекомендовали ни Аноним VI века (Anonymus, XXXIV, 4; XXXIX, 12), ни венценосные авторы «Стратегикона Маврикия» (Strategicon, VIII, 2, 92; IX, 2) и «Тактики Льва» (TL, XVII, 27). Характерным в этой связи является одно из сообщений Льва Диакона: в экспедиции 961 г. против венгров Лев Фока выиграл решающее сражение, напав на неприятеля с трех сторон и предоставив им возможность беспорядочного бегства с поля боя (см.: *Лев Диакон*. История, II, 2). В целом можно констатировать, что история военного искусства Рима и Византии не дает ни единственного примера победы, достигнутой в результате полного тактического окружения противника, подобной победе Ганнибала при Каннах.

[346] Подробная информация о формах и размерах военных лагерей содержится в трактате «De castrametatione», перевод которого составляет второй раздел настоящего издания.

бодной и открытой только одну дорогу, которая ведет в землю врагов. После того как пехота будет распределена указанным способом, ты должен приказать разбить свой лагерь вблизи неприятельского и зажечь множество костров. Во главе каждой пехотной паратаксии ты должен поставить знающего и мужественного архонта, а позади каждой паратаксии, насколько позволяет местность, должно быть размещено определенное количество кавалеристов под командованием достойных командиров. Ты должен приказать всем подразделениям пехотных таксий находиться у этих командиров в подчинении.

После такого рода приготовлений следует выделить из числа псилов наиболее мужественных и быстрых пехотинцев и выслать их вперед, чтобы они, соблюдая полное молчание, приблизились к неприятелям. Следует приказать, чтобы первыми обстреливать неприятелей начали те из них, которые расположены в середине, а вслед за ними те, которые находятся впереди. Если характер местности обеспечивает преимущество над неприятельским лагерем по высоте с двух сторон, пехотные таксии должны совершить нападение на врагов с обеих сторон, и тогда враги, забрасываемые камнями вручную или с помощью пращей, а также обстреливаемые из луков сверху с обеих сторон, будут без труда сокрушены. Если характер местности не позволяет действовать таким образом, но возвышенность нависает лишь с одной стороны, то оттуда точно так же будет легче вести обстрел врагов из пращей и луков; проведение же сражения на ровной местности требует гораздо

более тщательной подготовки. Если враги, вскочив на коней, попытаются напасть на псилов, они не представят для них никакой угрозы, потому что местность поможет псилам, — скорее, враги сами себе причинят большой вред. Все пехотные таксии должны одновременно спуститься вниз с обеих сторон, трубя во все трубы, с шумом и победным кличем. После этого и стратиг должен со всей решительностью вступить в сражение, ударив с тыла.

Если враги выдержат удар и не обратятся в бегство, тогда легковооруженные псилы и те солдаты, которые были отправлены вперед, должны получить приказ своих архонтов проникнуть в палатки врагов, — им это будет сделать легко по причине неровности местности. И когда они начнут захватывать лошадей, мулов и другое вражеское имущество, а также брать пленных, — когда все это начнется, то и все остальные устремятся на разграбление и, врываясь внутрь палаток, будут рубить врагов мечами без всякой пощады. Тогда все враги обратятся в бегство — одни, у кого есть такая возможность, верхом на конях, другие пешком, стремясь по мере возможности укрыться в горах и в ущельях, найдя там свое спасение.

И если, благодаря помощи Бога и заступничеству Богородицы, пречистой Матери Его, сражение будет иметь такой исход, то священные императоры стяжают себе славу, а все ромейское войско — мощь и силу: ведь враги больше уже не смогут противостоять ему лицом к лицу.

Если до наступления дня враги найдут ровное место, где они смогут привести себя в порядок и раз-

бить палатки, и если на этом месте организовать ночное сражение будет неудобно, стратигу со всеми пехотными и кавалерийскими войсками следует опять выдвинуться вперед, захватить горные высоты и, как в предыдущем случае, запереть путь движения. И поскольку, как мы сказали, все дороги, ведущие в землю врагов по территории всех фем, которые мы перечислили выше и которые мы видели собственными глазами, очень трудны для перехода в горах, разделяющих обе страны, то следует поспешить перерезать путь врагам и не мешкая приготовиться к лобовому столкновению с ними. Благодаря Христу Господу нашему ты, стратиг, получишь преимущество над врагами и, опрокинув их, подвергнешь их полному истреблению.

XXV. О другом способе удержания дороги, оканчивающейся тесниной

Если окажется, что дорога, по которой враги возвращаются, спускаясь вниз, сначала будет ровной и не будет иметь труднопреодолимых участков, где можно было бы преградить им путь, но затем, по мере дальнейшего снижения, становится узкой и труднопроходимой и тем самым нарушает строй вражеских паратаксий, вследствие чего одновременно лишь немногие имеют возможность проходить через эти места, а остальные вынуждены следовать за передними только по мере их продвижения, — именно в этих тесных местах следует расположить пехотные так-

сии по одну и по другую сторону от пути движения врагов, из них две таксии справа и две слева, на некотором расстоянии одна от другой. Позади передних таксий следует разместить в засаде еще некоторые силы пехоты вместе с всадниками под командованием мужественного и опытного архонта — это на тот случай, если враги оставят выше этого места так называемую саку, предназначенную для охранения дороги, — но не слишком близко, чтобы враги их не обнаружили. И поскольку наши воины, размещенные в засаде на более высокой позиции, будут преисполнены желания участвовать в сражении, то как только наши паратаксии, установленные внизу, совершат нападение на врагов, подошедших первыми, то пусть одновременно выступят наши пехотинцы и всадники, размещенные в засаде, и примут участие в сражении с врагами. Но так как воинам, размещенным в засаде, будет опасно выступить из нее по направлению вниз, пока сака еще остается на ровной местности, то пусть они остаются в укрытии. И только когда сака будет вынуждена двинуться вперед и догнать своих — ведь невозможно ей долго оставаться на одном месте — и вступить на дорогу, ведущую вниз, то пусть тогда и выступят солдаты, стоявшие в засаде. Заняв дорогу и оказавшись в более высокой позиции по отношению к врагам, пусть они устремятся на них. Враги, подвергшиеся атаке, не смогут выстоять и оказать сопротивление, поскольку даже сама местность будет им враждебна, но поторопятся соединиться со своими частями, ведущими бой в теснинах с расположенными внизу нашими паратакси-

ями, в надежде пройти эти теснины и добраться до своей земли. Но они ни в коем случае не добьются этого, если только сражение с ними было подготовлено так, как мы предписали; скорее, они будут разгромлены наголову благодаря истинному Богу нашему — Ему же быть во славе и силе вместе с Сыном и Святым Духом, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

С Божьей помощью — завершение тактики.

ОБ УСТРОЙСТВЕ ЛАГЕРЯ

*

ΠΕΡΙ ΚΑΤΑΣΤΑΣΕΩΣ ΑΠΛΗΚΤΟΥ

*

DE CASTRAMETATIONE

ями, в надежде пройти эти теснины и добраться до
своей земли. Но они не в коем случае не добьются
этого, если только сражение с ними было подготов-
лено так, как мы предписали: скоро, они будут раз-
громлены нотомову благодаря истинному богу наше-
му — Ему и Сыну Его, Господу нашему Иисусу Христу с Сыном
Святым, Духом, и ныне, и присно, и во веки веков
Аминь.

С Божьей помощью — завершение тактики.

*

ΠΕΡΙ ΚΑΤΑΣΤΑΣΕΩΣ
ΑΠΛΗΚΤΟΥ

*

DE CASTRAMETATIONE

ВВЕДЕНИЕ

Военный трактат, известный в ученой литературе под наименованием «De castrametatione», получил это наименование по начальным словам названия его I главы (Περὶ καταστάσεως ἀπλήκτου...); под ним он и был упомянут Ш. Дюканжем в его «Глоссарии»[347]. Французский ученый Ш. Гро, обнаруживший этот трактат в одной из греческих рукописей XVI века, в 1875 г. издал с французским переводом три его главы — XIII, XV и XVIII. Несколько лет спустя изложение содержания трактата (с перечнем глав и обширными цитатами по-французски) было воспроизведено Г. Шлюмберже в его известной монографии о Никифоре Фоке[348]. Через 17 лет после смерти Ш. Гро, последовавшей в 1882 г., вышло в свет полное издание трактата, подготовленное по его ма-

[347] Как было убедительно доказано Ю. А. Кулаковским (см.: *Кулаковский Ю. А.* Новоизданный византийский трактат. С. 648–650), еще до Ш. Дюканжа трактат был известен И. Меурсию (1579–1639 гг.), нидерландскому филологу и историку, который в начале XVII в. выступил с первым грандиозным проектом издания памятников греко-византийской военной литературы.

[348] *Schlumberger G.* Un empereur byzantin. P. 186–188.

териалам и отредактированное А. Мартеном (1899 г.); это издание опиралось на более качественные рукописи, что позволило Ш. Гро и его ученикам предложить ряд конъектур и исправлений, часть из которых принимается и современными исследователями[349]. Независимо от Ш. Гро и его последователей в Будапеште в 90-х гг. XIX в. шла работа над текстом «De castrametatione» тогда молодого ученого-филолога, а впоследствии всемирно известного академика Р. Вари. Итогом этой работы стало новое издание трактата[350], основанное на двух рукописях из римских библиотек (Codex Vaticanus graecus 1164 и Codex Barberianus graecus II, 97 [276]), относящихся к первой половине XI века и независимо друг от друга восходящих к единому архетипу.

Публикации трактата вызвали заинтересованное внимание крупнейшего российского специалиста в области византийской полемологии, впоследствии также академика Ю. А. Кулаковского — он откликнулся на них двумя развернутыми рецензиями[351], а затем перевел и издал первые 8 глав «De castrametatione»[352], сопроводив свои комментарии подробным

[349] Справки об изданиях Ш. Гро (1875 г.) и Ш. Гро — А. Мартена (1899 г.) см. в обзоре А. Дэна: *Dain A.* Les stratégistes. P. 369, а также в издании: Three Byzantine Military Treatises. P. 243.

[350] См: Incerti scriptoris byzantini.

[351] *Кулаковский Ю. А.* Новоизданный византийский трактат. С. 646–660 (рецензия на издание Ш. Гро — А. Мартена). См. его же рецензию на издание Р. Вари: BZ. 1902. 7. Heft 1–2. S. 547–558.

[352] *Кулаковский Ю. А.* Византийский лагерь конца X века. С. 63–90.

чертежом. Десятилетие спустя материалы трактата были интенсивно использованы Р. Гроссе в его капитальном исследовании об истории византийского лагеря[353]. На протяжении последующих семи десятилетий трактат не привлекал внимания издателей. Лишь в 1985 г. увидело свет новейшее критическое издание трактата (с параллельным английским переводом), осуществленное Дж. Дэннисом[354]. Достоинством издания Дж. Дэнниса следует признать публикацию четырех чертежей и одного эскиза лагеря, воспроизведенных по рукописи Vaticanus graecus 1164 (ни к изданию Ш. Гро — А. Мартена, ни к изданию Р. Вари эти иллюстрации не были приложены). Однако интерпретация подобных чертежей и эскизов весьма осложнена, поскольку в своих деталях ни один из них не соответствует описанию, данному в тексте трактата.

Анализируемый трактат представляет собою компактное по объему военно-научное сочинение, состоящее из 32 глав. Если судить по его содержанию, «De castrametatione» не имеет того обобщающего энциклопедического характера, который был свойствен, например, «Стратегикону Маврикия» или «Тактике Льва». С другой стороны, трактат не может быть отнесен и к узко специализированным руководствам, регламентирующим отдельные сторо-

[353] *Grosse R.* Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.–10. Jahrhundert / / BZ. 1913. 22. S. 90–121.

[354] Three Byzantine Military Treatises. P. 241–335. В дальнейшем при ссылке на текст источника используется сокращение «De castr.»; при ссылке на комментарий издателя — сокращение «*Dennis*, De castr.».

ны армейской действительности (образцы подобных руководств также встречаются в истории византийской полемологии — «О стрельбе из лука», «Об отправлении секретной корреспонденции», «О военной риторике», «О форсировании водных преград» и т. п.). Отбор информации, произведенный автором «De castrametatione», был продиктован той основополагающей идеей, которая составляла цель его военно-научных изысканий. Автору предстояло решить комплекс проблем, связанных с подготовкой и проведением крупномасштабной военной кампании, в ходе которой экспедиционному византийскому войску, возглавляемому лично императором, предстояло осуществить вторжение на территорию неприятеля и совершить продолжительный рейд по вражеской земле. Поэтому содержание трактата может быть условно разделено на несколько сюжетно-информационных блоков, развернутых в той последовательности, которая в принципе соответствует основным этапам наступательной военной кампании.

Традиционное для византийских военных трактатов введение, где обычно формулируются основные цели и задачи подобных сочинений, в сохранившихся рукописях «De castrametatione» отсутствует. Еще Ю. А. Кулаковским было высказано предположение, что такое введение могло изначально существовать, но впоследствии оказалось утраченным; аргументом в пользу такого предположения является сохранившееся заключение трактата[355].

[355] См. рецензию Ю. А. Кулаковского: BZ. 1902. 7. S. 551–552. Возможность существования подобного введения в ав-

Начальные главы «De castrametatione» (с I по VIII) в основном посвящены вопросам лагерного устройства, поскольку, по мысли автора трактата, именно просторный, строго упорядоченный и надежно защищенный лагерь является главной гарантией безопасности экспедиционной армии во вражеской земле. Размеры лагеря определяются в зависимости от величины размещаемой в нем армии. Так, при максимальной численности армии в 24200 человек (из них 8200 конников и 16 тыс. пеших воинов) одна сторона лагеря квадратной конфигурации определяется в 1000 оргий[356]; уменьшение численности армии соответственно уменьшает и размеры лагеря. Даны рекомендации относительно выбора местности для размещения лагеря, лучшей его формы (таковой признается квадратная или прямоугольная), технологии оборудования, способов защиты (ров, вал, триболы, колокольчики), рационального размещения воинских частей и подразделений, а также управленче-

торском оригинале произведения не исключал и Дж. Дэннис, однако он, в противоположность Ю. А. Кулаковскому, не считал, что последняя фраза трактата может быть принята в качестве традиционного заключения (*Dennis*, De castr. P. 241).

[356] De castr., I. P. 248, 43. Размеры одной оргии варьируются от 187 до 210 см и исчисляются в среднем в 2 метра (см.: *Schilbach*, Metrologie. S. 22 sq.). Следовательно, максимальные размеры площади лагеря для войска в 24200 чел. определяются примерно в 4 кв. км. Интересные сравнения относительно «тесноты» расположения солдат в римско-византийских лагерях и лагерях германской армии начала XX в. содержатся в указанной выше статье Р. Гроссе (см.: *Grosse R.* Das römisch-byzantinische Marschlager. S. 114).

ских структур и должностных лиц императорского двора, организации караульной и патрульной служб как в самом лагере, так и за его пределами. Указанные сюжеты занимают основное внимание автора трактата; подробное и обстоятельное их изложение не оставляет сомнений не только в детальном владении автором теорией данного вопроса, но и в его предметном знакомстве с реалиями армейской практики[357]. Вернувшись к этому сюжету еще раз, уже в конце своего сочинения, автор настоятельно рекомендует еще до начала вторжения, находясь на собственной территории, не менее трех-четырех раз потренироваться в разбивке лагеря с соблюдением всех необходимых требований, — приобретенный опыт окажется чрезвычайно полезным в экстремальной ситуации заграничного похода[358].

Более десятка следующих глав трактата (с IX по XX) объединены еще одним общим сюжетом, определяющим порядок совершения марша во вражеской земле. Подробно рассказано о том, как следует вывести войско из лагеря, не допустив дезорганизации и потери управления войсками, как правильно построить походную колонну, предусмотрев все меры ее безопасности. Особенно детально регламентирован порядок выбора оптимальных маршрутов (в част-

[357] В этой связи представляется справедливым замечание Дж. Дэнниса, что тот, кто написал это наставление, и те, которые его первыми читали, по крайней мере, видели такой лагерь и, возможно, даже жили в нем (*Dennis*, De castr. P. 329).

[358] De castr., XXX. P. 322, 4–8.

ности, обеспеченных питьевой водой), преодоления закрытых пространств (лесистой местности, горных теснин и т. п.), а также форсирования водных преград. Поскольку подобные марши неосуществимы без предварительного ознакомления с особенностями рельефа и спецификой дорог, отдельная глава посвящена службе проводников и разведчиков. Общий тон изложения информации, с неоднократным подчеркиванием значительного собственного опыта автора в осуществлении данного вида боевых действий, практически ничем не отличается от характера описания вопросов лагерного устройства.

Дальнейшая сюжетная линия связана с проблемами полиоркетики (главы XXI–XXVII). И хотя здесь снова встречаются ссылки на практический опыт автора в осаде вражеских городов, данный раздел трактата в гораздо большей степени, чем предыдущие разделы, опирается на более ранние письменные источники, о чем автор в одном из пассажей заявил со всей определенностью[359].

Что касается заключительных глав трактата (XXVIII–XXXII), то объединяющий их мотив связан с возвращением армии из заграничного похода. Изложены общие принципы подготовки страны и армии к войне; подчеркнута необходимость тщательного учета военнослужащих как накануне военной кампании, так и после ее завершения; высказаны соображения об особой значимости арьергардных частей, на которые возлагается ответственность не только

[359] De castr., XXVII. P. 316, 9–13.

по охране тыла возвращающейся из похода армии, но и по сохранению неиспользованного вооружения и снаряжения.

Произведенная инвентаризация содержания трактата подвела нас к необходимости высказать ряд соображений относительно его наиболее оптимального технического наименования. Как уже было отмечено, наименование «De castrametatione» является самым ранним, восходящим еще к XVI–XVII вв.; оно оставалось единственным на протяжении всего XIX века. В своем издании 1901 г. Р. Вари предложил новое, более обобщающее наименование «De re militari», — таковое сочли наиболее приемлемым и А. Дэн[360], и Ж. Дагрон[361]. Еще более описательным является наименование, предложенное Дж. Дэннисом, — «Campaign Organization and Tactics»[362].

Мы полагаем, что в том случае, когда письменная традиция не сохранила нам авторского названия военно-научного сочинения (а подобная ситуация является типичной в отношении большинства полемологических памятников), его условное наименование должно представлять собой такую вербальную композицию, которая призвана максимально полно отразить сюжетно-содержательную сущность произведения, подлежащего номинации. Разумеется, всякое наименование является условным, конвенциональным, ибо никакая номинативная конструкция заглавия (ни лексическая, ни даже пропозитивная)

[360] *Dain A.* Les stratégistes. P. 369.

[361] *Dagron*, Traité. P. 155–160, 171–175 etc.

[362] Издание указано в примечании № 3.

не в состоянии вместить в себя весь объем информации, которым обладает именуемый объект. В этих условиях заглавие обязано по крайней мере отразить самый существенный, квалифицирующий атрибут определяемого им военного руководства, чтобы служить своего рода паролем, который заслуживал бы как можно более однозначного отзыва.

С учетом данного требования наименование «De re militari», по нашему мнению, должно быть отведено по причине его крайней индифферентности: в нем не содержится никакого кодового символа, который возбуждал бы определенную информативную ассоциацию. Наименование, предложенное Дж. Дэннисом, вызывает двойственное отношение: если его начало («Compaign Organization»), бесспорно, отражает одну из главных сюжетных линий трактата, то присоединение к ней последующего добавления («...and Tactics») представляется чисто механическим, вследствие чего содержательный потенциал первой части заглавия оказывается в значительной степени дезавуированным. Если к тому же вспомнить, какой именно смысл вкладывали византийские военные авторы в понятие «тактика»[363], то приходится кон-

[363] Основополагающим для византийской полемологии являлось определение Элиана, который в своем труде «Теория тактики», созданном в начале II в. н. э., характеризовал тактику как «искусство боевых эволюций». В I главе знаменитой военной энциклопедии императора Льва VI Мудрого, этого, по словам А. Дэна, «мэтра военной литературы X века» (см.: *Dain A.* «Touldos» et «Touldon». P. 163), вначале текстуально воспроизведена формулировка Элиана, а несколько ниже определение тактики дано в более разверну-

статировать, что собственно тактической информации (в реально-содержательном значении этого понятия) в трактате содержится сравнительно немного, — по крайней мере, ее объем настолько ограничен, что специальное акцентирование внимания на ней в названии трактата не кажется обязательным. Зато совершенно недопустимым представляется неупоминание в заглавии сюжета, посвященного проблемам лагерного устройства, — с последним, по нашим подсчетам, так или иначе связано не менее 40% общего объема содержащейся в трактате информации. Поэтому наиболее оптимальным наименованием трактата, в концентрированном виде выражающим его основное содержание, следует, по нашему мнению, признать самое раннее наименование «De castrametatione» — из всех предложенных наиболее совершенное как в информационно-смысловом, так и в технико-терминологическом смысле, к тому же весьма компактное, определенно-однозначное, легко воспринимаемое на слух и без труда транскрибируемое при письменной презентации. Приоритет данного наименования дополнительно обосновывается силой многовековой традиции, восходящей к

том виде — как «полководческого искусства боевых построений, вооружений и маневров войск». Целью тактики, согласно Льву VI, является «опрокидывание противника посредством предпринимаемых замыслов и действий»; предназначение тактики состоит в том, чтобы «вступать в бой с противником, имея собственные войска в упорядоченном состоянии»; конечный результат тактики — «по возможности правильно расставить войско в боевой порядок» (TL, I, 1–6. Col. 680 A–B). См. также примечание № 103.

авторитетам И. Меурсия и Ш. Дюканжа, и никакие позднейшие попытки иного решения данного вопроса не могут быть признаны удачными. Что же касается наиболее точного перевода полного, развернутого наименования трактата на русский язык, то оптимальным следует считать не «Об устройстве *лагеря армии*»[364], а «О размещении *армии лагерем*», ибо смысловой акцент здесь должен быть непременно сделан не на лагере, а на армии, вынужденной временно занимать в общем-то не присущее этой динамичной структуре стационарное положение.

Хотя вопрос об оптимальном техническом наименовании анализируемого сочинения представляется достаточно значимым, еще более существенным является комплекс проблем, связанных с авторством и датировкой «De castrametatione», а также его соотношением по этим показателям с трактатом «De velitatione bellica».

Основные подходы к решению указанных проблем были намечены издателями и исследователями еще на рубеже прошлого и нынешнего столетий. Ш. Гро полагал, что оба сочинения были созданы по инициативе Никифора II Фоки; А. Мартен трансфор-

[364] Наименование «Об устройстве лагеря» было неоднократно использовано, в частности, в статье А. П. Каждана (См.: *Каждан А. П.* Из истории византийской хронографии X века (часть 2) // ВВ. 1961. 20. С. 106–128). Считаем при этом необходимым обратить внимание на досадное недоразумение, остающееся до сих пор неисправленным: во всех случаях трактат «De castrametatione» здесь назван ошибочно вместо трактата «De velitatione bellica».

мировал эту идею в утверждение, что автором трактатов был непосредственно сам император Никифор. Р. Вари, который настойчиво подчеркивал глубокое внутреннее единство названных сочинений, предложил иное решение проблемы: по мнению венгерского исследователя, автором трактатов «De velitatione bellica» и «De castrametatione» должен быть признан известный византийский полководец Никифор Уран, — написав трактаты, он выполнил поручение, данное ему императором Никифором II Фокой[365]. Ю. А. Кулаковский также допускал возможность видеть в Никифоре Уране автора «De castrametatione»[366]; однако российский исследователь (вслед за К. Б. Хазе) решительно отказывался признать, что оба трактата написаны одним и тем же лицом, — наоборот, эти два автора, скорее всего, даже не знали сочинений друг друга[367]. Возможно, что точка зрения российского исследователя оказала влияние на последующее изменение позиции Р. Вари, — так, в докладе, сделанном через 30 лет на III Всемирном конгрессе византинистов, он уже не счел возможным настаивать на принадлежности обоих сочинений одному и тому же лицу: если, полагал Р. Вари, автором «De castrametatione» можно по-прежнему считать Никифора Урана, то авторство «De velitatione bellica» приходится признать неустановленным[368].

[365] См.: Incerti scriptoris byzantini. P. XXI.

[366] Рецензия Ю. А. Кулаковского: BZ. 1902. 7. S. 558.

[367] См.: *Кулаковский Ю. А.* Новоизданный византийский трактат. С. 651–652; ср.: BZ. 1902. 7. S. 557.

[368] *Vari R.* Desiderata der byzantinischen Philologie. S. 231.

В своем обобщающем обзоре памятников греко-византийской военной литературы А. Дэн высказал согласие с предположением, что трактат «De velitatione bellica» мог быть создан по инициативе Никифора Фоки; подчеркнув далее анонимный характер трактата о лагерном устройстве, французский исследователь не высказал никаких конкретных предположений о его авторстве[369]. Дж. Дэннис, автор новейшего издания «De castrametatione», отметил как черты его «очевидного сходства» с трактатом «De velitatione bellica», так и признаки их «явного отличия» друг от друга[370]. В решении проблемы авторства и датировки «De castrametatione» Дж. Дэннис, по его собственному заявлению[371], следует концепции Ю. А. Кулаковского. На позиции признания Никифора Фоки инициатором создания обоих военных руководств прочно стоит Ж. Дагрон. Прибегнув к сравнительному текстологическому анализу трактатов, французский исследователь не исключил возможности взаимной идентификации их авторов[372].

Приступая к изложению нашей собственной позиции по анализируемым проблемам, мы хотели бы начать с наблюдения о принципиальных различиях в способах самопрезентации, к которым прибегают авторы двух трактатов, — вследствие этого существенно различными как по содержанию, так и по форме оказываются созданные ими «автопортреты». Ав-

[369] *Dain A.* Les stratégistes. P. 369.
[370] *Dennis*, De castr. P. 241.
[371] Ibid., P. 243.
[372] *Dagron*, Traité. P. 171–175, 255.

тор «De velitatione bellica» сообщает ряд живых, индивидуально-специфических подробностей своей биографии и служебной карьеры, позволяющих достаточно предметно судить о его социальной и номенклатурной принадлежности, занимаемой должности, общественно-политических и конфессиональных взглядах, уровне военно-теоретической подготовки, практическом боевом опыте, а в результате критического анализа этих данных — выдвигать гипотезы об идентификации автора трактата с конкретными историческими персонажами[373].

В противоположность этому информация автора «De castrametatione» о самом себе настолько скудна, что индивидуализация его облика представляет значительную трудность. Имеется, впрочем, один любопытный сюжет, являющийся, к сожалению, единственным, который позволяет составить хотя бы некоторое представление о концептуальных взглядах нашего автора на современное ему состояние византийской военной организации. В одной из завершающих глав, носящей внешне непритязательное наименование «О том, как нужно тренировать армию», автор трактата, резко ломая общий спокойный императивно-установочный тон изложения, неожиданно разразился длинной, многословной тирадой[374], обвинив некоторых стратиотов в приверженности к лености и безделию. По его словам, такие стратиоты, распродавая свои боевые принадлежно-

[373] Подробнее см. об этом во вводной статье к нашему изданию «De velitatione bellica».

[374] De castr., XXVIII. P. 318, 12–320, 36.

сти и лучших верховых лошадей и покупая взамен этого коров и другие вещи, потребные в быту обычного сельского жителя, уклоняются от борьбы и трудов за интересы христианства. Поэтому в тех случаях, когда возникает необходимость их призыва в армию, они оказываются неспособными выполнить свой солдатский долг: праздность и отсутствие военной практики лишают их мужественности и боеспособности. Особая ответственность в этом плане падает на стратиотов, проживающих в пограничных районах: непрерывная угроза вражеских нападений требует от них постоянной мобилизационной готовности. Вследствие этого будет справедливо, «в соответствии со славными древними обычаями ромеев», избавить их от каких-либо оскорблений и насилий, чинимых некоторыми сборщиками податей. Честь и свобода, заключает автор, возбуждают в стратиотах отвагу и презрение к смерти, побуждают их стойко переносить тяготы военной службы ради «нашего священного императора» и собственного отечества; наоборот, презрение и оскорбления, допускаемые в отношении этих передовых борцов за интересы христианства, порождают в них беспечность, малодушие и робость.

Обращает на себя факт явного созвучия приведенного высказывания с аналогичным пассажем, содержащимся в трактате «De velitatione bellica»[375], который также, по выражению Ж. Дагрона, «резким трубным звуком» прерывает живой, но доселе бес-

[375] De vel. bell., XIX. P. 214–216.

пристрастный ход технического изложения[376]. Однако известное совпадение идей, проявившееся в двух трактатах при оценке сходных сюжетов, не простирается столь далеко, чтобы завершиться одинаковым выводом. Если в трактате «De velitatione bellica» приведенная сентенция заканчивается радикальным призывом к реставрации старых порядков, присущих эпохе «классического» фемного строя, то в «De castrametatione» дело ограничивается простой констатацией существующего положения вещей, сопровождаемой, правда, приличествующим моральным осуждением неправомерных действий налоговых служб: по всей видимости, автор этого сочинения считал реставрационные призывы уже явно устаревшими, а потому лишенными реального смысла. Следовательно, несмотря на внешнее сходство двух названных пассажей, они фиксируют отнюдь не один и тот же, но явно различные периоды в развитии военно-политической ситуации второй половины X века, получившие свое отражение и в общественном сознании, — более ранний в «De velitatione bellica» и более поздний в «De castrametatione»[377]. Отмеченное разли-

[376] *Dagron*, Traité. P. 259. Подчеркнем при этом, что характеристика Ж. Дагроном пассажа «De castrametatione» как простой копии аналогичного пассажа «De velitatione bellica» (Ibid. P. 173), не представляется нам справедливой, хотя с некоторыми итогами сопоставления соответствующих пассажей (Ibid. P. 272–274) в целом можно согласиться.

[377] По справедливому замечанию Ж. Дагрона, трактат «De velitatione bellica» отражает ситуацию и состояние общественного сознания, соответствующие концу царствования Константина VII, тогда как трактат «De castrametatione»

чие в авторских мировоззренческих установках, воплощенных в двух трактатах, должно быть непременно учтено при подведении окончательных итогов их сравнительного анализа.

Информация, содержащаяся в анализируемом трактате, позволяет составить некоторое представление о его конфессиональных установках. Идея «христолюбивого воинства», разработанная в предшествующих военно-научных сочинениях[378], прочно утверждена и в сознании автора «De castrametatione». Военная служба в его понимании — это «борения и труды, которые уготованы христианам», стратиоты — это «защитники христианства», презирающие смерть и храбро сражающиеся «за нашего священного императора и свое отечество»[379]. Вполне идентична и идее предшественников мысль автора «De castrametatione» о том, что «войско, имея вдоволь продовольствия, своим упорством и стойкостью добьется, с Божьей помощью, успешного осуществления всего задуманного»[380]. Правда, религиозно-догматическая лексика автора «De castrametatione» более бедна и однообразна, чем в руководстве о методе боевого сопровождения: фразеологическое клише «с Божьей помощью», встречающееся в трактате о лагерном устройстве более десятка раз, лишь из-

должен рассматриваться через призму уже свершившейся «реконкисты» (*Dagron*, Traité. P. 274), когда дали себя знать результаты радикальной военной реформы Никифора II.

[378] См. об этом во вводной статье первого раздела настоящего издания.

[379] De castr., XXVIII. P. 318, 18–320, 36.

[380] Ibid., XXI. P. 304, 40–42.

редка варьируется здесь в выражения «по милости Христа» и «милостью Божьей».

Но если не ограничиться только сопоставлением лексики двух трактатов, а произвести более углубленный анализ сущности их конфессиональных установок, то такой анализ приведет к вполне определенному выводу: внимание, проявляемое автором «De castrametatione» к вопросам религиозного обеспечения боевой деятельности, гораздо менее пристальное, чем внимание, демонстрируемое в трактате «De velitatione bellica». Это, впрочем, не должно вызывать удивления, если учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, в отличие от автора «De velitatione bellica», размышлявшего о фемном войске типа народного ополчения, автор «De castrametatione» имеет дело с регулярной армией, в мирное время базирующейся преимущественно вокруг Константинополя, но в данный момент находящейся за пределами империи, в ситуации наступательного похода во вражеские владения. Эта армия полностью укомплектована, доведена до штатной численности и — что самое важное — возглавляется самим императором. Уже один только факт личного участия императорской особы в военной экспедиции создает в армии особый морально-психологический климат: все архонты и стратиоты, пребывающие в энергетическом поле «священного императора», олицетворяющего Божественное благоволение, как бы автоматически, даже независимо от собственной воли, оказываются заряженными благочестивым потенциалом столь вы-

сокого напряжения, что какие-либо специальные превентивные меры религиозно-воспитательного характера оказываются просто излишними, — это и избавляет автора трактата от необходимости их детальной регламентации.

Во-вторых — и это обстоятельство наиболее существенно, — необходимо непременно учитывать конфессиональную принадлежность противника, противостоящего византийскому экспедиционному войску. В данном случае византийская армия ведет войну против болгар, которые, как известно, около 865 г. в правление царя Бориса (852–889 гг.) приняли христианство в качестве государственной религии и при условии подчинения своей церковной организации константинопольскому патриархату[381]. О крещении болгар автор «De castrametatione» не упоминает, хотя в высшей степени вероятно, что это событие более чем столетней давности могло стать известным ему из собственного боевого опыта: факт его личного участия в болгарских походах сомнений не вызывает. Поскольку объектом военной экспансии византийцев являлся народ, исповедывавший ту же самую религию, вполне объясним тот приглушенный тон, с которым автор «De castrametatione» демонстрирует свою благочестивость[382].

[381] См.: Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 64–65.

[382] Мнение о слабой выраженности религиозного акцента в трактате «De castrametatione» уже было высказано Ж.-Р. Вьейефоном, автором единственного специального исследования по анализируемой проблеме (см.: *Vieille-*

Наличие у автора «De castrametatione» значительного практического опыта, накопленного в ходе участия в военных кампаниях, ни малейшего сомнения не вызывает. Изложение этого опыта и составило главную цель написанного им руководства, а настойчивое подчеркивание собственной искушенности в боевой практике (особенно использование выражений типа «каковое положение мы многократно на-

fond J.-R. Les pratiques religioses dans l'armée byzantine d'après les traités militaires // REA. 1935. XXVII. Fasc. 3. P. 324, n. 3). Солидаризируясь с этим бесспорным тезисом, мы вместе с тем категорически возражаем против утверждения, что и трактат «De velitatione bellica» тождественен по этому показателю трактату «De castrametatione». Как мы старались показать ранее, религиозная тональность двух названных трактатов радикально различна, если не противоположна, и причина этого — в различной конфессиональной принадлежности военных соперников, с которыми имеют дело наши авторы: болгары-единоверцы в «De castrametatione» и воины ислама в «De velitatione bellica». Однако, подчеркивая исключительно важную роль религиозного фактора в жизни армии, следует вместе с тем избегать и его гипертрофированной абсолютизации. В этом плане мы считаем явно преувеличенным тезис Ж.-Р. Вьейефона (Op. cit. P. 324) о том, что «в трактатах X или XI вв. различные религиозные церемонии занимают место почти превалирующее, и часто эти военные сочинения напоминают сборники канонов для некоего монастырского ордена», вследствие чего «экстраординарная набожность византийских армий трансформировала солдат в монахов» (Ibid. P. 330). При любых условиях армия оставалась армией, т. е. контингентом вооруженных людей, предназначенных решать возлагаемые на них задачи, и религиозная обрядность не могла заслонить или подменить специфически военного содержания данного рода профессиональной деятельности.

блюдали»; «и мы сами, и многие другие проходили эти дороги вполне спокойно и беспрепятственно»; «и нам самим, и многим другим известно»[383]) было призвано, по мнению автора, служить весомым аргументом в пользу императивного характера его рекомендаций.

Преимущественное внимание автора обращено на северо-западные рубежи, а в качестве главного военного соперника на протяжении всего трактата рассматриваются болгары. Автор «De castrametatione» предметно знаком с особенностями рельефа «страны болгар»: лесистыми горными перевалами, узкими и неровными дорогами, глубокими реками с болотистыми берегами[384]; ему хорошо известна бедность этой страны продовольственными ресурсами, особенно ячменем[385]. Он из собственного опыта знает, насколько опасно вести в болгарские земли армию, обремененную толпами бесполезных людей, громоздкой кладью, предметами роскоши (среди них названы драгоценное оружие, украшения из золота и серебра, серебряные сосуды[386]), стадами мулов, ослов и верблюдов, — такая армия, лишенная необходимой мобильности, быстро израсходует продовольствие (а его при всем желании нельзя взять больше, чем на 24 дня[387]) и будет вынуждена возвра-

[383] De castr., XX. P. 296, 36, 44–45; XXVI. P. 314, 4–5; P. 316, 33.

[384] Ibid., XV. P. 288, 6–8, 12–13.

[385] Ibid., XXI. P. 304, 30–31.

[386] Ibid., XVI. P. 288, 4–6.

[387] Ibid., XXI. P. 302, 22–304, 23.

титься назад, не достигнув никаких результатов[388]. Практичность автора настолько основательна, что он рекомендует экономить даже на палатках для архонтов низшего ранга, — вместо такого излишнего груза будет полезнее взять побольше продовольствия[389].

Если факт личного участия автора «De castrametatione» в экспедициях против болгар может считаться установленным, то решение вопроса о его возможном участии в боевых действиях против других военных соперников зависит от интерпретации тех сообщений, где эти соперники упоминаются. Следует сразу заметить, что этнонимические наименования в трактате весьма немногочисленны. Сообщение о «земле печенегов» и «земле росов»[390] с военной точки зрения абсолютно нейтрально: судить о характере взаимоотношений этих народов с империей данный пассаж трактата возможности не представляет. Более информационно насыщенными следует признать два других пассажа, где оба раза (причем в однотипном словосочетании) упоминаются вместе «арабы» (οἱ Ἄραβες) и «турки» (οἱ Τοῦρκοι)[391]: нашему автору известен дерзкий характер нападений этих двух противников, способный нанести ромейскому войску тяжелый урон. Очевидно, что под первым этнонимом следует понимать мусульманское население Сирии и Месопотамии, — автору трактата «De velitatione bellica», посвятившему свой трак-

[388] De castr., XV. P. 286, 3–288, 17.
[389] Ibid., XVII. P. 290, 4–13.
[390] Ibid., XVIII. P. 292, 26–27.
[391] Ibid., X. P. 280, 31, 63.

тат рекомендациям по отражению арабских рейдов, такой этноним также был известен[392]. Под «турками», как это было установлено еще Д. Моравчиком[393], византийские авторы X века понимали венгров, — это предположение не противоречит сообщению самого автора трактата «De castrametatione»[394]. Еще трижды арабские соперники упомянуты в виде самостоятельного этнонима, каждый раз в словосочетании «земля агарян»[395].

Кроме болгар, арабов и «турок», никакие другие военные противники империи внимания нашего автора не заслужили. При этом можно со всей определенностью утверждать, что в этом перечне одни лишь болгары представляли для него утилитарный профессиональный интерес, — свидетельства же о двух других враждебных народах играли роль вспомогательного, компаративно-иллюстративного материала. Во всех случаях, когда в трактате звучат «восточные мотивы», последние не являются предметом специального анализа, но служат лишь целям сравнений, сопоставлений или противопоставлений реалиям западной боевой практики. Особенно наглядно это проявилось в сюжете, где скудость природных богатств «болгарской земли» противопоставлена изобилию продовольственных ресурсов «земли агарян»[396].

---

[392] De vel. bell., VII. P. 162, 9.

[393] *Moravcsik Gy.* La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise // Acta Historica Academie Scientiarum Hungaricae. I. Fasc. 1–3. 1951–1952. P. 178–179.

[394] De castr., XVIII. P. 292, 27.

[395] Ibid., XXI. P. 302, 20; P. 304, 27; XXXII. P. 326, 17.

[396] Ibid., XXI. P. 304, 27–31.

При этом следует специально подчеркнуть, что в отличие от автора «De velitatione bellica», излагавшего метод боевых действий по отражению арабских нападений, применяемый на византийской территории, автор «De castrametatione» во всех пяти пассажах, где упомянуты арабы, мыслит свою армию в условиях наступательного заграничного похода. В тех двух эпизодах, когда автор «De castrametatione» называет вместе арабов и «турок», имеется в виду ситуация, когда армия ромеев совершает марш по чужим владениям. Во всех трех случаях, когда упоминается «земля агарян», речь идет либо о планируемой, либо уже о состоявшейся наступательной экспедиции на арабскую территорию. Таким образом, если предполагать наличие у автора «De castrametatione» боевого опыта сражений с арабами, то этот опыт мог быть приобретен в ходе исключительно лишь наступательных, но отнюдь не оборонительных войн. Это наблюдение будет иметь принципиальную важность при окончательном решении проблемы авторства трактатов «De velitatione bellica» и «De castrametatione».

Кроме собственного боевого опыта автора, источником рекомендаций, излагаемых в трактате, явился и опыт других военачальников[397]. В ряде мест трактата отчетливо звучат реминесценции, навеянные боевыми эпизодами сравнительно недавнего прошлого[398], но ни имен их участников, ни дат, ни

[397] De castr., XX. P. 296, 44–45; XXVI. P. 314, 4–5; P. 316, 32–34; XXIX. P. 322, 28–30 etc.

[398] Ibid., VI. P. 270, 43–44; IX. P. 276, 24–30; XV. P. 288, 17–24; XX. P. 296, 9–12.

географических координат этих событий при этом не сообщается. Следует подчеркнуть, что скупость автора «De castrametatione» на исторические имена не имеет аналогий во всей византийской военной литературе, — здесь не упомянут ни один персонаж политической или военной истории Византии и ее зарубежья. Для сравнения напомним, что именной индекс трактата «De velitatione bellica», наоборот, является самым обширным во всей письменной полемологической традиции VI–X столетий: он превосходит соответствующие показатели даже таких во много раз превышающих его объем энциклопедий, как «Стратегикон Маврикия» и «Тактика Льва»[399].

Очень слабым информационным потенциалом обладают два экскурса автора «De castrametatione» в военную историю древности. В одном случае, осуждая роскошь и расточительность некоторых современных ему архонтов, автор счел необходимым напомнить читателю, что по свидетельству «исторических книг» древние эллины и ромеи одерживали величайшие победы над своими противниками, располагая недорогим, но качественным вооружением и снаряжением[400]. В другом месте, подчеркнув необходимость постоянных военных тренировок как армии в целом, так и каждого стратиота в отдельности, автор вновь напомнил, что небольшие, но хорошо обученные войска древних ромеев и эллинов обращали в бегство многотысячные неприятельские армии[401].

[399] Соответствующие подсчеты были произведены нами во вводной статье к изданию трактата «De velitatione bellica».

[400] De castr., XVI. P. 288, 14–17.

[401] Ibid., XXVIII. P. 318, 9–11.

Ограничившись лишь констатацией данных фактов, автор трактата не счел необходимым их конкретизировать.

Столь же неопределенны ссылки автора и на труды своих предшественников по жанру, хотя такие труды ему, несомненно, были известны. Коснувшись вопроса об осадных механизмах, автор заметил, что о них «очень изобретательно рассказали древние в своих сочинениях», и поэтому он избавляет себя от их подробного описания[402]. Недетализированные, абстрактные ссылки на сочинения «древних» военных писателей встречаются в трактате еще несколько раз[403].

Как известно, ссылка на авторитет «древних» являлась весьма распространенным приемом в арсенале литературно-иллюстративных и логически-доказательных средств, к которому часто прибегали многие авторы военно-научных сочинений. Эта традиция, ведущая свое начало со времен Онасандра, Элиана и Арриана, в свое время нашла эффективное воплощение в труде Льва VI Мудрого, а через него оказала воздействие на всю позднейшую литературу. Неоднократны упоминания «древних» и в трактате «De velitatione bellica»; при этом в ряде случаев не исключена возможность расшифровки таких свидетельств[404].

---

[402] De castr., XXVII. P. 316, 9–13.

[403] Ibid., I. P. 246, 25–26 («как это было признано и древними»); II. P. 262, 8 («как это было в обычае у древних»); XV. P. 286, 3 («как об этом сказано древними и как это доказывает нам опыт»); XXVIII. P. 318, 4 («мы предали забвению заветы древних»).

[404] См. об этом во вводной статье к нашему изданию «De velitatione bellica».

Идентификация же прямых адресатов аналогичных ссылок автора «De castrametatione», в силу их крайней неопределенности, встречает практически непреодолимые препятствия. Поэтому поиск вероятных источников, которыми мог воспользоваться наш автор, возможен только способом сопоставления содержащейся в трактате реальной военно-научной информации с соответствующими рекомендациями более ранних полемологических руководств. Еще Р. Гроссе обратил внимание на то, что размеры лагерных укреплений (вала и рва), рекомендуемые нашим автором, полностью идентичны параметрам, указанным в «Стратегиконе Маврикия»; по мнению немецкого исследователя, можно обнаружить также созвучие информации «De castrametatione» с некоторыми установками Полибия, Гигина и т. н. «Византийского Анонима VI в.»[405]. К этим наблюдениям можно добавить и несколько дополнительных. Так, рекомендация автора «De castrametatione» об обнаружении и поимке вражеских лазутчиков, проникших в византийский лагерь[406], совпадает с соответствующей установкой Вегеция[407]; методика защиты лагеря с помощью триболов и сигнальных колокольчиков[408] аналогична информации Византийского Анонима[409]; организация походных передвижений

[405] *Grosse R.* Das römisch-byzantinische Marschlager. S. 113, 114, 116, 119.

[406] De castr., II. P. 262, 8–13.

[407] *Флавий Вегеций Ренат.* Краткое изложение военного дела, III, 26 // ВДИ. 1940. 1. С. 279.

[408] De castr., II. P. 262, 17–21, 26–30.

[409] Anonymus, XXIX, 6.

через клисуры[410] и способов преодоления водных преград[411] строится на основополагающих указаниях «Тактики Льва»[412]; советы по обману неприятеля с помощью переодеваний стратиотов в сборщиков фуража и продовольствия[413] опираются на старинную традицию стратегем, нашедшую, в частности, отражение в трактате «De velitatione bellica»[414].

Констатируя наличие в трактате таких и подобных им совпадений, аналогий и смысловых ассоциаций, нельзя, однако, определенно утверждать, что их присутствие здесь стало результатом непосредственного использования автором «De castrametatione» названных письменных источников. Гораздо более обоснованным будет предположение о том, что в данном случае имела место весьма типичная ситуация, в которой оказывались многие военные писатели: теоретическая информация, содержавшаяся в более ранних полемологических руководствах, пройдя многократную апробацию в конкретных эпизодах боевой практики, уже в опосредованном, а потому обезличенном виде становилась достоянием военной номенклатуры, вследствие чего определение прямых документальных источников собственного сочинения оказывалось затруднительным даже для самого его автора. Свободно оперируя обширной по объему и весьма достоверной по содержанию военно-прак-

[410] De castr., XIX–XX. P. 292–302.
[411] Ibid., XIV. P. 284–286.
[412] TL., IX. Col. 768–788.
[413] De castr., XXIII. P. 310, 19–29.
[414] De vel. bell., X. P. 174. 28–176. 54.

тической информацией, автор «De castrametatione» считает себя совершенно свободным от необходимости выяснения ее теоретических истоков, не проявляя при этом ни малейшего комплекса какой-либо творческой несостоятельности. Отсутствие в анализируемом трактате элементов «книжной учености» рассматривалось в свое время Ю. А. Кулаковским в качестве одного из его важнейших достоинств[415].

Сравнительный анализ военных реалий трактатов «De castrametatione» и «De velitatione bellica» приводит к выводу, что профессиональная подготовка их авторов (разумеется, каждого в своей области) являлась весьма высокой и по общему уровню практически не уступала друг другу. Однако результаты сопоставления научно-теоретического потенциала двух этих военных писателей убеждают в явном преимуществе автора «De velitatione bellica»: предложенный им новый метод ведения боевых действий против арабских рейдов можно без преувеличения признать серьезным вкладом в развитие военно-научной мысли[416]. На этом фоне трактат «De castrametatione» выглядит преимущественно как сухая, предметно-ограниченная инструкция сугубо практического характера. Ее автор производит впечатление грамотного, технически подготовленного специалиста, но круг стоявших перед ним задач был изначально очерчен таким образом, что не предусматривал

[415] *Кулаковский Ю. А.* Византийский лагерь конца X века. С. 63.

[416] См. об этом во вводной статье к нашему изданию «De velitatione bellica».

вторжения в сферы научно-теоретических обобщений. Вся специфика как внутреннего содержания, так и внешних форм трактата «De castrametatione» является следствием органического сочетания априорно-утилитарной цели его создания с профессионально-ограниченной самодостаточностью его создателя. В трактате трудно отыскать какие-то новые, более или менее масштабные тактические (а тем более стратегические) идеи, — здесь вообще трудно обнаружить сколько-нибудь свежие факты или живые наблюдения, которые так украшают страницы «De velitatione bellica». На этом общем рутинном фоне одним из немногих сюжетов, в котором просматриваются определенные элементы оригинальности и новизны, можно признать военную хитрость, описание которой содержится в главе XXVI «De castrametatione»[417].

Рекомендуемая стратегема рассчитана на ситуацию осады неприятельского города. Эта осада производится с опорой на военный лагерь, который развернут непосредственно перед линией городских оборонительных укреплений. Цель стратегемы заключается в разгроме неприятельского войска, выступившего из города для нападения на лагерь. Автор трактата рекомендует еще ночью укрыть в лагерных палатках, расположенных против городских ворот, значительные силы пехоты, имеющие все необходимое вооружение; командиры этих пехотных подразделений должны «превосходить остальных архон-

[417] De castr., XXVI. P. 314, 4–316, 34.

тов большей опытностью и здравомыслием». Одновременно «в надлежащих местах» должны быть размещены крупные кавалерийские засады, также возглавляемые лучшими, отборными командирами. После этого остальное войско должно быть демонстративно выведено из лагеря и размещено «в скрытом месте». Противник, увидев оставленный лагерь и полагая, что «боевые силы уклоняются от сражения», постарается воспользоваться случаем, чтобы напасть на осадные механизмы и приспособления, придвинутые к стенам города. Когда это произойдет, солдаты, охраняющие осадную технику, должны имитировать отступление в лагерь, увлекая боевые силы противника за собой. И в тот момент, когда враги, опьяненные безнаказанностью, уже будут готовы уносить награбленное, должны будут по общему сигналу выступить пехотные части византийцев, укрытые в палатках. Одновременно и кавалерийские засадные части должны блокировать городские ворота, так, чтобы неприятельским силам был отрезан путь для отступления. Самое важное в реализации задуманного плана — обеспечение строгой синхронности и согласованности во взаимодействиях всех частей и подразделений, и если это будет достигнуто, тогда успех всей операции будет гарантирован.

Следует заметить, что в рассмотренном сюжете собственно новой является не столько главная идея рекомендуемой стратегемы, сколько подробная проработка ее отдельных деталей и их комбинаций. Создается впечатление, что приведенное описание навеяно воспоминаниями о конкретных боевых эпи-

зодах, известных автору из собственного опыта[418]. И поскольку ни в одном из более ранних военно-научных сочинений данная стратегема не была изложена в столь развернутом виде, прямое абстрактно-спекулятивное заимствование в данном случае было полностью исключено.

Сопоставление писательских методов и приемов, используемых в двух анализируемых сочинениях, также приводит к выводу о преимуществе более раннего из них, — композиционные и стилистические характеристики «De castrametatione» заслуживают более сдержанной оценки: они не поднимаются выше среднего уровня, свойственного большинству полемологических сочинений византийского периода. Создается впечатление, что автор трактата о лагерном устройстве не особенно утруждал себя поисками наилучших литературных форм изложения своего материала: он не ставит своей задачей создание шедевра, рассчитанного на благодарную память потомков (для сравнения напомним, что подобная цель была специально продекларирована в «De velitatione bellica»[419]), — он озабочен разработкой инструкции,

[418] Об этом свидетельствует и стилистическая манера изложения данной информации. Глава начинается с фразы: «Против людей в городе возможно предпринимать некоторые меры, которые и мы сами, и многие другие многократно наблюдали» (De castr., XXVI. P. 314, 4–5). Не менее многозначительна и заключительная фраза: «Ведь как уже сказано, и нам самим, и многим другим известно, что таким способом не только наносилось сильное поражение врагам, но порою и крепости захватывались без боя» (Ibid., XXVI. P. 316, 32–34).

[419] De vel. bell., προοίμιον. P. 146, 7–12.

предназначенной для немедленной практической реализации и рассчитанной скорее на разовое, чем на многократное применение.

Хотя изложение материала в «De castrametatione» развернуто по определенной логической схеме, трактат не свободен от многочисленных изъянов (пропуски, вставки, повторения, реверсии и т. п.), которых вполне можно было бы избежать при более тщательной текстуальной обработке. Так, сконцентрировав информацию о лагерном устройстве в I главе, автор, казалось бы, полностью исчерпал тему, подробно описав необходимые элементы инженерного оборудования лагеря (ров, вал, дороги, палатки, выходы, «мертвое пространство») и даже снабдив свое описание соответствующими чертежами и схемами. Но уже в следующей, II главе он добавил к этим элементам несколько новых — триболы, нанизанные по 8 штук на единую веревку длиною около 10 оргий; ямы-ловушки, т. н. «ноголомы» (ποδοκλάσται), на дне которых укрепляются торчащие вверх заостренные колья; сигнальные колокольчики, нанизанные на бечевки, которые растянуты по всему периметру лагеря[420], — описание этих приспособлений составляет вторую половину II главы. Первая же половина содержит общую рекомендацию о недопустимости перемешивания в лагере подразделений, входящих в состав различных армейских формирований (тагм, фем, банд или турм), — для этой рекомендации также нашлось бы место в I главе, тем более что в ней звучали сходные мотивы. Если бы такая тек-

[420] De castr., II. P. 262, 17–30.

стуальная инверсия была осуществлена автором трактата, у него вообще отпала бы необходимость формирования специальной II главы в ее нынешнем виде, поскольку оба ее сюжета генетически едины с сюжетами I главы. Буквально то же самое можно сказать и в отношении главы XXX — состоящая всего лишь из одной фразы[421], она могла бы быть безболезненно исключена из общего реестра, если бы обе ее рекомендации (еще во время пребывания на собственной земле следует, во-первых, не менее трехчетырех раз потренироваться в разбивке лагеря и, во-вторых, совершить несколько учебно-тренировочных маршей) были присоединены к соответствующим сюжетам, раскрытым в главах I и X.

Особенно несовершенной является компоновка и стилистическая обработка двух заключительных информационных блоков «De castrametatione», начиная с его XXI главы. Очевидно, в системе приоритетов, выстроенных в сознании автора в период работы над трактатом, принципы полиоркетики занимали явно второстепенные позиции по сравнению с проблемами лагерного устройства и организации походного марша. Поэтому сам характер изложения полиоркетических сюжетов заметно отличается от императивно-установочной манеры презентации предыдущего материала: здесь гораздо больше, чем в предыдущих главах, абстрактных, отвлеченных, не очень обязательных рассуждений, несущих на себе следы отчетливого воздействия предшествующей книжной традиции. Еще более сильно это воздей-

[421] De castr., XXX. P. 322, 4–12.

ствие проявляется в заключительных главах трактата (с XXVIII по XXXII), где повествуется о возвращении армии из заграничного похода. Создается впечатление, что автор вообще избавил себя от необходимости тщательной обработки этого материала и целесообразного распределения его по соответствующим разделам (хотя порядок предыдущего изложения предоставлял ему такую возможность), — он просто собрал их воедино и механически присоединил к основному тексту, как в свое время поступал Фронтин со своими «residua». Правда, заключительная фраза трактата, несомненно, является собственно авторской, — будучи одной из самых ключевых во всем сочинении, она заслуживает особого внимания и специального анализа (см. об этом ниже).

Язык «De castrametatione» (особенно в основной части трактата) в целом достаточно строг и рационален: его лексика более технична, а стилистика более императивна, чем в трактате «De velitatione bellica». Случаи отклонения от этой обычной нормы, по которым можно было бы судить об авторской индивидуальности, чрезвычайно редки: лишь дважды удается уловить некоторые саркастические ноты[422] и трижды обнаружить в принципе не свойственную автору вычурность выражений[423]. Сухая, обезличенная презентация материала, присущая подавляющему большинству разделов «De castrametatione», резко контрастирует с живой, эмоциональной, индивидуаль-

[422] De castr., XVII. P. 290, 6–8; XVIII. P. 290, 8–9.

[423] Ibid., XX. P. 296, 11–14; XXI. P. 302, 10–15; XXIII. P. 310, 28–29.

но-специфической манерой изложения информации в трактате «De velitatione bellica», лингвистические достоинства которого, по признанию большинства исследователей, значительно превосходят ординарные показатели памятников подобного жанра.

Весьма любопытными в этом плане оказываются и терминологические сопоставления. Будучи квалифицированными специалистами-практиками, авторы обоих трактатов свободно оперируют современной им военной терминологией. Естественно, что терминологический репертуар каждого из двух авторов продиктован тематикой его собственного сочинения. В соответствии с этим, например, принципиально исключена возможность обнаружения в трактате «De velitatione bellica» терминов, используемых для обозначения должностных лиц императорского двора и его различных служб, столь обильно встречающихся в трактате «De castrametatione», особенно в его I главе, — как известно, «восточное» руководство ведет речь о событиях, предполагающих участие исключительно лишь фемных армий, без привлечения столичных воинских частей. Наоборот, можно заранее предположить, что в «западном» сочинении не найдется места для использования термина «παραδρομή», являющегося ключевым для автора «De velitatione bellica», — так оно и оказывается на самом деле. Столь же естественно термин «κούρσον», любимый автором «De velitatione bellica» и потому используемый им около сорока раз, в трактате «De castrametatione» встречается лишь дважды, причем в самом конце, явно в «residua», — один раз в совер-

шенно нейтральном контексте, где он, строго говоря, и не имеет значения технического термина[424], а второй раз — в пассаже явно компаративного характера, где он приложен именно к арабским экспедициям[425].

Однако в тех пассажах сопоставляемых трактатов, где анализируются фактически одни и те же сюжеты (вооружение и снаряжение архонтов и стратиотов, осада и оборона городов, организация маршевых колонн, разведывательная и караульная службы и т. п.), можно было бы предполагать использование более или менее единой терминологии. Между тем в трактате «De velitatione bellica» вообще не встречаются такие обычные для подобных случаев термины, как κριός, πετρόβολος, ταξιαρχία, τάφρος, τρίβολος, χελώνη, χωσάριος и др., тогда как в трактате «De castrametatione» полностью игнорируются столь же распространенные термины δόρυ, κάστρον, μάχαιρα, ξίφος, τοῦλδος (τοῦλδον), τουρμάρχης, φλάμουλον и т. п. По нашему мнению, данную коллизию гораздо логичнее снять предположением о том, что трактаты написаны различными авторами, чем, настаивая на мысли о принадлежности обоих сочинений одному и тому же лицу, пытаться объяснить разницу в его терминологических предпочтениях изменившимися обстоятельствами места и времени[426].

---

[424] De castr., XXXII. P. 326, 6.

[425] Ibid., XXXII. P. 326, 16.

[426] В этом плане заслуживают внимания соображения Ж. Дагрона о том, что военачальники, прошедшие боевую практику на Западе, помимо всего прочего, приобретали и

Итак, все предыдущие наблюдения позволяют утверждать, что автором «De castrametatione» должен быть признан военный профессионал высокой квалификации, приобретший практический боевой опыт в ходе одной или нескольких кампаний наступательного характера, протекавших преимущественно на западных рубежах империи и проведенных при непосредственном участии императора. При этом некоторые места в трактате[427] могут быть поняты так, что участие в экспедиции императора не обязательно предполагало возложение на него фактического командования армией, — реальное осуществление этой функции могло быть поручено другому лицу. Теоретически отнюдь не исключено, что автор «De castrametatione» в свое время мог находиться именно в такой ситуации. Тогда оказывается хоть в какой-то степени объяснимым тот тон выражений, близкий к менторскому, который иногда использует наш автор, адресуя свои рекомендации непосредственно императору[428].

Следует подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело с совершенно уникальной ситуацией: мы не знаем других военно-научных сочинений, авторы

специфический словарный запас, испытывающий влияние славянской лексики (*Dagron*, Traité. P. 156, 255). Так, «западный» термин χωσάριοι, который автор «De castrametatione» подчеркнуто противопоставляет «восточному» термину τραπεζῖται (De castr., XVIII. P. 292, 16–17; XXI. P. 302, 5–6), имеет вполне определенное болгарское происхождение (*Dagron*, Traité. P. 253–254, n. 52).

[427] De castr., VII. P. 272, 14–15; IX. P. 276, 26–27.

[428] Ibid., X. P. 280, 37–38, 69–72; XXIII. P. 308, 5–9.

которых позволяли бы себе подобные императивные обращения к императорской особе. В принципе здесь возможны два объяснения: либо данный трактат представляет собой частные заметки, не имеющие официального характера и не предназначенные для практического использования, либо обстоятельства, вызвавшие к жизни данную инструкцию, были настолько экстраординарны, что давали ее разработчику реальное право на подобный характер высказываний. Первое из предположений должно быть сразу отведено, — его опровергает уже сама письменная традиция, определившая местонахождение данного трактата в составе корпуса практических военных руководств. Второе же предположение, представляющееся гораздо более основательным, приобретает характер обстоятельства, существенно сужающего круг вероятных претендентов на роль участников данной ситуации, в особенности адресата, чаще всего (более чем в двадцати случаях) скрываемого под формулой «наш священный император».

Дж. Дэннис (вслед за Ю. А. Кулаковским) справедливо полагает, что в этом адресате невозможно видеть ни Никифора Фоку, ни Иоанна Цимисхия, — их выдающиеся военные достижения мало совместимы с ролью реципиентов чужого боевого опыта, пусть даже если этим опытом делятся «доверенный советник, старший родственник или друг»[429]. Следовательно, единственным претендентом на эту роль остается Василий II, причем время, когда было раз-

[429] *Dennis*, De castr. P. 242; ср.: *Кулаковский Ю. А.* Новоизданный византийский трактат. С. 656.

работано предназначенное для него руководство, логично будет максимально сдвинуть к самому началу его военной карьеры, когда он не столько реально выполнял функции главнокомандующего, сколько проходил своеобразную стажировку при более опытных военачальниках.

Как известно, свой первый, крайне неудачный поход в Болгарию Василий совершил летом 986 г., имея 28 лет от роду. Яркое описание похода, завершившегося поражением 17 августа, оставил Лев Диакон, который, по его собственным словам, был непосредственным участником этих событий[430]. Насколько нам известно, в литературе еще не предпринимались попытки сравнительного анализа информации двух столь различных по характеру исторических источников, какими являются повествование Льва Диакона и трактат «De castrametatione». Между тем такое сопоставление приводит к выводу об удивительном созвучии сообщений двух названных источников: буквально каждому эпизоду экспедиции 986 г. можно найти параллели в аналогичных пассажах данного трактата; в свою очередь, фактически все рекомендации «De castrametatione», каждая из которых, взятая в отдельности, основана на каком-то конкретном, однократном, одномоментном факте или явлении, будучи систематизированными, укладываются в комплекс единого военного события. При этом весьма показательно, что в отличие от бравурного, мажорного звучания, характерного для трак-

[430] *Лев Диакон.* История. X, 8. С. 89–90.

тата «De velitatione bellica», пропагандирующего победный боевой опыт, большинство реминесценций «De castrametatione» окрашено преимущественно в негативные либо даже трагические тона (неудачи, сопровождающие осаду неприятельских городов; тяжелые последствия нехватки питьевой воды и продовольствия; препятствия, угрожающие войску при переходе через клисуры и водные преграды; опасность потери управления войсками во время поспешного отступления и т. п.). Характерно также, что все пейзажные зарисовки «De castrametatione» являются исключительно летними: здесь невозможно обнаружить ни одной зимней детали. Представляется вполне логичным предположение о том, что автор «De castrametatione», подобно Льву Диакону, сам был очевидцем всех этих невзгод и неудач, и главная цель его труда состояла именно в том, чтобы предостеречь от повторения ошибок сравнительно недавнего прошлого. И если в дополнение к сказанному допустить, что автор выполнял поручение, данное ему от имени высшего политического и военного руководства империи, тогда не покажутся странными его прямые императивные указания, адресованные непосредственно императору, на котором лежала значительная доля вины за неудачу экспедиции.

Таким образом, поражение в походе 986 г. определяется нами как рубеж, с которого может отсчитываться время создания «De castrametatione». Конечным хронологическим пределом мы склонны считать 991 г., которым открывается новый цикл антиболгарской политики Василия. Не исключено, что при

осуществлении четырехлетней кампании, начавшейся в 991 г., в которой «царь Василий вполне обнаружил как военный талант, так и железный характер, выкованный теми жестокими испытаниями, какие им были пережиты»[431], в полной мере был учтен тот трагический опыт 986 г., который был осмыслен и обобщен, в частности, и в соответствующих военных руководствах. При этом, разумеется, ничто не мешает предполагать и использование опыта болгарских кампаний предшествующих императоров — как Никифора Фоки (если его поход все-таки имел место[432]), так и Иоанна Цимисхия.

Предложенная в свое время Ю. А. Кулаковским датировка «De castrametatione» (между 991 и 995 гг.) обосновывалась упоминанием в трактате воинского подразделения «росов», которое инициатор такой датировки именовал «русским гвардейским отрядом»[433]. Однако, по нашему мнению, ни один из трех пассажей «De castrametatione», где упомянут этноним «Ῥῶς»[434], не может быть однозначно истолкован в подразумеваемом Ю. А. Кулаковским смысле. Судя по контексту, речь идет о небольшом отряде наемников численностью не более одной тагмы (около 150 чел.), этническая принадлежность которых остается совершенно неясной. По крайней мере, мы не

---

[431] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 417.

[432] См. об этом: *Иванов С. А.* Византийско-болгарские отношения в 966–969 гг. // ВВ. 1981. 42. С. 88–100.

[433] *Кулаковский Ю. А.* Новоизданный византийский трактат. С. 657–659; ср.: BZ. 1902. 7. S. 555–556.

[434] De castr., X. P. 280, 38; XIX. P. 294, 35; XXV. P. 312, 19.

видим никаких оснований связывать этот отряд с тем 6-тысячным корпусом, который был предоставлен в распоряжение Василия II киевским князем Владимиром Святославичем. Следовательно, время прибытия этого корпуса в Константинополь (между летом 987 г. и летом 988 г.) не может рассматриваться как императивный terminus ante quem создания трактата, и предлагаемая выше датировка («по горячим следам» после катастрофы 986 г.) представляется нам более предпочтительной.

Возвращаясь к проблеме авторства двух трактатов, обратим внимание еще на одно важное обстоятельство. Мнение некоторых исследователей о принадлежности «De velitatione bellica» и «De castrametatione» одному и тому же лицу основывалось, в сущности, на единственном серьезном аргументе. Как известно, во введении к «De velitatione bellica» сказано, что автор трактата, действуя по прямому поручению уже покойного Никифора Фоки, занят обобщением опыта отражения арабских рейдов, которые, впрочем, уже перестали быть столь регулярными и опасными, как в прежние времена: могущество мусульманских соседей к периоду создания трактата было уже значительно ослаблено. Далее автор дает понять, что он получил задание Никифора Фоки проанализировать и имеющийся у него опыт ведения войн на Западе, но об этом он намерен рассказать специально в другом месте, — пока же он ограничивается обобщением только восточного опыта[435]. Смысл данного заявления возбуждает естественный со-

[435] De vel. bell., προοίμιον. P. 148, 51–56.

блазн увидеть в «западном» сочинении о лагерном устройстве реализацию программы, декларированной в «De velitatione bellica», тем более что завершающая сентенция «De castrametatione», где содержится обратная ссылка на восточный опыт[436], казалось бы, замыкает цепь требуемых доказательств.

Однако внимательный анализ последних фраз «De castrametatione» не только не укрепляет, а, напротив, разрушает всю логическую конструкцию: в этих фразах невозможно усмотреть ничего более, чем заявление о способности изложить опыт наступательных рейдов в землю агарян, предпринимаемых с целью разорения этой земли. Следовательно, не имеется никаких оснований трактовать данный пассаж как ссылку автора на собственное, написанное им ранее сочинение: этому препятствует и условно-сослагательный тон заявления, и особенно — ориентировка на наступательный, а не на оборонительный характер подразумеваемых боевых действий. Мало того, из общего контекста заключительных фраз «De castrametatione» вообще не следует, что наш автор отсылает читателя к какому-то предшествующему конкретному военному сочинению: просто сказано, что «немалый опыт большинства стратигов» делает излишним повторение того, что уже широко известно. В целом, общее абстрактное звучание завершающего пассажа «De castrametatione» лишает его, по нашему мнению, какого-либо аргументирующего потенциала.

Таким образом, весь ход сравнительного анализа двух трактатов все более и более укрепляет нас в

[436] De castr., XXXII. P. 326, 16–18.

убеждении, что для признания их единой авторской принадлежности не имеется ни фактических, ни формальных оснований. «Несомненное родство» трактатов, зафиксированное А. Дэном[437], мы согласились бы безоговорочно распространить на бесспорный профессионализм и богатый практический опыт их авторов, да, пожалуй, еще (но уже с некоторыми оговорками) на совпадающую оценку негативных черт стратиотской службы, — кстати, этому последнему факту уже давно нашел удачное объяснение Ю. А. Кулаковский: оба автора, по его предположению, принадлежали к одному социальному кругу и вдохновлялись общими идеями[438].

Что же касается старой гипотезы Р. Вари о принадлежности «De castrametatione» Никифору Уранну, — гипотезы, с которой вслух или молчаливо солидаризировалось большинство исследователей, — то при нынешнем состоянии источников она не может быть ни опровергнута, ни подкреплена какими-либо дополнительными аргументами. По мысли Дж. Дэнниса, подобное предположение имеет основания претендовать на справедливость, но не обладает бесспорной фактической обеспеченностью[439].

---

[437] *Dain A.* Les stratégistes. P. 369.

[438] *Кулаковский Ю. А.* Новоизданный византийский трактат. С. 651–652; ср.: BZ. 1902. 7. S. 557.

[439] *Dennis*, De castr. P. 242. «Впечатления и вероятности, — замечает Дж. Дэннис несколько ниже (p. 243) по другому поводу, — безусловно, не являются доказательствами, но до тех пор, пока нечто более убедительное не будет обнаружено, они должны быть признаны достаточными».

Время создания трактата «De castrametatione», несомненно, более позднее, чем трактата «De velitatione bellica»[440], — противоположное решение, к которому склонялся в свое время К. Б. Хазе[441] и которое разделял Р. Вари[442], следует признать явно ошибочным. Вместе с тем представляется, что хронологический разрыв между трактатами, определяемый Дж. Дэннисом максимально в четверть века[443], не должен быть слишком большим: если будет логично отнести дату создания «De velitatione bellica» к ближайшим годам после смерти Иоанна Цимисхия[444], тогда предельная датировка Дж. Дэнниса увела бы трактат о лагерном устройстве за рубеж X века, — вследствие этого его рекомендации в значительной степени утратили бы свой практически-значимый характер, о котором так настойчиво печется автор «De castrametatione».

В заключение — еще несколько хронологических подсчетов. Из собственных слов автора «De velitatione bellica»[445] следует, что он приобрел свой пер-

---

[440] С таким хронологическим соотношением трактатов согласен и Ж. Дагрон (*Dagron*, Traité. P. 155–156). Однако предлагаемая им датировка «De castrametatione» (последнее десятилетие X века или первое десятилетие XI века — Ibid. P. 157) представляется нам слишком поздней.

[441] См об этом: *Dain A.* Les stratégistes. P. 369–370.

[442] Incerti scriptoris byzantini. S. XXI.

[443] *Dennis*, De castr. P. 241.

[444] См. об этом: *Dagron*, Traité. P. 163, 174, 287. Такую датировку считал приемлемой еще первый переводчик трактата «De velitatione bellica» на русский язык — см.: О сшибках. С. XIII.

[445] De vel. bell., προοίμιον. P. 148, 31–39.

вый боевой опыт (судя по контексту, уже архонтский) под командованием Варды Фоки, в бытность последнего стратигом Каппадокии и Анатолики. Наиболее вероятным временем пребывания будущего кесаря на этих должностях признается период между 910 и 919 годами[446]. Следовательно, уже во время работы над трактатом «De velitatione bellica» его автор обладал весьма почтенным (более чем семидесятилетним) возрастом. Предположение же о том, что через 10–12 (а тем более — через 25) лет этот же человек мог написать новое военно-научное сочинение, представляется совершенно невероятным.

Данный аргумент окончательно утверждает нас в убеждении, что возможность взаимной идентификации создателей трактатов «De velitatione bellica» и «De castrametatione» следует признать полностью исключенной. Вследствие этого вопрос, могли ли два этих трактата принадлежать одному и тому же автору, заслуживает, по нашему мнению, однозначно отрицательного ответа.

* * *

Общая военно-стратегическая концепция, пронизывающая трактат «De castrametatione», является наступательной. Однако в условиях похода византийской армии на территорию врага главное внимание автора сосредоточено на разработку рекомендаций, призванных обеспечить безопасность экспеди-

[446] *Cheynet J.-K.* Les Phocas // *Dagron*, Traité. P. 298.

ционных сил на всех стадиях военной кампании, — от ее начальных до самых заключительных этапов.

Перед началом экспедиции, еще во время пребывания в собственной земле, должны быть осуществлены серьезные подготовительные мероприятия[447]. Прежде всего надлежит произвести смотр всего личного состава готовящейся к походу армии и распределить воинов по подразделениям с учетом состояния их здоровья, качества вооружения и снаряжения, опыта военной службы и т. п. После окончательного укомплектования армии рекомендуется провести широкомасштабные воинские учения, чтобы солдаты приобрели практический навык совершения марша с соблюдением всех необходимых требований. Весьма полезной будет и тренировка в разбивке лагеря — это следует проделать не менее трех-четырех раз[448]. Архонты всех рангов должны вести строгий учет своих подчиненных, не допуская их отставания от войска, ибо всем отставшим в чужой земле грозит гибель от рук врага. Когда армия, возвращаясь из похода, вновь вступит на свою землю, следует еще раз произвести общий строевой смотр, чтобы не допустить самовольного ухода солдат из армии до всеобщего увольнения. По мнению автора трактата, организация указанных смотров и учений должна рассматриваться в качестве одного из важнейших элементов обеспечения безопасности экспедиционной армии[449].

---

[447] De castr., XXIX–XXX. P. 320–322.

[448] Ibid., XXX. P. 322, 4–12.

[449] Ibid., XXIX. P. 320, 3–4.

Вступлению армии на территорию врага должна предшествовать тщательная разведка будущего театра военных действий. При описании сюжетов, связанных с разведкой, автор не дает ничего принципиально нового по сравнению с рекомендациями трактата «De velitatione bellica»: вновь речь идет о шпионах (катаскопах) и диверсантах (χωσάριοι или τραπεζῖται[450]), заранее направленных во вражеские земли. Имеется лишь одна свежая деталь, заметно оживляющая описание. Автор «De castrametatione» полагает, что иногда наиболее точную информацию о планах противника могут доставить не катаскопы и не добровольные перебежчики, а местные жители, захваченные трапезитами. После соответствующей подготовки некоторые из этих людей могут быть отправлены назад на родину с обязательством собрать сведения, интересующие византийское командование. В этих условиях жизнь членов их семей, задержанных в качестве заложников, послужит достаточной гарантией качественного выполнения шпионских заданий[451].

Для обеспечения безопасности армии в условиях заграничного похода гораздо большую роль, чем в собственной земле, призваны сыграть проводники (δουκάτωρες), — в их честь в трактате «De castrametatione» звучит настоящий панегирик. Главная функция дукаторов — способствовать общему благу ар-

[450] Этимология терминов подробно проанализирована Ж. Дагроном (*Dagron*, Traité. P. 253–254). См. также примечания №№ 172, 246 и 426.

[451] De castr., XVIII. P. 292, 28–33. Сходный мотив звучит в аналогичной рекомендации Анонима (Anonymus, XLII, 8).

мии, и поскольку без них не может быть достигнута никакая цель, они заслуживают самого внимательного и заботливого к ним отношения. Опытный и умный дукатор — это не просто человек, знающий дороги (ибо сведения о дорогах может сообщить самый последний из крестьян), — он должен обладать детальным знанием всех особенностей вражеской территории, чтобы провести армию через самые опасные переходы, чтобы указать самые удобные места для лагерных стоянок, чтобы определить самые благоприятные пункты для захвата пленных и добычи[452].

Естественно, что более масштабной становится и проблема продовольственного обеспечения армии. Автору трактата известно, что земля болгар не отличается изобилием продовольственных ресурсов; особенно мало в ней ячменя — главного корма для лошадей. По самым оптимальным подсчетам, армия не может нести с собой более чем 24-дневный запас ячменя, и если не будет организовано своевременное поступление припасов из собственной страны, экспедиция будет обречена на неудачу[453]. С учетом этого обстоятельства настоятельно рекомендуется освободить армию от обременительного обоза, загроможденного предметами роскоши и дорогим, но бесполезным снаряжением, от лишнего скота, от праздных людей из числа обслуживающего персонала, — по энергичному заявлению автора, вся эта бесполезная толпа будет только понапрасну расходовать продовольствие, и войску, оставшемуся без ресурсов,

[452] De castr., XVIII. P. 290, 3–292, 15.
[453] Ibid., XXI. P. 302, 18–304, 35.

придется возвратиться домой, не достигнув никаких результатов[454]. Особенно важно решить проблему снабжения армии питьевой водой. Вести армию через безводные пространства, а тем более делать там остановки, даже вынужденные, совершенно недопустимо, ибо жажда не менее губительна, чем неприятельское войско. Следует всегда предпочитать такие маршруты, которые гарантируют наличие воды, даже если они окажутся втрое и вчетверо длиннее: лучше потерять время, чем поставить армию на грань катастрофы[455].

Вся остальная информация трактата скомпонована вокруг тех основных ситуаций, в которых может оказаться императорская армия, вступившая во вражеские пределы. Одним из наиболее типичных является положение, когда армия находится в состоянии марша, и поэтому меры по обеспечению безопасности войсковой походной колонны излагаются в трактате с максимальной подробностью[456]. Из всех кавалерийских подразделений, насчитывающих 8200 чел., формируются шесть походных боевых групп по 1200 чел. в каждой; остальные 1000 чел. составляют личную паратаксию императора, его главный резерв, и не входят в эти расчеты. Первая группа, выдвинутая вперед, будет играть роль походного авангарда; в ее задачу входит разведка пути и передача всех полученных сведений императору. За нею должны следовать в развернутом строю еще три такие же груп-

[454] De castr., XV. P. 286–288.
[455] Ibid., XIII. P. 284.
[456] Ibid., X. P. 278–282.

пы. Две оставшиеся группы, расположенные по обе стороны от императорской паратаксии, замыкают колонну кавалерийских подразделений. На определенной дистанции позади кавалерии должны совершать марш пехотные части общей численностью 16 тыс. чел. С каждого из флангов они должны быть прикрыты тремя подразделениями по 300 человек в каждом, — эти подразделения передвигаются, вытянувшись в цепочку друг за другом. Все вспомогательные части (прислуга, обоз, техника, вьючные животные) должны быть во время марша размещены в середине походной колонны пехоты. Для защиты от нападений с тыла выделяется арьергард (σάκα[457]) в составе шести подразделений, прикрытый мобильным отрядом всадников численностью 100 чел. Эти общие принципы, сформулированные выше, отнюдь не преподносятся в качестве непреложных императивов. Богатый практический опыт, которым, несомненно, обладал автор трактата, дал ему возможность рассмотреть самые разнообразные способы совершения марша во вражеской земле (марш по открытой или закрытой, населенной или необжитой местности; марш в обычном, ускоренном или интенсивном темпе; марш через узкие горные перевалы; марш с переправой через водную преграду; марш в условиях реальной угрозы нападения противника или без таковой и т. д. и т. п.). Подробно излагая всю эту информацию, автор трактата предоставляет военному командованию возможность широкого выбора наи-

[457] См. об этом: *Dain A.* Σάκα dans les traités militaires. P. 94–96.

лучших вариантов обеспечения безопасности походных порядков армии в зависимости от специфики боевой обстановки.

Чрезвычайно важной является и проблема обеспечения безопасности маршрутов движения, своевременного выявления и заблаговременной ликвидации вражеских засад. Свою максимальную актуальность эта проблема приобретает на двух противоположных этапах военной кампании: начальном, когда византийская армия только вступает в землю неприятеля, и заключительном, когда ей предстоит покинуть вражеские пределы. Установки на этот счет, излагаемые в трактате «De castrametatione», по существу являются зеркально противоположными соответствующим рекомендациям трактата «De velitatione bellica» (ср., например, главы XIX–XX первого и III–IV второго из названных трактатов).

Не менее типичной ситуацией в условиях заграничного похода является расположение армии в лагере. Вопросы лагерного устройства привлекают пристальное внимание автора «De castrametatione»; не удивительно поэтому, что они изложены здесь с гораздо большей подробностью, чем это сделано во всех других военных руководствах X века.

Проблемы безопасности должны стоять в центре внимания военного руководства задолго до начала реального функционирования лагеря — они должны быть непременно учтены еще в момент выбора местности, удобной для лагерной стоянки. Лагерь не следует располагать вблизи горы, густого леса или холмистой гряды, так как эти природные объекты могут

послужить местами тайного сосредоточения неприятеля[458]. Лучше всего, когда с одной или нескольких сторон лагерь будет иметь естественную защиту (крупная река или озеро, отвесная скала, ущелье). Если река небольшая, целесообразно расположить лагерь по обеим ее берегам, — заодно, при надлежащем соблюдении гигиенических требований, будет решена и проблема обеспечения войска питьевой водой[459].

Самой безопасной формой лагеря считалась квадратная или прямоугольная: при нападении на лагерь такой формы противник будет вынужден рассредоточивать свои силы, что приведет к их ослаблению[460]. Лагерь округлой формы наиболее уязвим: противник может окружить его, не разрывая связи между своими подразделениями, — таково мнение древних авторитетов, с которыми автор трактата вполне согласен[461]. Однако собственный опыт убеждает его в том, что реальная действительность может внести существенные коррективы в эти идеальные схемы. Иногда рельеф местности вынуждает придать лагерю весьма неустойчивую конфигурацию — треугольную, круглую, очень вытянутую, слишком удлиненную и т. п. Разумеется, следует постараться как

[458] Об этом писал еще Вегеций (I, 21–25; III, 8). Аналогично решался этот вопрос и в «Тактике Льва» (TL, XI, 1; XI, 37).

[459] De castr., I. P. 248, 51–59. Эта рекомендация встречается и в «Тактике Льва» (TL, XI, 33).

[460] Это мнение было высказано и в «Тактике Льва» (TL, XI, 29).

[461] De castr., I. P. 246, 18–29.

можно скорее подобрать более подходящее место для лагерной стоянки. Но пока это невозможно, надлежит предпринять дополнительные меры по обеспечению безопасности такого ненадежного лагеря, отправив, в частности, специальные боевые отряды тяжелой и легкой пехоты для занятия всех высот, господствующих над лагерем[462]. Мало того, местность может оказаться настолько неблагоприятной, что придется делить войско на две части и сооружать два отдельных лагеря, — конечно же, в этом случае потребуются еще большие усилия по их защите[463].

Согласно установкам трактата «De castrametatione», все средства обеспечения безопасности лагеря делятся на две основные группы. Первую группу составляют те средства, которые можно отнести к разряду технических. К ним в первую очередь относится ров, имеющий глубину 7–8 футов и ширину 5–6 футов; земля, извлеченная изо рва и нагромождаемая с внутренней стороны, образует вал соответствующей высоты[464]. Ров и вал должны проходить по всему периметру лагерной стоянки (напомним, что периметр лагеря для войска численностью 24 тыс. чел. составлял 4000 оргий, т. е. около 8 км.). Лагерь имел 12 входов (по 3 с каждой стороны), связанных между собой дорогами. Безопасность входов обеспечивалась их ступенчатой конфигурацией: каждый входящий должен был дважды изменить направле-

[462] De castr., VI. P. 270, 32–272, 61.

[463] Ibid., VII. P. 272–274.

[464] Ibid., I. P. 250, 88–90. Цифры идентичны тем, которые названы в «Тактике Льва» (TL, XI, 15. Col. 796 C–D).

ние своего движения, оба раза на 90 градусов; при этом он находился под угрозой обстрела сразу с трех сторон[465]. Палатки пехоты должны быть отодвинуты от вала в глубь лагерной территории не менее чем на 22 оргии (44 м.). На это свободное пространство должны были падать, не долетая до палаток, зажигательные снаряды противника[466]. Наиболее защищенной частью лагеря, его цитаделью, являлся центральный квадрат, где размещались ставка императора, штаб и командование армии, подразделения гвардии, различные дворцовые службы[467]. Подступы к лагерю с внешней стороны защищались ямами-ловушками[468], на дне которых устанавливались заостренные деревянные стержни. Сзади эти ямы обозначались особыми приметами (обычно кучами земли или песка), известными собственному войску. В промежутках между ямами-ловушками рассыпались триболы — металлические шарики с торчащими вверх остриями[469]. Наконец, вокруг всего лагеря на

---

[465] De castr., I. P. 248–250, 71–87.

[466] Ibid., III. P. 264, 12–15. В «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, XII B, 22) ширина указанного свободного пространства определена в 300–400 шагов; Лев VI (TL, XI, 16) повторил эти цифры. Оба свидетельства следует признать явной ошибкой. Еще И. Шеффер (Arriani Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim. Graece primus edit, versione latina notisque illustrat J. Schefferus. Upsaliae, 1664. P. 350) при переводе «Стратегикона» вполне обоснованно сократил данные цифры в десять раз.

[467] De castr., I. P. 250, 107–252, 127.

[468] Ibid., II. P. 262, 21–22.

[469] Первое описание триболов встречается в трактате Вегеция (III, 24), а время их изобретения приурочивается к

специальных кольях натягивались бечевки с колокольчиками[470].

Вторую группу средств обеспечения безопасности лагеря составляли мероприятия военно-организационного характера. Трактат предусматривает развертывание сети сторожевых, караульных и дозорных патрулей, несущих службу как внутри лагеря, так и за его пределами. Внутренние сторожевые патрули совершали в течение ночи регулярные обходы лагерного расположения, передвигаясь внутри свободного пространства, отделяющего палатки пехоты от валов. Снаружи лагеря на расстоянии полета стрелы от рва выставлялась первая цепь пеших караульных постов, именуемых внутренними виглами. Каждая внутренняя вигла состояла из 8 чел.; дистанция между ними определялась в 50 оргий (100 м.). Вторая цепь пеших постов, именуемых внешними виглами, развертывалась на расстоянии броска камня от цепи внутренних вигл; в каждой вигле внешней линии несли службу по 4 пехотинца. Каждая из 16 таксиархий пехоты должна была выставить на ночное дежурство по 5 внешних и по 5 внутренних вигл[471].

Снаружи двух указанных поясов пеших вигл в наиболее угрожающих направлениях развертыва-

периоду войн римлян с Антиохом и Митридатом. Особую приверженность к применению триболов питал в свое время Аноним VI в. (см. об этом: *Кучма В. В.* «Византийский Аноним VI в.». С. 83).

[470] De castr., II. P. 262, 17–30. Аналогичное свидетельство — Anonymus, XXIX, 6.

[471] De castr., IV. P. 264, 4–266, 11.

лись еще два эшелона конных вигл. Каждая кавалерийская вигла внутренней (ближайшей к лагерю) линии состояла из шести всадников, каждая вигла внешней (более удаленной от лагеря) линии — из четырех всадников. Если местность была ровной и открытой, кавалерийские виглы брали под наблюдение все окрестности лагеря в отведенном им секторе. Если же общий обзор местности оказывался невозможным, их преимущественное внимание сосредоточивалось на надежной охране только тех дорог, которыми мог воспользоваться неприятель. В других, менее опасных секторах охрана подступов к лагерю осуществлялась одними лишь пехотными патрулями[472]. Все солдаты, несущие караульную службу, должны быть проинструктированы своими командирами, чтобы ночью, при получении какого-либо тревожного сообщения, они не бросались беспорядочной толпой под защиту лагерных укреплений, — им надлежит организованно отступить и спокойно войти в лагерь, не повредив ограждений с колокольчиками. Сведения о противнике, которыми располагают караульные, должны быть немедленно переданы по инстанции и в случае необходимости доложены лично императору[473].

В условиях лагерной стоянки на одно из первых мест выдвигается задача обеспечения фуражом боевых коней и тяглового скота. Поэтому представляется вполне объяснимой и уместной та обстоятельность, с которой в трактате разработан соответству-

[472] De castr., IV. P. 266, 12–24.
[473] Ibid., IV. P. 266, 27–34.

ющий раздел[474]. При этом бросается в глаза, что наш автор озабочен не столько самой технологией сбора фуража (ибо такая технология была достаточно подробно освещена в предшествующей военно-научной литературе), сколько мерами по обеспечению безопасности сборщиков, в роли которых выступали люди из числа обозной прислуги. Рекомендации, высказанные на этот счет, не лишены новизны и оригинальности, а их масштабность определялась степенью значимости проблемы: к охранным мероприятиям привлекались кавалерийские части, исчисляемые иногда сотнями бойцов, а отдельные эпизоды требовали личного вмешательства самого императора[475].

Что касается внутреннего устройства лагеря, то на этот счет в трактате «De castrametatione» излагаются как традиционные, уходящие в глубь исторической традиции сведения, так и некоторые новые идеи, заслуживающие самого пристального внимания.

Известно, что роль каркаса лагерного расположения, обеспечивавшего единство и целостность всей его структуры, играла система внутренних коммуникаций, представленная различными вариантами больших и малых дорог. Трассировка внутрилагерных коммуникаций (в процессе привязки к местности общего периметра лагеря) являлась одной из самых важных и неотложных среди обязанностей минсуратора — все последующие работы по обустройству отдельных элементов лагеря (ворот, «пус-

[474] De castr., XXII–XXIV. P. 308–312.
[475] Ibid., XXIV. P. 310, 7–12.

того пространства», дерево-земляных оборонительных сооружений, других средств обеспечения безопасности) оказывались производными от этих первоочередных действий. Схема дорог предопределяла месторасположение различных воинских частей и подразделений с учетом критериев их элитарности (личная гвардия императора — столичные гвардейские полки — фемные ополчения), военно-профессиональной специализации (кавалерия — пехота — инженерные войска) и функционального предназначения (боевые контингенты — вспомогательные службы). В конечном счете именно в системе коммуникаций, предопределявшей остальные технические параметры лагеря, оказывались как бы заранее запрограммированы все вероятные возможности его будущего реального использования, — в первую очередь допустимые варианты его практического боевого применения.

В полной мере сознавая роль лагерных коммуникаций, автор трактата уделил им первостепенное внимание. Свое описание важнейших блоков лагерного расположения он дополнил соответствующими чертежами, к которым сделал несколько отсылок[476]. Однако те чертежи, которые имеются в сохранившихся рукописях «De castrametatione», отнюдь не оправдывают возлагаемых на них надежд: ни один из них в своих деталях не соответствует авторскому описанию. В лучшей из сохранившихся рукописей (Codex Vaticanus graecus 1164 = V), датируемой первой половиной XI века (возможно, ранее 1020 г.), имеются пять полностраничных иллюстративно-гра-

фических изображений, четыре из которых представляют собой эскизы общего очертания лагеря, а пятый — наброски некоторых военных машин, скорее всего осадных; к двум другим рукописям (Codex Scorialensis graecus 281 [Y-III-11] = S и Codex Barberianus graecus II, 97 [276] = B) иллюстративные изображения также приложены, но они отличаются от эскизов рукописи V некоторыми вариациями. Указанные изображения, известные еще первым издателям трактата (Ш. Гро, А. Мартену, Р. Вари), не были, однако, воспроизведены ими в своих изданиях. Копиями эскизов располагал и Ю. А. Кулаковский. Изучив их, он пришел к заключению, что эскизы «не дают нам картины того, что действительно представлял собою лагерь на плане», а представляют «лишь схематические рисунки, в которых вовсе не соблюден масштаб, некоторые детали произвольно увеличены, другие опущены. Таким образом, сохранившиеся в рукописях рисунки не могут оказать существенной помощи для понимания текста, и на основании их нельзя дополнить тех данных, о которых автор не нашел нужным помянуть в тексте именно ввиду приложенных к тексту чертежей»[477].

Впервые все пять изображений из рукописи V воспроизведены в американском издании 1985 г.[478]. Уже первого взгляда на них достаточно для того, что-

[476] См., напр.: De castr., I. P. 254, 165–166, 185; VI. P. 270, 25–26.

[477] *Кулаковский Ю. А.* Византийский лагерь конца X в. С. 68.

[478] *Dennis*, De castr. P. 257–261.

бы убедиться в справедливости вывода Ю. А. Кулаковского. На причину сложившегося несоответствия справедливо указано Дж. Дэннисом: можно предполагать, что эскизы рукописи V (а тем более рукописей S и B) несинхронны более ранним изображениям оригинала, поскольку в промежутке между оригиналом и рукописью V могли быть созданы одна или две, а возможно, и три копии[479].

С учетом всего вышеизложенного каждый интерпретатор текста «De castrametatione» оказывается перед необходимостью реконструировать план лагеря самостоятельно. Соответствующая попытка была впервые предпринята Ю. А. Кулаковским[480]. Ее следует признать вполне удачной; когда десятилетие спустя Р. Гроссе обосновал собственную схему[481], она практически полностью (за исключением мелких второстепенных деталей) совпала с чертежом, предложенным Ю. А. Кулаковским.

Принципиальная схема лагеря выглядела следующим образом (см. чертеж № 1). Пространство, занимаемое лагерем, имело квадратное очертание со стороной 1000 оргий[482]; передней стороной лагеря всегда считалась восточная. В каждой стороне оборудовались по 3 выхода, соединенных между собою

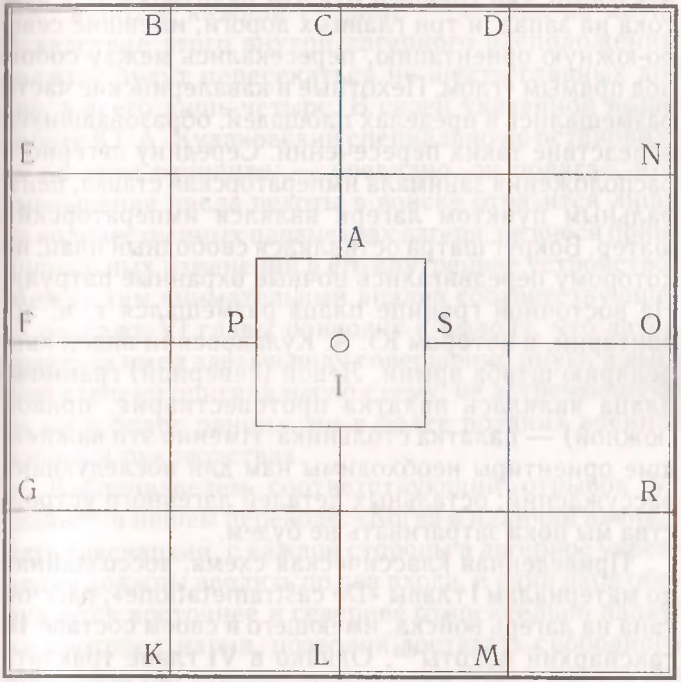
---

[479] *Dennis*, De castr. P. 243.

[480] *Кулаковский Ю. А.* Византийский лагерь конца X в. С. 75.

[481] *Grosse R.* Das römisch-byzantinische Marschlager. S. 113.

[482] В переводе Ю. А. Кулаковского одна оргия приравнивается к русской сажени (последняя по императорскому указу 1835 г. определялась в 213, 36 см.).



Чертеж № 1. Принципиальная схема дорог лагеря, рассчитанного на войско, имеющее 16 таксиархий пехоты

Условные обозначения:

I — императорский шатер, A — архонтарий, P — палатка протовестиария, S — палатка стольника;

B, C, D — ворота восточной (передней) стороны лагеря; E, F, G — ворота северной стороны; K, L, M — ворота западной стороны; N, O, R — ворота южной стороны.

дорогами. Три главных дороги, проходившие с востока на запад, и три главных дороги, имевшие северо-южную ориентацию, пересекались между собою под прямым углом. Пехотные и кавалерийские части размещались в пределах площадей, образовавшихся вследствие таких пересечений. Середину лагерного расположения занимала императорская ставка; центральным пунктом лагеря являлся императорский шатер. Вокруг шатра оставлялся свободный плац, по которому передвигались ночные охранные патрули. На восточной границе плаца размещался т. н. архонтарий, в котором Ю. А. Кулаковский видел канцелярию штаба армии. Левой (северной) границей плаца являлась палатка протовестиария, правой (южной) — палатка стольника. Именно эти важнейшие ориентиры необходимы нам для последующих рассуждений; остальных деталей лагерного устройства мы пока затрагивать не будем.

Приведенная классическая схема, воссозданная по материалам I главы «De castrametatione», рассчитана на лагерь войска, имеющего в своем составе 16 таксиархий пехоты[483]. Однако в VI главе трактата рассмотрен вариант[484], когда численность пехотного войска составляет всего лишь 12 таксиархий. В этом случае протяженность каждой стороны лагеря долж-

[483] По свидетельству самого автора «De castrametatione» (De castr., I. P. 246, 11–13), *таксиархия* является контингентом пехоты общей численностью 1000 человек, включающим 500 тяжеловооруженных воинов (*оплитов*), 200 метателей дротиков (*аконтистов*) и 300 лучников (*токсотов*).

[484] Ibid., VI. P. 268, 3–270, 31.

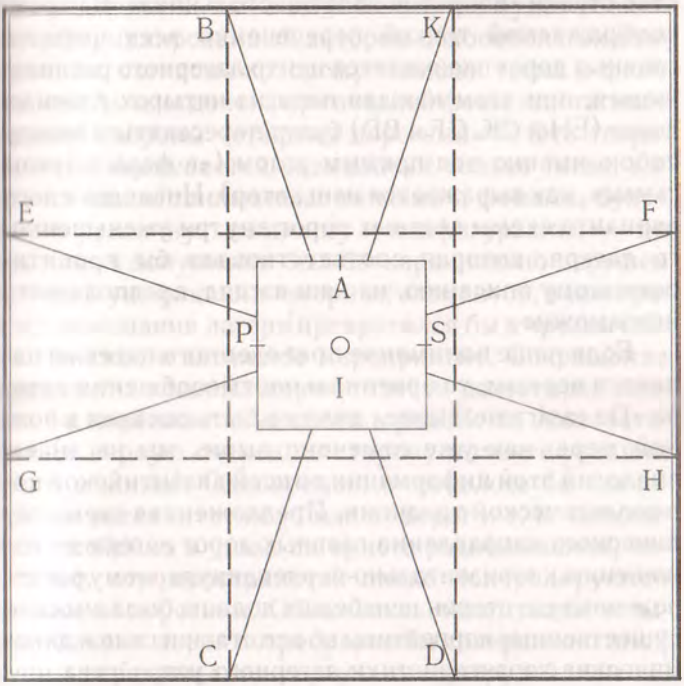
на быть уменьшена с 1000 оргий до 750, а количество ворот в каждой стороне — с трех до двух. Вследствие этого внутри лагерного расположения должны будут пересекаться не шесть главных дорог, а всего лишь четыре. В своей указанной выше работе Ю. А. Кулаковский специально не остановился на этом варианте, — очевидно, он полагал, что уменьшение числа пехоты в войске отразится лишь на количественных параметрах лагеря, не внеся принципиальных изменений в его внутреннее устройство. Между тем внимательный анализ соответствующего пассажа VI главы приводит к выводу, что автор трактата имел здесь в виду совершенно иную, в высшей степени оригинальную схему, не встречающуюся ни в более ранних, ни в более поздних военно-научных руководствах.

Воспроизведем соответствующий отрывок VI главы[485] в нашем переводе: «Когда в наличии двенадцать таксиархий, с каждой стороны в лагерное укрепление должны вводить по два входа, и один вход оборудуется восточнее и севернее относительно палатки протовестиария, позволяя достигать свободного пространства ставки раньше, чем будет пересечен большой дорогой, идущей с севера на восток. Аналогичным образом пересекаются и остальные дороги: с правой стороны — восточная и южная — напротив палатки стольника, а дороги, идущие с запада, — двумя боковыми. Таким образом, они сочетаются в форме буквы гамма, как об этих и об остальных до-

[485] De castr., VI. P. 270. 18–26.

рогах свидетельствует представленное изображение».

На основании приведенного описания возникает схема, воспроизведенная на чертеже № 2. Вход, который располагался восточнее и севернее палатки протовестиария, обозначен литером «B». Если следовать классической схеме полномасштабного лагеря, то главная дорога, начинающаяся от этого входа, должна идти параллельно северной стороне лагеря до пересечения с **левыми** воротами его западной стороны (на нашем чертеже — линия BC). Но в этом случае она обязательно минует расположение императорской ставки, тогда как автором трактата сказано вполне определенно, что она должна «достичь свободного пространства ставки». Такая возможность возникает лишь в единственном случае: если дорога пойдет не по линии BC, а по линии BD, закончившись **правыми** воротами западной стороны лагеря. Невозможным оказывается и предположение, что любая из двух главных дорог, идущих с севера на юг (на нашем чертеже — либо от ворот E к воротам F, либо от ворот G к воротам H), пойдет параллельно восточной стороне лагеря, ибо в этом случае их пересечения и с дорогой BC, и с дорогой BD происходили бы далеко за пределами императорской ставки; следовательно, «северо-восточная дорога», упоминаемая автором, должна идти не по линии EF, а по линии GF. Аналогичным способом должно произойти и пересечение двух других главных дорог — EH и KC; только при таком их взаимном расположении дорога KC, действительно, будет упираться в свободное простран-



Чертеж № 2. Принципиальная схема дорог лагеря, рассчитанного на войско, имеющее 12 таксиархий пехоты

Условные обозначения:

I — императорский шатер, A — архонтарий, P — палатка протовестиария, S — палатка стольника;

B, K — ворота восточной (передней) стороны лагеря; E, G — ворота северной стороны; C, D — ворота западной стороны; H, F — ворота южной стороны.

ство ставки «напротив палатки стольника». В целом, воображаемой точкой пересечения всех четырех главных дорог оказывается центр лагерного расположения; при этом каждая пара из четырех главных дорог (EH и CK, GF и BD) будут пересекаться между собою именно под прямым углом («в форме буквы гамма», как выражается наш автор). Никакого иного варианта схемы главных дорог внутри уменьшенного лагеря, которая соответствовала бы процитированному описанию, на наш взгляд, предположить невозможно.

Если наше понимание приведенного пассажа является верным, то оригинальность сообщения автора «De castrametatione» должна быть оценена в полной мере: как уже отмечено выше, мы не знаем аналогий этой информации во всей византийской полемологической традиции. Предложенная схема облического направления главных дорог лагеря по отношению к горизонтально-перпендикулярному расположению его сторон неизбежно должна была вносить существенные коррективы во все статические и динамические характеристики лагерного устройства, начиная с его пространственных параметров и кончая способами реальной эксплуатации. Поскольку никаких разъяснений относительно такого варианта лагеря в самом трактате не содержится[486], весьма труд-

[486] Отметим, однако, что в рукописи V имеется эскиз (он воспроизведен на с. 258 издания Дж. Дэнниса), на котором изображено крестообразное пересечение двух облических дорог, связывающих попарно лежащие друг против друга наискось ворота противоположных сторон лагеря. Интер-

но представить, как в данном случае будет соблюден сформулированный автором основополагающий принцип, согласно которому «каждая тагма и фема должна быть отделена от соседней фемы или тагмы с каждой стороны четырьмя дорогами»[487]. Это теоретически оказывается возможным только тогда, когда площади, занимаемые тагмами и фемами, будут иметь различную величину и конфигурацию, — но при таком допущении был бы кардинально нарушен принцип унификации лагерных элементов, а сам процесс межевания лагеря превратился бы в чрезвычайно сложное и затяжное мероприятие. Сокращение количества главных дорог с шести до четырех внесло бы коренные изменения в режим их эксплуатации (в первую очередь в сторону интенсификации этого режима). Одновременно пришлось бы значительно увеличить число малых дорог и т. н. монопатий, особенно в углах лагерного расположения, поскольку эти пространства плохо контролируются главными дорогами. Облическая ориентация четырех главных дорог потребовала бы совершенно иной схемы передвижения караульных патрулей, чем та, которая была разработана применительно к шести параллельно-перпендикулярным дорогам. Существенные коррективы должен был бы претерпеть порядок введения армии во вновь построенный лагерь

претация данного изображения чрезвычайно затруднена, поскольку количество изображенных объектов уменьшено вдвое: из приведенного выше описания следует, что дорог должно быть четыре, а ворот восемь.

[487] De castr., I. P. 254, 186–187.

облического типа; фактически заново пришлось бы разрабатывать обратную процедуру — последовательность выступления армии из лагеря (как известно, эти моменты представлялись автору «De castrametatione» чрезвычайно важными[488]). Наконец, принципиально иными могли бы оказаться методы и приемы использования территории лагеря как опорной базы при осаде неприятельских крепостей, — сюжеты, которым автор трактата уделил исключительно большое внимание, посвятив им несколько глав (с XXI по XXVII).

Попыток разобраться в указанных трудностях в литературе еще не предпринималось. Как уже отмечено выше, Ю. А. Кулаковский вообще оставил данный вариант лагеря без внимания. В статье Р. Гроссе в общем виде была высказана догадка об облической ориентации главных коммуникаций уменьшенного лагеря: он предположил, что в данном случае будет иметь место «звездообразная схема» дорог. Но поскольку, по словам немецкого исследователя, это порождает «столь новый и столь непрактичный принцип» (так как дороги перестают быть границами отдельных воинских частей), он заявил о невозможности «составить представление о виде такого лагеря» и отказался от попыток построения его схемы[489]. На принципиальную допустимость облической ориентации дорог указано и Дж. Дэннисом, но и он затруднился в выяснении вытекающих из этого последствий[490].

[488] См., напр.: De castr., IX. P. 276–278.

[489] *Grosse R.* Das römisch-byzantinische Marschlager. S. 120.

[490] *Dennis*, De castr. P. 329.

В целом, работа по реконструкции различных вариантов византийского военного лагеря во всей совокупности составлявших его элементов еще отнюдь не может быть признана завершенной. Залогом успеха такой работы может явиться новый комплексный анализ всех военных реалий, отраженных как в трактате «De castrametatione», так и в других военно-научных руководствах подобного жанра. При этом сам анализ таких реалий должен быть еще более тщательным и профессиональным, чем тот, лучшие образцы которого содержатся в классических исследованиях начала XX века.

* * *

Продолжая свои рекомендации по обеспечению безопасности экспедиционных сил, автор трактата вполне резонно исходит из того положения, что наиболее опасными являются такие два периода экспедиции, на протяжении которых армия находится в особенно неустойчивом состоянии: либо когда она, заканчивая марш, намерена стать лагерем, но сооружение лагеря еще не завершено; либо, наоборот, когда она, завершая пребывание в лагере, намерена продолжить свой марш по вражеской территории, но лагерь еще полностью не свернут.

В первом случае, прибыв на место лагерной стоянки, армия должна остановиться, не разрушая походного строя. Подразделения, составляющие центр походной колонны, должны расступиться по сторонам, образовав нечто вроде круга, в котором и начнется размещение палаток. По мере того как палат-

ки будут устанавливаться, в них будут вводиться одна за другой соответствующие воинские части. Однако авангард и фланговые охранения должны оставаться на своих позициях снаружи, обеспечивая безопасность всей армии. Император со своим окружением также будет стоять в защищенном месте, внимательно наблюдая за всем происходящим. К моменту завершения строительства лагеря должен будет подойти и арьергард, — после этого и император, и все остальные подразделения должны войти в лагерь и занять там свои места[491].

Во втором случае, когда армии предстоит покинуть лагерь, незадолго до рассвета подается первый сигнал трубы, по которому все находящиеся в лагере начинают готовиться к выходу, но пока остаются на своих местах. Архонты подразделений, расположенных вдоль главных дорог внутри лагеря, должны обеспечить порядок на этих дорогах, не позволяя загромождать их вьючными лошадьми и обозными повозками. По второму сигналу части авангарда, фланговых охранений и арьергарда должны выйти из лагеря и расположиться вокруг него на дистанции 1–2 полетов стрелы. По третьему сигналу должен начаться выход из лагеря основных сил армии, во главе которых будет двигаться император со своей личной гвардией. Все выходящие части должны занимать отведенные им места в составе походной колонны, пока последняя не примет свой окончательный вид. К этому времени все лагерное оборудование уже бу-

[491] De castr., X. P. 280, 64–282, 72.

дет свернуто и размещено в обозе, и армия сможет начать плановое маршевое движение[492].

Еще одной типичной ситуацией в условиях заграничного похода (кроме лагеря и марша) является осада неприятельского города. Указаниям по организации данного вида боевых действий посвящены несколько обширных глав (с XXI по XXVII), содержащих описания, основанные на хорошем знакомстве с теорией и практикой осадных сражений. Основная часть византийского войска должна быть размещена в стационарном лагере на удалении 6 миль от осаждаемого города; в этом лагере оборудуется и императорская ставка[493]. Непосредственно же вокруг города, на дистанции двух полетов стрелы, надлежит развернуть осадные части, обеспечив их боеприпасами и соответствующей техникой. Средствами защиты от вылазок осажденных должны являться ров и вал; если мыслится, что осада будет длительной, не исключается и сооружение защитной стены. Специальных мер безопасности требуют участки, расположенные против городских ворот; особую заботу командования должна вызывать защита осадных механизмов — таранов, черепах, камнеметных машин, передвижных башен и лестниц. В осадном лагере должен соблюдаться неукоснительный порядок, и каждое подразделение должно иметь в нем строго определенное место[494].

[492] De castr., IX. P. 276–278.
[493] Ibid., XXI. P. 304, 50–53.
[494] Ibid., XXI. P. 306.

Таким образом, информация трактата «De castrametatione» свидетельствует, что проблема безопасности армии, находящейся на вражеской территории, требует от военного командования решения целого комплекса многообразных, но тесно связанных между собою задач. При их внешней схожести с задачами, решаемыми в ходе оборонительной войны на собственной территории, в условиях заграничного похода они приобретают существенно иное звучание. Основополагающая концептуальная идея автора трактата состоит в том, что главная цель экспедиции заключается не в овладении вражеской территорией и не в захвате добычи, а в уничтожении живой силы противника[495], — достигнув эту главную цель, можно успешно решить и все остальные военно-стратегические задачи. Поэтому урон, наносимый вражескому войску, должен быть максимально высоким: неприятелю не следует оставлять ни малейших шансов на спасение[496], — заметно, что в данном случае наш автор позволяет себе существенно отклониться от концепции «золотого моста», разделяемой большинством его предшественников. Достижение же указанной конечной цели может оказаться реальным лишь при том непременном условии, что будет обеспечена безопасность собственного экспедиционного корпуса, — на разработку соответствующих гарантий такой безопасности и обращено главное внимание автора трактата «De castrametatione».

[495] De castr., XXV. P. 314, 28–30.

[496] Ibid., XX. P. 300, 112–115; XXIII. P. 310, 16–18; XXV. P. 314, 31–41.

* * *

Серьезным вкладом в развитие военной науки следует признать разработку автором «De castrametatione» принципов и правил ведения войны в условиях горной местности.

Установки и рекомендации, регламентирующие осуществление указанного вида боевой деятельности, относятся к числу традиционных сюжетов античной и византийской военной литературы. При этом можно утверждать, что вплоть до конца X века горная война еще не характеризовалась в качестве специфического вида военных действий, способного претендовать на самостоятельное значение. Столкновения в горах продолжали рассматриваться как всего лишь частные и кратковременные эпизоды, возникавшие, как правило, на стадии преодоления войсками естественных пограничных рубежей. Неслучайно поэтому у большинства военных писателей, список которых завершает Лев VI Мудрый, соответствующая информация оказывалась вмонтированной в изложение правил походных передвижений. При этом презюмировалось, что армия в горах не призвана действовать активно, а обязана всего лишь организовать собственную безопасность: ее первостепенная задача состояла в том, чтобы благополучно перенести свой боевой потенциал через угрожающий участок маршрута, сохранив полную готовность к решающим действиям, которые еще предстоят в будущем. Все рекомендуемые в таких случаях меры безопасности были направлены на достижение двух целей. Главная состояла в том, чтобы исключить са-

мую возможность боевого воздействия противника на армию, совершающую марш в условиях горной местности. Но если эта основная цель оказывалась недостижимой, тогда вторая заключалась во всемерной минимизации навязанного противником контакта, в недопущении его перерастания в масштабные боевые действия с участием главных сил. Аксиомой военной теории оставалось положение о том, что судьбы военных кампаний должны решаться в процессе непосредственного противоборства на открытой равнинной местности, и все компоненты военной организации (количественные и структурные параметры армейских подразделений, виды вооружения и снаряжения, схемы мобильных и стационарных тактических построений, модели лагерного устройства, конкретные способы вооруженной борьбы и т. п.) строились и совершенствовались именно на этом основополагающем постулате. Теория же горной войны, сохранявшая выраженный аппликативный характер, пребывала на периферии внимания военных авторов, а ее проблематика не выходила за границы, очерченные Онасандром и санкционированные Вегецием.

Значительная активизация военной мысли в анализируемой сфере произошла в конце X века, в условиях существенного изменения военно-стратегического положения империи. Два памятника военной литературы, по существу завершающие византийскую полемологическую традицию, наиболее показательно (но каждый по-своему) отразили динамику произошедших перемен.

В трактате «De velitatione bellica» боевой операции в горах был впервые придан характер особого, самостоятельного этапа военной кампании, планирование и организация которого составляла специальную цель военного командования. Без прохождения этой обязательной фазы оказывалась невозможной реализация дальнейших планов — вариантность исхода горной операции была соотнесена с возможными корректировками стратегических замыслов всей военной кампании. В целом, трактат «De velitatione bellica» предопределил перспективу существенных подвижек в традиционной парадигме горной войны. Однако говорить о радикальной качественной ее ревизии было бы еще преждевременно: по крайней мере, метод боевого сопровождения, специально разработанный автором в качестве главного средства борьбы с арабскими рейдами, был ориентирован на его применение не в горах, а на открытых пространствах. Немаловажным тормозящим моментом было и то обстоятельство, что концептуальные установки трактата «De velitatione bellica» питались не наступательными, а оборонительными постулатами. Между тем вся история мировой военной науки свидетельствует, что в роли качественно новых ступеней ее прогрессирующей эволюции выступают, как правило, такие сочинения, которые строятся на принципах наступательной доктрины.

Принципиально новая модель горной войны нашла свое воплощение в трактате «De castrametatione». Будучи профессиональным военным, имеющим соответствующую общетеоретическую подго-

товку, его автор хорошо знаком с общими правилами марша через трудноодолимые участки. Рекомендации, излагаемые им по данному поводу, чрезвычайно подробны[497]. Однако все они продолжают оставаться в рамках традиционной схемы, и тщательность проработки отдельных деталей пока еще не порождает какой-то качественной новизны.

Гораздо более оригинальным становится изложение материала, когда автор обращается непосредственно к реальным боевым действиям в горах. Не связанный никакой книжной традицией, он осмысленно и уверенно излагает современную, хорошо известную ему информацию, основанную на собственном боевом опыте. Общий императивный тон, который вообще свойствен его писательской манере, в этих обстоятельствах приобретает особую категоричность.

В представлении автора «De castrametatione» решающими эпизодами войны в горах являются столкновения, разворачивающиеся в ключевых позициях горного рельефа — узких проходах, теснинах или ущельях, обозначаемых термином «клисуры». При этом оказываются возможными два варианта развития событий. Первый вариант, рассмотренный в специальной главе[498], рассчитан на ситуацию, когда клисуры не заняты неприятелями. И хотя дорога кажется свободной, вводить сразу все экспедиционное войско в трудноодолимую местность считается край-

[497] De castr., XIV. P. 284–286.
[498] Ibid., XIX. P. 292–294.

не нецелесообразным, — предварительно следует осуществить ряд мероприятий, предусмотрев их строгую последовательность. За один или два дня до перехода через клисуру должен быть выслан вперед отряд пехоты, в котором лучники и метатели дротиков должны численно преобладать над тяжеловооруженными воинами; для взаимодействия с пехотой и с целью ее большего воодушевления отряду могут быть приданы и кавалерийские подразделения. Во главе отряда следует поставить наиболее опытного архонта; в его подчинении должны находиться младшие командиры, имеющие опыт боевых действий на Западе. Главная задача этих передовых сил состоит в захвате господствующих высот и укрепленных фортов (если они там имеются), чтобы надежно контролировать главную дорогу, по которой предстоит двигаться армии, а также охранять все подходы, откуда неприятель мог бы нанести неожиданный удар. Когда эта задача будет выполнена, о чем императору должно быть послано специальное донесение, армия может приступать к переходу через клисуру. В голове походной колонны будут следовать две таксиархии пехоты, несущие с собой секиры и топоры для расчистки пути; две таких же пехотных таксиархии должны замыкать всю походную колонну. Порядок следования главных сил (строевых частей пехоты и кавалерии, отрядов императорской гвардии, обоза, арьергардных структур) должен быть установлен заранее и неукоснительно соблюдаться в течение всего перехода. Архонт передового отряда обязан контролировать клисуру вплоть до полного ее преодоле-

ния экспедиционным корпусом, — лишь после этого он вместе с подчиненными ему людьми может присоединиться к арьергарду.

Еще более развернутый план действий предусмотрен на случай, когда выяснится, что клисуры уже заняты неприятельскими силами[499]. Прежде всего следует попытаться обойти занятую клисуру другой свободной дорогой, даже если она удалена от первой на расстояние трех или четырех дней пути. Автору трактата известно из собственного опыта, что враги оставляют многие дороги без внимания, полагая их либо неизвестными византийскому командованию, либо непреодолимыми. Между тем, организовав тщательную разведку и воспользовавшись помощью опытных проводников, свободно ориентирующихся на местности, возможно провести армию таким маршрутом, который не брался неприятелем в расчет.

Если же возможности обойти занятую клисуру не имеется, все дальнейшие усилия должны быть направлены на то, чтобы выбить неприятеля с укрепленной позиции. По главной дороге, ведущей к клисуре, должен подойти отряд легковооруженной пехоты, имея целью спровоцировать врага на столкновение и выманить его на себя притворным отступлением. Одновременно по боковым дорогам и тропам с тыла или во фланг неприятелю должны зайти другие отряды. Когда неприятель будет вынужден оставить клисуру, дальнейший порядок действий должен быть таким, как это предписано в предыдущей главе. И если войску предстоит вновь преодолевать эту же кли-

[499] De castr., XX. P. 294–302.

суру на обратном пути, целесообразно выделить особый отряд, который будет оставаться здесь вплоть до возвращения армии из экспедиции.

Все вышеизложенные рекомендации относятся к начальной фазе военной кампании, когда византийское войско только вступает на территорию врага. Но особенно тщательно проработаны в трактате сюжеты, касающиеся завершающего этапа экспедиции, когда войско, обремененное добычей и пленными, возвращается в свою землю. Автор справедливо замечает, что в начале кампании враг, как правило, еще недостаточно организован: он не знает направления главного удара византийских сил и потому не в состоянии противопоставить ему скоординированную систему ответных мероприятий. Принципиально иными могут быть действия противника, когда экспедиционное войско возвращается назад: враг может без труда просчитать все вероятные маршруты отхода византийцев и сосредоточить силы в самых ключевых пунктах этих маршрутов.

Автор трактата убежден в том, что не следует приступать к преодолению клисуры, если армия (особенно пехота) утомлена предшествующим переходом. Убедившись, что клисура занята неприятелем, необходимо прекратить движение и стать лагерем в подходящем месте, обеспеченном водой. Успокоив армию и возбудив ее мужество, следует начать переход на следующее утро, соблюдая все требования безопасности.

Особую осторожность необходимо проявлять в условиях, когда византийская армия, имея впереди

себя занятые врагами клисуры, одновременно подвергается воздействию преследующих ее главных неприятельских сил. На этот случай в трактате предусмотрена сложная, весьма оригинальная тактическая схема, основанная на круговой системе заградительных отрядов и рассчитанная на одновременное решение обеих задач: и разблокирование клисур, и недопущение удара по тылу. Однако если клисуры, запирающие выход, защищены настолько, что оказываются неприступными, рекомендуется решение двух названных задач развести во времени. Отказавшись от немедленного преодоления клисур, надлежит предоставить личному составу отдых. Затем, перегруппировав боевые части кавалерии, следует сначала двинуть их против полевой армии неприятеля, нанести ей поражение и преследовать ее до полного рассеяния; в случае необходимости кавалеристам должны оказать помощь и пехотные подразделения. И если достигнутая таким способом победа окажется впечатляющей, она сможет оказать деморализующее воздействие на неприятельские отряды, охраняющие клисуры. В случае их добровольного отступления специальной операции по деблокированию клисур может вообще не понадобиться. Но если неприятельские части, охраняющие теснины, будут продолжать удерживать свои позиции, такая операция должна быть подготовлена с соблюдением всех необходимых требований. Прежде всего должна быть произведена тщательная разведка, в результате которой византийское командование смогло бы получить точные сведения и о силах противника, и об условиях их дислокации. После этого против вра-

жеских заградительных отрядов следует двинуть значительные силы легкой пехоты (около тысячи человек), включающей метателей дротиков, лучников и пращников. Эти силы не должны предпринимать лобовых штурмов, но вести обстрел с дальних позиций, комбинируя его с тыловыми и фланговыми ударами. Если же враг будет упорствовать, дело должны решить отряды тяжеловооруженных пехотинцев — оплитов, в состав которых будет включено отдельное подразделение менавлатов[500].

Мы сочли необходимым подробно изложить содержание тех пассажей «De castrametatione», в которых информация о правилах сражений в горах изложена с наибольшей полнотой и последовательностью. Однако интересующие нас сюжеты рассыпаны и во многих других разделах трактата, причем в большинстве случаев они тоже так или иначе увязаны с боевыми действиями в клисурах. В частности, автором уделено серьезное внимание на организацию снабжения экспедиционных сил продуктами питания и фуражом. По его мнению, важнейшая задача командования заключается в том, чтобы разработать оптимальную схему регулярного пополнения ресурсов, определить маршруты движения продовольственных транспортов через горную местность, разместить в ключевых пунктах этих маршрутов особые боевые отряды — не только стационарные, но и подвижные, предназначенные для сопровождения обозов[501].

[500] См. о них примечание № 572.
[501] De castr., XXI. P. 304, 36–42.

Контроль над клисурами необходим и тогда, когда византийская армия, уже находящаяся на территории противника, получает пополнение за счет тех военнообязанных, которые по различным причинам не попали в первый призыв. Такие дополнительные отряды, вынужденные двигаться вдогонку главным силам, вынуждены преодолевать уже опустошенную местность. Особую опасность для них (вплоть до «конечной погибели») представляют вражеские засады, размещенные в клисурах, — автору трактата известно немало подобных трагических примеров[502].

Имеется, впрочем, сюжет и гораздо более оптимистического звучания. В главе, посвященной организации ночного боя, рассматривается вариант его благоприятного исхода. Естественно, что, потерпев поражение в открытом бою, оставшиеся в живых враги попытаются найти свое спасение в горной местности. В этих случаях нельзя бросаться в их беспорядочное преследование, — дождавшись подхода отставшей пехоты, следует выстроиться в боевой порядок и надежно блокировать район, где укрылись остатки неприятельских сил. И если станет известно, что среди них находятся «правители вражеского народа», нельзя допустить, чтобы они ушли безнаказанно: блокада должна быть усилена за счет привлечения всех войсковых резервов. Боевое воздействие на окруженного противника должно продолжаться до его полного истребления[503].

[502] De castr., XXIX. P. 322, 23–30.
[503] Ibid., XXV. P. 314, 34–41.

Предпринятый анализ приводит нас к заключению, что трактат «De castrametatione» ознаменовал собой качественно новое состояние научных знаний о правилах ведения боевых действий в условиях горной местности по сравнению с той моделью, которая сложилась в полемологической традиции на протяжении всех предшествующих столетий. К концу X века произошел существенный прирост информации, настоятельно потребовавшей своего теоретического обобщения и осмысления; новые факты, свидетельства и наблюдения оказались сконцентрированными в сферах, которые до тех пор располагались на периферийных участках военно-информационного пространства; боевую практику византийские армии проходили не только на территории империи, но и за ее пределами, в ходе наступательных операций. Благоприятное сочетание всех указанных факторов и вызвало к жизни трактат «De castrametatione». А то обстоятельство, что обобщенный в нем боевой опыт далеко не всегда был исключительно лишь позитивным (как уже было отмечено нами, в трактате «De castrametatione» явно преобладает пейоративная тональность), не только не снижало, а наоборот, повышало практическое значение этого первоклассного военно-научного наставления. Ибо давно и справедливо было замечено, что невзгоды всегда учат лучше, чем успехи, и потому чем негативнее оказывается приобретаемый опыт, тем императивнее становятся извлеченные из него уроки.

* * *

Полный перевод трактата «De castrametatione» на русский язык осуществлен нами впервые — опубликованные Ю. А. Кулаковским в 1903 г. на русском языке первые 8 глав этого военно-научного сочинения не превышают одну треть его общего объема. Качество перевода Ю. А. Кулаковского представляется достаточно высоким; тем заметнее на этом фоне становятся некоторые погрешности и несообразности, все-таки встречающиеся в переводе[504].

Поскольку значительное количество общих и специальных исследований, касающихся проблематики «De castrametatione», уже было упомянуто в первом разделе настоящего издания, комментарий военных и этнографических реалий этого трактата оказывается меньшим по объему, чем это имело место в отношении трактата «De velitatione bellica». Повторяющиеся термины, как правило, не комментируются — мы ограничиваемся лишь отсылкой к предыдущим сюжетам. При трансляции лексических и синтаксических особенностей авторской речи создателя «De castrametatione» мы старались следовать тем же принципам, что были определены в качестве основополагающих при переводе трактата «De velitatione bellica».

---

[504] На одну из таких ошибок было обращено нами внимание в статье: *Кучма В. В.* Еще раз о византийском военном лагере конца X в.: некоторые технические характеристики и варианты боевого использования // АДСВ. Вып. 30. Екатеринбург, 1999. С. 150.

ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ

I. Об устройстве лагеря и о том, как стратиг[505] по числу оплитов[506], включенных в таксиархии[507], может распознать и определить полный периметр лагеря

Лучшие и накопившие большой опыт в течение длительного времени стратиги могут по численности контингента оплитов, размещенных в укреплении, с большой точностью заранее предусмотреть и предопределить периметр пространства, на котором предстоит расположить лагерем все войско всадников и пехотинцев. Если, например, в походе участвуют шестнадцать[508] таксиархий, имеющих каждая по

---

[505] *Стратиг* — в данном случае этот многозначный термин употреблен в своем исходном этимологическом смысле, отмеченном в примечании № 229.

[506] *Оплит* — общее родовое наименование воина тяжеловооруженной пехоты. См. примечание № 248.

[507] *Таксиархия (хилиархия)* — пехотное формирование византийской армии, численность которого менялась с течением времени. По данным нашего источника она составляла 1000 чел. См.: *Вальденберг В.* Ταξίαρχος // ВВ. 1926. 24; *Литаврин*, Кекавмен; *Кучма*, Структура; *Oikonomidès*, Listes; *Cheynet J.-C.* Note sur l'axiarque et le taxiarque // REB. 1986. 44; *Haldon*, Expeditions; *Kühn*, Heer. См. также примечание № 483.

[508] В тексте трактата числительные передаются двумя способами — либо словом, либо буквенным выражением. При переводе в первом случае мы передаем соответствующие числительные словами, во втором — цифрами.

пятьсот оплитов, двести аконтистов[509] и триста токсотов[510], то они могут во время лагерной стоянки без труда окружить кольцом все войско тагм[511] и всех фем[512] и надежно охранять его днем и ночью. Если таксиархий, как упомянуто, окажется шестнадцать, то они выстраиваются четырьмя частями по 4 тысячи в каждой, включая и оплитов, и псилов[513], и аконтистов, в соответствии с четырехугольной и четырех-

[509] *Аконтист* — воин пехоты, имевший на вооружении преимущественно метательное оружие (чаще всего дротики). См. примечание № 249.

[510] *Токсот* — воин легкой пехоты, вооруженный луком. См. примечание № 250.

[511] *Тагмы* — здесь: наименование регулярных кавалерийских воинских формирований, которые в мирное время были расквартированы в столице или в стационарных лагерях по обеим берегам Боспора, а в военное время сопровождали императора в походе. Наиболее известными из них являлись «четыре царских отряда», вошедшие в состав полевой армии лишь во второй половине VIII в. Как боевое подразделение самой ранней по времени упоминания в источниках (765 г.) являлась тагма *схол*. С 767 г. известна тагма *экскувитов*. При императрице Ирине к двум ранее существовавшим тагмам добавилась тагма *арифмов (вигл)*, при императоре Никифоре I — тагма *иканатов*. См.: *Ahrweiler*, Recherches; *Oikonomidès*, Listes; *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984 (далее — *Haldon*, Praetorians); *Idem*, Expeditions.

[512] *Фемы* — здесь: войсковые кавалерийские формирования иррегулярного ополчения отдельных военно-административных округов империи, которые также именовались *фемами*. См. примечание № 225.

[513] *Псилы* — воины легкой пехоты, имевшие на вооружении преимущественно оружием ближнего боя. См. примечание № 252.

сторонней формой лагеря. Ведь именно она для лагеря является наиболее прочной из всех форм, поскольку не может быть в сражении легко окружена врагами. Они будут нападать либо с одной стороны, либо с двух (если они задумают напасть с трех сторон или с четырех, их боевые порядки разорвутся и окажутся слабыми и уязвимыми; круглая же форма неустойчива, поскольку может быть легко окружена неприятелями, как это было признано и древними), если где-либо характер местности не заставил бы обустроить лагерь по другой форме. Относительно мест неподходящих и тесных — как надлежит в них безопасно устанавливать лагерь — будет сказано ниже.

Итак, стратиг должен разделить пешее войско на четыре одинаковые части, равные по силе, и расставить каждую часть по каждой из четырех сторон лагеря. Ведь если части равны друг другу по силе, они оказываются в высшей степени подходящими и пригодными как для лагерных стоянок, так и для походов и для различного рода сражений. На каждую сторону отряжаются по 2 тысячи оплитов; на каждой оргии[514] по фронту устанавливаются по 2 оплита, а позади них в глубину — аконтисты и токсоты; надлежит и тем и другим, подобно тому как они группируются по декархиям[515], выстраиваясь в сражениях,

[514] *Оргия* — мера длины протяженностью около 2 м. См. примечание № 356.

[515] *Декархия* — боевое подразделение пехоты, состоявшее из 10 солдат и находящееся под командованием *декарха*. Многократно упоминается в более ранних военно-научных сочинениях — например, в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, II, 6: IV, 5; XII B, 6, где обозначается также тер-

точно так же и в лагерях иметь с декархами[516] общую палатку и общую трапезу и во всем им повиноваться.

Поскольку, как мы сказали, две тысячи оплитов устанавливаются на каждой из четырех сторон, а два оплита занимают одну оргию, каждой стороне отмеривается тысяча оргий; исходя из этого измерения тысячи оргий определяется и исчисляется периметр всего лагеря. Надлежит выбрать наилучшего и наиболее опытного минсуратора[517], снабдить его веревкой длиною в тысячу оргий и отправить на поиски места, подходящего для лагеря. Пусть он имеет при себе и минсураторов остальных архонтов[518]; кроме того, на вражеской территории пусть он идет в сопровождении вигл[519] и положенной ему охраны.

мином *контуберния*) и «Тактике Льва» (TL, IV, 12). В военных руководствах рекомендовалось формировать декархии из жителей одной местности с учетом родственных и дружеских связей. См.: *Кучма*, Структура; *McGeer*, Warfare.

[516] *Декарх* — командир *декархии*, который наряду с *пентархом* и *тетрархом* представлял разряд младших архонтов в фемной армии. По свидетельству «Тактики Льва» (TL, XVIII, 149), в фемной армии средней численности (4 тыс. чел.) в должности *декархов* состояло 400 чел..

[517] *Минсуратор* — здесь: специальное должностное лицо, в обязанности которого входили выбор места лагерной стоянки, определение внешних границ лагеря, внутренняя разметка лагерного пространства. См примечание № 291.

[518] *Архонты* — здесь: обобщающий термин для обозначения командного состава армии. См. примечание № 240.

[519] *Виглы* — здесь: караульные, сторожевые или дозорные посты, конные и пешие, высылаемые за пределы основного расположения армии (подробно о *виглах* см. гл. IV). См. примечание № 235.

Пусть он не устанавливает лагерь вблизи горы, или густого леса, или возвышенности, имеющей проходы, — из подобных мест враги, подойдя с пешей силой, могут нанести лагерному расположению урон, — но пусть он изучит местность, и если где-нибудь встретится труднопреодолимая река, или озеро, или круча, или ущелье, обеспечивающие безопасность лагерного расположения с одной стороны, а то и с двух, — пусть там и устанавливает лагерь. Если же речка окажется мелкой, так что ее будет легко преодолевать, то ее следует включить внутрь лагерной стоянки; лошадей же надлежит поить в том месте, которое ниже по течению, чтобы сохранять верховье в чистоте.

Пусть минсуратор разведает, где обнаружится подходящее и видное отовсюду место, на котором удобно разместить императорскую ставку, и пусть на нем воздвигнет императорскую фламулу[520]. Затем, отмерив с помощью веревки в тысячу оргий, принесенной с собой, пятьсот оргий на восток, пусть он там установит фламулу таксиарха[521]; отмерив таким же образом по пятьсот оргий на запад, север и юг, пусть он установит и на этих трех сторонах фла-

[520] *Фламула* — боевой штандарт воинского формирования. См.: *Domaszewski A.* Die Fahnen im römischen Heere. Wien, 1885; *Grosse R.* Die Fahnen in der römisch-byzantinischen Armee des 4.–10. Jahrhunderts // BZ. 1924. 24; *Dennis G. T.* Byzantine Battle Flags // Byz. Vorschungen. 1982. 8; *Haldon*, Praetorians; *Idem*, Expeditions.

[521] *Таксиарх (хилиарх)* — командир *таксиархии*. См. примечания №№ 483 и 507.

мулы таксиархов. Образовавшееся внутри пространство пусть станет местом лагеря для всего конного и пешего войска. Большие фламулы остальных таксиархов следует установить в местах их расположений в укреплении.

Поскольку два оплита располагаются на одной оргии, (каждой таксиархии отводится по) 250 оргий. Выкапывание рва обычно начинается с левого фланга. Когда левый таксиарх будет завершать выкапывание 250 оргий, пусть он оставит невыкопанным промежуток протяженностью восемь оргий, на котором должен находиться вход и выход для войска. Таким образом, таксиарх, размещенный справа от него, пусть начинает выкапывание рва, выступив вперед по отношению к левому на восемь оргий к востоку и точно таким же образом на восемь оргий к северу, так чтобы обрез рва левой таксиархии оказался скрытым у него в тылу. В соответствии с древним образцом вход создается с левой стороны сбоку, а не по прямой линии. Пусть этот таксиарх построит в виде буквы гамма[522] своих собственных оплитов в тылу солдат, выдвинутых к востоку от него на восемь оргий, чтобы с помощью оплитов надежно охранять вход с обеих сторон. По такой же схеме должны быть оборудованы два других входа на этой лицевой стороне и обеспечено их расположение. Таким же способом должны быть выстроены пехотные части по трем остальным сторонам, и в каждой должно быть одинаковое количество ворот.

[522] Т. е. под прямым углом.

Ров должен быть семи или восьми футов[523] глубины, с сужением ко дну, и должен иметь пять или шесть футов ширины; землю изо рва следует насыпать с его внутренней стороны. Поскольку протяженность (стороны) лагеря была определена в тысячу оргий, то из них оставляются 22 оргии на свободное пространство с внутренней стороны рва, отграничивающее по кругу палатки пехотинцев; соответственно и на саму стоянку пехотинцев — еще 22 оргии. Равным образом и дорога, отделяющая их от палаток кавалеристов, отнимет еще шесть оргий; с учетом того и другого с каждой стороны набирается по 50 оргий. Следовательно, из тысячи оргий восточной и западной сторон исключаются сто оргий, и на весь остальной лагерь оставляются девятьсот оргий, которые разделяются на три части. Первые 300 оргий занимает императорский лагерь со всеми этериями[524] и «бес-

[523] *Фут* — мера длины, равная 31,23 см. См.: *Schilbach*, Metrologie. S. 20.

[524] *Этерии* — термин, используемый для обозначения гвардейских императорских частей. Создание этих подразделений относится ко времени правления императора Льва V. Главная функция этерий — охрана дворца и императорской особы, а также участие в военных походах армии, когда ее возглавляет император. К X в. названные гвардейские части включали в свой состав три отряда, именуемые *великой, средней* и *малой этериями*, и возглавлялись *великим этериархом*. Службу в этериях несли иностранные наемники европейского и азиатского происхождения, получавшие значительное денежное вознаграждение. См.: *Oikonomidès N.* Un taktikon inédit du XIIe siècle // Actes du XIIe Congres international des Études buzantines. Vol. II. Beograd, 1964;

смертными»[525]; вторые 300 оргий отмериваются к востоку от поперечной большой дороги, разделяющей великую этерию и тагму схол, до пересечения с дорогой, отрезающей палатки пехотинцев. Такую же точность следует соблюсти при отмеривании 300 оргий и в остальных трех частях, как это ясно показано в приложенном чертеже лагеря.

Размещая императорский шатер в центре лагеря, следует выделить вокруг ставки свободное пространство, достаточное для передвижения тех, которые оставляются там на ночь, и тех, которые прибывают в ставку днем. Снаружи этого пространства, с левой стороны, должна быть размещена палатка протовестиария[526], справа — стольника[527]. Позади палатки

Karlin-Heyter P. L'Hétériarque. L'évolution de son rôle du De Cerimoiis au Traité des Offices // JOB. 1974. 23; *Oikonomidès*, Listes; *Литаврин*, Кекавмен; *Haldon*, Recruitment; *Idem*, Praetorians; *Kühn*, Heer; *McGeer*, Warfare.

[525] «*Бессмертные (Ἀθάνατοι)*» — кавалерийская тагма лейб-гвардии, созданная (по свидетельству Льва Диакона — см.: *Лев Диакон*. История, VI, 11) Иоанном Цимисхием в 970 г. Тагма *атанатов* имела внутреннюю структуру, аналогичную тагме схол. Формируемая из родственников воинов, погибших в сражениях, эта часть являлась одной из самых боеспособных в византийской армии. См.: *Ahrweiler*, Recherches; *Oikonomidès*, Listes; *Dagron*, Traité; *Kühn*, Heer.

[526] *Протовестиарий* — должностное лицо, ведавшее императорским гардеробом и особой дворцовой казной. Обязательно сопровождал императора в военных походах. В византийских источниках упоминается с IX в. Первоначально должность замещалась евнухом; впоследствии она трансформировалась в почетный придворный титул, которым наделялись представители высшей аристократии. См.: *Bury*, System; *Ebersolt J.* Fonction et dignités du vestiarium byzan-

протовестиария — палатка начальника стражи, а затем последовательно размещаются палатки койтонитов[528], эбдомариев[529] и других состоящих в личном услужении императору, пока не заполнятся три сто-

lin. «Mélanges Charles Diehl». P., 1930; *Guilland*, Recherches; *Oikonomidès*, Listes; *Weiss G.* Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973; *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974; *Hendy*, Studies; *Haldon*, Expeditions.

[527] *Стольник (ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης)* — должностное лицо, обычно из числа евнухов, ведавшее поставками продовольствия к императорскому столу, приготовлением блюд, трапезными церемониями. Обязательно сопровождал императора в военных походах. Литературу см. в предыдущем примечании.

[528] *Койтониты* — придворные слуги (обычно евнухи), ведавшие императорской опочивальней и ее имуществом. Главой штата *койтонитов* являлся *паракимомен* (постельничий), приобретший в X–XI вв. значение самого приближенного к императору придворного, фактически «первого министра», что, впрочем, объяснялось не столько занимаемой им должностью, сколько фактом постоянного присутствия при особе императора. Известна, в частности, роль *паракимомена* Иосифа Вринги, которому безвольный Роман II фактически передал все дела по управлению империей. Аналогичным было положение *паракимомена* Василия Нофа при Василии II в 976–985 гг. О личном участии *паракимоменов* в военных экспедициях источники не упоминают. Литературу см. в примечании № 526.

[529] *Эбдомарии* — хранители личного императорского имущества (казны и багажа) во время военного похода. Разделенные на несколько смен по дням недели (отсюда и этимология термина), они несли круглосуточную службу в императорской ставке. На марше они сопровождали императорский обоз. Литературу см. в примечании № 526.

роны — правая, левая и западная. В восточном же направлении впереди шатра ставки следует разместить архонтарий[530]. Впереди него должны разместиться архонты конюшни вместе с императорскими лошадьми, а манглавиты[531] — с левой стороны, впереди палатки протовестиария. Справа, восточнее стольника, размещаются панфеоты[532], а проксим[533] и комит трубачей[534] — вместе с манглавитами. Дукаторы[535] должны быть размещены с проксимом или с кем-либо другим, к кому священный император имеет полное доверие. К востоку от расположения ар-

---

[530] *Архонтарий* — термин, не встречающийся в других источниках; предположительно: место расположения армейских штаб-офицеров. См.: *Dennis*, De castr.

[531] *Манглавиты* — здесь: воины специального охранно-эскортного подразделения при императорской особе, входившего в состав *этерии* (см. прим. № 524). В том же примечании см. и литературу.

[532] *Панфеоты* — предположительно: солдаты или младшие офицеры гвардейских частей, в мирное время несшие службу при Пантеоне — особом помещении императорского дворца. См.: *Литаврин*, Кекавмен; *Dennis*, De castr.

[533] *Проксим* — офицер, в подчинении которого находились т. н. *мандаторы*, передававшие распоряжения старших командиров нижестоящим. См.: *Guilland*, Recherches; *Литаврин*, Кекавмен; *Halldon*, Expeditions; *Dennis*, De castr.

[534] *Комит трубачей* — термин, не встречающийся в других источниках. Можно предполагать, что речь идет об офицере, в подчинении которого находились трубачи, передававшие приказы командиров с помощью звуковых сигналов. См.: *Dennis*, De castr.

[535] *Дукаторы* — проводники армии по незнакомой местности (подробнее см. о них гл. XVIII). См.: *Haldon*, Expeditions.

хонтов конюшни и стаблокомитов[536] становится лагерем великая этерия. В северной части расположения великой этерии должны быть размещены логофет[537], протоасикрит[538] и их подчиненные, а в южной — катепаны императорских людей[539].

Из трех больших дорог, которые будут проложены к каждой стороне, центральная, начинающаяся от земляного укрепления на востоке и достигающая по прямой линии ставки, должна до расположения великой этерии сохранять ширину в шесть оргий, в этерии же должна сузиться, и пусть она, имея на исходе лишь три оргии в ширину, окончится в архонтарии. По обе стороны от этой средней дороги, восточнее великой этерии, пусть установит палатки тагма схол, разделенная пополам. В правой части, посреди

[536] *Стаблокомиты* — три должностных лица конюшенного ведомства, ведавшие императорскими лошадьми. См.: *Guilland*, Recherches; *Oikonomidès*, Listes; *Dennis*, De castr.; *Haldon*, Expeditions.

[537] *Логофет* — термин для обозначения глав некоторых важнейших государственных ведомств. В данном случае, вероятнее всего, имеется в виду глава ведомства по финансированию и снабжению армии. См.: *Bury*, System; *Литаврин*, Кекавмен; *Oikonomidès*, Listes; *Hendy*, Studies; *Haldon*, Praetorians; *Idem*, Expeditions.

[538] *Протоасикрит* — глава императорской канцелярии. См.: *Oikonomidès*, Listes; *Haldon*, Expeditions.

[539] *Катепаны императорских людей* — по предположению Дж. Дэнниса (*Dennis*, De castr.), здесь подразумеваются командиры отрядов дворцовой гвардии. Ю. Кулаковский (*Кулаковский Ю. А.* Византийский лагерь конца X в.) переводит это место: «катепаны царской челяди».

пятнадцати банд[540] войска, пусть разместится топотирит схол[541]; в левой с остальными пятнадцатью бандами — хартуларий[542], также заняв середину пространства. По краям этой центральной дороги, в направлении прямо на восток, должны разместить свои палатки с каждой стороны по восемь комитов[543] вместе с подчиненными им доместиками[544], и каждый комит должен разбить свою палатку как раз в середине расположения собственных доместиков.

Вдоль двух других упомянутых больших дорог, доходящих с востока до западного земляного укрепления, с внутренних сторон этих дорог по прямой линии пусть разместят свои палатки по семь комитов со своими доместиками. С западной и восточной сторон тагма схол ограничивается двумя поперечны-

---

[540] *Банда* — здесь: подразделение тагмы схол (см. прим. № 511), насчитывавшее до 300 воинов. См.: *Guilland*, Recherches; *Литаврин*, Кекавмен; *Dagron*, Traité; *Haldon*, Recruitment; *Idem*, Expeditions.

[541] *Топотирит схол* — здесь: заместитель командира *тагмы схол*, командир одной из двух частей этой *тагмы*, состоявшей, по данным нашего источника, из 15 *банд*. См.: *Guilland*, Recherches; *Литаврин*, Кекавмен; *Oikonomidès*, Listes; *Haldon*, Recruitment; *Idem*, Expeditions; *Kühn*, Heer; *McGeer*, Warfare.

[542] *Хартуларий* — здесь: командир второй части *тагмы схол*, также состоявшей из 15 *банд* (литература об этом термине указана в предыдущем примечании).

[543] *Комиты* — здесь: командиры *банд* (см. примечание № 540).

[544] *Доместики* — здесь: командиры более мелких подразделений в составе *банд*, подчиненные *комитам*. См.: *Guilland*, Recherches; *Oikonomidus*, Listes.

ми дорогами. Западная дорога, которая отделяет тагму от этерии, находящейся внутри императорского лагеря, является большой; восточная, которая отделяет фему от этой тагмы, является малой дорогой, имеющей ширину две оргии. Именно на этих двух дорогах, на их внутренних сторонах, по направлению вдоль дорог пусть поставят палатки комиты-парабантиты[545]. Подразделения тагмы необходимо отделять маленькими дорожками, именуемыми монопатиями, по которым людям, принадлежащим к тагме, предстоит входить внутрь, не стесняя друг друга. Палатки, размещаемые по краям дорог, должны устанавливаться плотно сомкнутыми, чтобы никто не мог войти внутрь лагеря или выйти из него иначе как по дороге.

В соответствии с изложенной схемой восточного расположения великой этерии и тагм схол должны быть в трех остальных частях императорского лагеря, вовнутрь от больших дорог, размещены этерии и «бессмертные», снаружи от этерий — остальные тагмы с друнгарием виглы[546], а далее от этих последних

[545] *Комиты-парабантиты* — термин, неизвестный по другим источникам. Дж. Дэннис (*Dennis*, De castr.) считает возможным читать второе слово как «парабандиты» и связывать его с термином «банда», но затрудняется в определении статуса этих должностных лиц.

[546] *Друнгарий виглы* — должностное лицо, в распоряжение которого со второй половины IX в. находилась *тагма арифмов* (см. примечание № 511). В мирное время он обеспечивал безопасность дворца, торжеств на ипподроме, порядок во время заседаний императорского трибунала; во время военной экспедиции — безопасность императорского ла-

до дороги, отделяющей лагерь кавалерии от лагеря пехоты, — фемы, имеющие крестообразное расположение и углообразные выступы, как это точнее и яснее представляет вычерченное изображение. В палатке друнгария виглы должны днем и ночью дежурить ординарцы стратигов[547] и других архонтов.

Необходимо, чтобы отступив от свободного пространства внутрь лагеря, на следующих двадцати двух оргиях, предназначенных для размещения пехотных частей, на восточной центральной большой дороге установили свои палатки таксиархи, занимающие середину лицевой стороны, — один справа от дороги, другой слева. Подобным же образом в углах свободного пространства и дороги, отделяющей их лагерь от лагеря кавалеристов, должны установить свои палатки гекатонтархи[548] и пентеконтархи[549]. Остальная пехота должна расположиться вокруг всадников, в соответствии с установленным прави-

---

геря. См.: *Guilland R.* Contribution à l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Le drongaire et le grand drongaire de la Veile // BZ. 1950. 43; *Haldon*, Praetorians; *Idem*, Expeditions.

[547] *Стратиги* — здесь: командующие фемными войсковыми формированиями. См. примечания №№ 224 и 225.

[548] *Гекатонтархи* — командиры армейских подразделений (судя по контексту, пехотных), насчитывавших до 100 воинов. См. примечание № 258.

[549] *Пентеконтархи* — командиры армейских подразделений (судя по контексту, пехотных), насчитывавших до 50 воинов. По «Стратегикону Маврикия» этот термин неизвестен; в «Тактике Льва» (XVIII, 149) он обозначает одного из *архонтов* фемного кавалерийского войска. Литературу см. в примечании № 258.

лом разместив своих лошадей внутри собственного расположения. Внутри расположения должны быть проведены монопатии, одни в продольном направлении, другие в поперечном, чтобы люди не стесняли друг друга. Большие дороги и монопатии, проходящие по их лагерю, не должны быть заграждены, но должны оставаться открытыми, чтобы всадники, желающие выйти для несения службы, не имели бы помех.

Если же дополнительно окажется четыре таксиархии псилов, не присоединенных к оплитам, то они должны быть размещены в форме буквы гамма в четырех углах лагеря пехотинцев, как это показывает диаграмма лагеря. Каждая тагма и фема должна быть отделена от соседней фемы или тагмы с каждой стороны четырьмя дорогами, или большими, или малыми, как случится. К каждой из них должны вести монопатии, чтобы можно было беспрепятственно и свободно расходиться по своим надобностям и служебным обязанностям.

II. О том, что не следует людей из одной фемы или тагмы размещать в лагере другой фемы или тагмы

Не следует людей из одной тагмы, фемы, банды или турмы[550] размещать лагерем в другой тагме, феме, банде или турме, но каждую часть — со своим архонтом, чтобы тогда, когда внезапно наступит необходимость принять боевой порядок, она была бы в полном составе и не имела нехватки людей. Равным образом должны производиться ежедневные поименные проверки, как это было в обычае у древних, и каждый из низших пехотных и кавалерийских архонтов пусть производит персональную проверку подчиненных ему людей, чтобы регулярность ежедневных смотров привязывала их к своим местам в лагере и чтобы никто не отважился покинуть своего архонта. При этом условии если даже кто-либо из катаскопов[551] смог бы проникнуть внутрь лагеря, он был бы легко обнаружен. Кавалеристы должны быть размещены с учетом того, как предполагается расставить их в паратаксии[552], чтобы они и соверша-

[550] *Турма* — здесь: часть армии административно-территориальной единицы Византийской империи — *фемы* (см. примечание № 225). В составе одной *фемы*, согласно «Тактике Льва» (IV, 43–44), обычно было три *турмы*. Об этом и других значениях термина *турма* см.: *Ahrweiler*, Recherches; *Oikonomidès*, Listes; *Haldon*, Expeditions.

[551] *Катаскопы* — здесь: неприятельские разведчики. См. о них примечание № 242.

[552] *Паратаксия* — единица походного и боевого построения византийской армии (подробно о *паратаксиях* сказано в гл. VIII). См. примечания №№ 247, 303, 307–308.

ли марш и располагались в лагере по соседству друг с другом.

Каждый из пехотинцев должен иметь по восемь триболов[553], соединенных тонкой бечевкой, и у каждой декархии пусть будет небольшой железный кол, к которому должен быть привязан конец бечевки с триболами. Вонзив кол в землю, следует разбросать триболы на расстоянии десяти оргий от рва. Также должны быть вырыты ямы, именуемые подокластами («ноголомами»), в которых должны быть вбиты остроконечные деревянные колья. Следует обозначить их снаружи какой-то приметой: либо небольшим рвом, либо маленьким холмиком из вырытой земли или сложенных камней, чтобы ими не был причинен вред некоторым из собственной армии, падающим туда неосмотрительно; следует также вбить в землю невысокие стержни и развешать на бечевках, натянутых на стержни, вокруг всего лагерного укрепления колокольчики, чтобы наткнувшиеся на них враги или катаскопы, до этого не замеченные виглами, были бы легко обнаружены.

[553] *Триболы* — металлические шарики с шипами, препятствия для конницы и пехоты противника. Впервые как элемент защиты лагеря упомянуты в трактате Вегеция (III, 8); известны и по другим военным трактатам («Византийский Аноним VI в.», «Стратегикон Маврикия», «Тактика Льва»). См.: *Литаврин*, Кекавмен.

III. О необходимости организовать ночные караулы или керкиты[554]

Ночью внутри лагерного укрепления на свободном пространстве должны быть заботливо организованы караулы или керкиты, и каждому из таксиархов надлежит иметь в течение всей ночи караулы стражей в собственном подразделении. Нести надлежащую охрану внутри лагерного укрепления на свободном пространстве, обходя войско кругом, должен оплитарх[555] во главе сотни людей, взятых из псилов, не включенных в таксиархии, причем одна сотня несет службу до полуночи, а затем — до рассвета — сменяется другой сотней. Ибо свободное пространство отмеряется в предвидении его пользы, чтобы не только в нем организовывались керкиты, но также чтобы когда враги атакуют укрепление и бросают в лагерь метательные снаряды, последние падали бы на это пространство и не приносили вред лошадям и людям внутри лагеря: ведь некоторым армиям подобный оборот дела доставил множество неприятностей. К тому же при нападении врага на людей, находящихся в лагере, — случится ли это днем или ночью, — стратиги, размещенные по углам лагеря, смогли бы прийти им на помощь со своими боевыми

---

[554] *Керкиты* — термин, употребляемый в значении «дозоры», «патрули». См.: *Dagron*, Traité; *Haldon*, Expeditions.

[555] *Оплитарх* — здесь: командующий пехотными частями в составе армии. Судя по контексту следующей главы, в подчинении *оплитарха* находились *таксиархи*. См.: *Oikonomidès*, Listes, *Kühn*, Heer; *McGeer*, Warfare.

силами, пройдя пешим строем по свободному пространству. Этих стратигов, размещенных по краям, вместе с подчиненными им людьми следует расположить вне всех фем и поблизости от палаток пехотинцев, чтобы они отделялись от последних лишь лежащей между ними дорогой, которая служит границей лагерных стоянок конников и пехотинцев, — чтобы в случае непредвиденных и внезапных вражеских нападений они могли немедленно и решительно оказать помощь войскам, находящимся в лагере, и сражаться бок о бок с ними. Караульную же службу не должен целиком и полностью организовывать один-единственный оплитарх, но ввиду большой ее утомительности он должен сменяться другим из числа верных людей, рекомендованных, как правило, нашим священным императором.

IV. О виглах, которые надлежит формировать днем и ночью

Обычные виглы, как внешние, так и внутренние, — те, которые устанавливаются вблизи, — должны формироваться из пеших аконтистов и токсотов. Внутренние виглы должны составляться из восьми человек и располагаться каждая на расстоянии полета стрелы от земляного укрепления или несколько дальше. Внешние виглы следует разместить еще дальше, отодвинув их от внутренних вигл не более чем на бросок камня; они составляются из четырех человек, вследствие чего и называются четверками.

Каждой таксиархии надлежит сформировать по пять внутренних и по пять внешних вигл, расположив их на удалении приблизительно пятидесяти оргий одна от другой.

Виглы, которые следует установить еще дальше, должны быть сформированы из боевых сил кавалерии, и те, которые устанавливаются первыми после пехотинцев, должны быть составлены из шести кавалеристов и отодвинуты от пеших внешних вигл на достаточное расстояние, если местность равнинная и открытая. Виглы, размещаемые еще дальше и также именуемые внешними, должны составляться из четверок; с восходом солнца они должны быть выведены из состава охраны, устанавливаемой на ночь. Если же местность пересеченная и лесистая и по ней нельзя пройти кроме как по дорогам, следует надежно охранять лишь те дороги, которые проходят недалеко от лагеря, и в особенности те из них, по которым предполагается подход врагов. Только те стороны, с которых, как сказано, предполагается нападение неприятелей, должны охраняться кавалерией, остальные вокруг — одной лишь пехотой.

Старшие над виглами должны подбираться из людей надежных, чтобы под их началом виглы занимали надлежащим образом свои позиции и осуществляли патрулирование, не пренебрегая охранной службой. Если виглы доставляют какое-либо донесение, они не должны являться в страхе и в замешательстве, как попало, но им не следует допустить ни звона колокольчиков, ни беспорядочного вхождения в лагерное расположение, — иначе вследствие этого

находящиеся внутри будут ввергнуты в смятение, — но, бесшумно преодолев колокольчики, они должны спокойно доложить о случившемся своему таксиарху и оплитарху, а последними пусть будет отправлен вестник непосредственно нашему священному императору. Все это относится к ночному времени; днем же впереди и еще дальше должны нести дозор одни лишь кавалеристы, если местность, как сказано, является открытой и равнинной.

V. Как нужно уменьшить лагерь, если пехотное войско в полном составе, а кавалерия — в сокращенном; если же кавалерии много, а пехота в малом количестве, то как нужно восполнить недостающее и надежно охранять армию

Если окажется, что конница немногочисленна, а пехота в полном составе и внутри лагеря остается немалое свободное пространство, необходимо делать уплотнение, размещая на одну оргию по три оплита, — вследствие этого пространство лагеря уменьшится пропорционально численности кавалеристов и станет соразмерным.

Если же кавалерия более многочисленна, а пехотного войска недостаточно для того, чтобы размещать на каждую оргию по два оплита, как нами было предписано, тогда пространство лагеря может быть увеличено благодаря тому, что половина аконтистов всех таксиархий не будет размещаться вместе с осталь-

ными, но к каждым пяти оплитам будет присоединен один аконтист и выстроен с ними по фронту; таким образом, изменение численности оплитов может уменьшать или увеличивать лагерь.

VI. О двенадцати таксиархиях

Если в походе находятся двенадцать таксиархий и каждая из них имеет по пятьсот оплитов, двести аконтистов и триста токсотов, то и они располагаются в форме квадрата: каждая из сторон простирается в длину на семьсот пятьдесят оргий из расчета размещения двух оплитов на каждую оргию. Минсуратор должен в соответствии с данным ему образцом при помощи веревки отмерить от центра триста семьдесят пять оргий к востоку, столько же к западу, а затем такое же расстояние к северу и к югу, и имея в виду, что императорский шатер будет воздвигнут в центре, он должен отмерить императорскому лагерю по двести шестнадцать оргий в ширину и в длину; подобно этому такую же величину он должен отвести и остальным четырем частям лагеря. В каждой части пусть он выделит, как уже сказано, пятьдесят оргий по кругу на свободные пространства, стоянки пехотинцев и дорогу, разграничивающую палатки кавалеристов и пехотинцев.

Когда в наличии двенадцать таксиархий, с каждой стороны в лагерное укрепление должны вводить по два входа, и один вход оборудуется восточнее и севернее относительно палатки протовестиария, по-

зволяя достигать свободного пространства ставки раньше, чем будет пересечен большой дорогой, идущей с севера на восток. Аналогичным образом пересекаются и остальные дороги: с правой стороны — восточная и южная — напротив палатки стольника, а дороги, идущие с запада, — двумя боковыми. Таким образом, они сочетаются в форме буквы гамма, как об этих и об остальных дорогах свидетельствует представленное изображение. В середине между двумя главными дорогами, привязанными к каждой стороне, следует проложить узкую дорогу, имеющую две оргии в ширину; она должна разделять расположения кавалеристов и, повернув в направлении ставки, упереться в нее, чтобы все могли спокойно и беспрепятственно прибывать в ставку для выполнения установленных им служебных обязанностей.

Поскольку неподходящий характер местности зачастую не позволяет оборудовать лагерь четырехугольной формы, — а выше мы пообещали изложить, касаясь тесных и неудобных мест, как нужно в них по-иному располагать лагерь, — мы полагаем, что во многих случаях, под давлением необходимости и в зависимости от характера местности, он может быть построен разносторонним: либо треугольным, либо круглым. Если местность сделает его совсем узким и вытянутым в длину, а вблизи над ним нависает гора и посылаемые оттуда метательные снаряды достигают лагеря, падая сразу же на свободное пространство внутри лагерного расположения, то войско, вынужденное самим характером местности расположиться здесь лагерем, все-таки сможет простоять

одну ночь в этом ненадежном месте, при условии, что вызывающая опасение сторона будет усилена дополнительным количеством оплитов и псилов, чтобы в том случае, когда враги, сконцентрировавшись в таком месте, предпримут ночное нападение, находящиеся в лагере не оказались бы бессильными и неподготовленными. Если же метательные снаряды смогут легко достигать палаток, следует избегать располагаться лагерем в таких местах: ведь многие армии погибли в ночное время в подобных обстоятельствах. Поэтому необходимо разузнать, расспросить, обдумать и посоветоваться с опытными дукаторами, и когда найдется более подходящее место, даже если оно и не близко, пусть еще до рассвета армия начнет движение и будет мало-помалу приближаться к этому подходящему месту, пока не достигнет его, — при этом необходимо совершать марш, соблюдая меры надлежащей охраны и безопасности. Так можно делать, если нет опасности нападения врагов с наступлением дня. Если же враги ожидаются, то марш ночью через тесные и труднопроходимые места не принесет пользы. Будет лучше в дневное время стать лагерем на месте более близком, хотя и неустойчивом, и отрядить пешее войско токсотов и аконтистов с целью разведать и занять упомянутые опасные, закрытые и угрожающие места и предпринять все меры безопасности, чтобы в эту ночь с войском не случилось чего-либо пагубного.

VII. О том, что в местах, оказавшихся ненадежными и тесными, следует разделить всю армию надвое и разместить ее двумя лагерями

В местности, оказавшейся столь ненадежной, следует в силу необходимости разделить войско надвое и разместить каждую из таких частей в просторном и пригодном месте, в точности выделяя в обоих расположениях войска свободные пространства и промежутки, предназначенные для защиты. Подразделения пехоты нужно разделить пропорционально между каждым из лагерей для надежной круговой защиты обоих, и если не хватит оплитов, то следует разместить по фронту с оплитами некоторых из аконтистов, пока они не охватят все конное войско, располагаемое внутри. Как уже сказано, подобная точность должна быть соблюдена в обоих лагерях.

Архонтом второй выделенной части войска следует назначить человека, известного своими знаниями и опытом, который смог бы на ближайшую ночь обеспечить этой части надлежащую защиту. В самом деле, гораздо лучше и выгоднее расположиться лагерем разделившись, чем быть в тесноте и иметь вблизи лагерного укрепления возвышенности, так что бросаемые с них метательные снаряды могли бы легко достигать палаток и причинять войску громадный вред. Если же гора, разделяющая оба лагеря, позволяет тем, кто намерен ее преодолеть, переходить из одного лагеря в другой для оказания помощи друг другу, когда случится неожиданное нападение вра-

гов, то лагерь даже и не будет считаться разделенным, но в плане боевого взаимодействия он окажется как бы соединенным. Если же, напротив, разделяющая возвышенность препятствует переходу из одного лагеря в другой и придется устанавливать лагеря на более дальнем расстоянии друг от друга, то и тогда, по милости Христа, ни с одним из них не приключится никакой пагубы, если их охранять бдительно и надлежащим образом. Ибо подобно тому как наше войско, вторгавшееся во вражескую землю не всегда только с превосходящими силами, но порою и в ограниченных размерах, не несло никакого урона, но успешно оберегалось, точно так же и в течение одной ночи оно не испытает никакого вреда вследствие разделения, если будет проявлена надлежащая бдительность.

VIII. О том, какую численность должно иметь кавалерийское войско

Боевое кавалерийское войско, если его численность составляет восемь тысяч двести человек, следует разделить на двадцать четыре таксии[556], насчи-

[556] *Таксия* — здесь: обобщающее наименование воинского подразделения в условиях марша или боевого строя (см. примечание № 285). В дальнейшем изложении автор трактата зачастую не проводит строгого различия между понятиями *таксия* и *паратаксия*, употребляя их как равноценные и взаимозаменяемые. При переводе мы корректируем лексику автора с учетом военно-технического значения указанных терминов.

тывающие по триста человек. В свою очередь, эти двадцать четыре таксии следует объединить, как и пехотинцев, в четыре паратаксии, равные между собой по силе, насчитывающие каждая по шесть таксий, чтобы когда вся армия находится на марше, они следовали бы четырьмя мерами[557] по шесть таксий в каждой, образуя авангард, арьергард и фланги. Императорская же паратаксия, насчитывающая тысячу человек, пусть будет сверх них, чтобы император мог оказывать помощь частям, потесненным в сражениях, отряжая для этого людей из собственной паратаксии.

Если кавалерия будет иметь больше людей, чем восемь тысяч двести, то паратаксии, составляющие четыре меры, должны получить усиление. Ибо когда император участвует в походе, кавалерийскому войску необходимо иметь численность не всего лишь восемь тысяч, но и более. Ведь число восемь взято нами только в качестве модели для двадцати четырех таксий, поскольку такая модель является пригодной и в сражениях, и на марше через открытые пространства при угрозе внезапных вражеских нападений.

Если в наличии будет меньшая численность, чем восемь тысяч двести человек, то следует сократить и количество таксий, оставив их по пять в каждой мере. Если численность кавалерии окажется еще меньшей, то в силу необходимости каждая мера будет иметь по четыре таксии, — однако же в случае

[557] *Мера* — здесь: единица походного и боевого строя армии, приравненная к *паратаксии*.

участия в походе императора наличие четырех таксий в каждой мере является совершенно недостаточным. Если же численность кавалерии будет определена еще меньшим показателем, императору не следует выступать в поход с таким ничтожным количеством.

IX. *Как нужно организовать выступление из лагеря всего войска*

Когда войско намеревается оставить лагерь, пусть незадолго перед рассветом трубы подадут сигнал, чтобы все приготовились к маршу. Архонтам, размещенным вдоль больших дорог, надлежит приказать, чтобы некоторые из их людей, поднявшись в седло, несли охрану дорог, препятствуя и не позволяя вьючным лошадям и людям, ухаживающим за лошадьми, загромождать дороги или начинать выдвижение, но поворачивать их обратно в лагерное расположение, и держать дороги свободными, чтобы боевые силы могли передвигаться беспрепятственно.

Архонт авангардных таксий войска, архонт плагиофилаков[558] и архонт саки[559] должны отбыть в ставку и, получив от нашего священного императора бла-

[558] *Плагиофилаки* — личный состав фланговых подразделений походного и боевого построения армии. Термин часто встречается и в «Стратегиконе Маврикия» (напр., Strategicon, I, 3; II, 1–6; III, 5, 10; VII B, 1; XII A, 7 etc.), и в «Тактике Льва» (напр., TL, IV, 25; XII, 28; XVIII, 143–150 etc.). См.: *Dagron*, Traité.

[559] *Сака* — здесь: арьергард армии. См. примечание № 275.

гословение и предписание, каким образом следует совершать марш, должны возвратиться к своим частям. Когда прозвучит второй сигнал труб, пусть архонт войскового авангарда, взяв с собой три таксии и дукаторов, выступит из лагеря и, удалившись от лагеря на расстояние одного или двух полетов стрелы, там остановится. Пусть и архонты плагиофилаков выдвинутся на такое же расстояние, на какое отошли авангардные части, и, выстроив по одной из своих таксий на одном и на другом фланге от них, также там остановятся. То же самое должен сделать и архонт саки, выстроив одну таксию в тылу.

Мы говорим об этом, не имея в виду нападения больших армий. Ведь приближения больших армий в большинстве случаев быстро распознаются, и если стратиг не беспечен совершенно, но бдителен, то крупномасштабные нападения никогда не останутся ему неизвестными, — но речь идет о том, чтобы перехватить, если потребуется, с помощью небольших сил тех тайком подкравшихся неприятелей, которые могли бы привести войско в замешательство и явиться причиной какого-либо смятения и робости во время его движения.

По тому же самому второму сигналу труб должен быть свернут императорский шатер, а после этого — и остальные палатки. Ведь как при установке лагеря не следует разворачивать никакие палатки раньше императорского шатра, так и наоборот, когда войску предстоит сняться с места, раньше него другим не следует устремляться. И также по второму сигналу трубы войсковые подразделения, каждое в отдельности, должны погрузить свое имущество на вьючных

животных, но оставаться в своих расположениях, ожидая третьего сигнала трубы и отбытия из лагеря нашего священного императора с кавалерийскими таксиями. Когда прозвучит третий сигнал, наш священный император, поднявшись на свою лошадь, должен покинуть лагерь вместе с сопровождающими его таксиями.

X. О марше

На марше должны идти впереди шесть таксий вместе с паратаксией, принадлежащей нашему священному императору, но не в общем строю. Одна из этих таксий пусть уйдет вперед на достаточное расстояние, чтобы наблюдать и изучать местность и докладывать нашему священному императору о намерениях и замыслах врагов. Из пяти оставшихся таксий три должны идти впереди, а две — по ту и другую сторону от паратаксии нашего священного императора, и пусть они совершают марш вслед за теми, которые выдвинуты в авангард. Как только идущие впереди кавалерийские части освободят путь, пусть тотчас же за ними по дороге, идущей по прямой линии, двинутся пехотные части, располагавшиеся вдоль лицевой стороны лагеря. Пехотные же части, размещавшиеся вдоль боковых и тыловой сторон, пусть совершают марш в соответствии с расположением и формой лагеря, если местность равнинная и открытая, поместив в середину всю прислугу и вьючных животных. Императорский обоз должен повсюду

следовать со своей прислугой и иметь отличительный знак, чтобы быть легко опознаваемым; далее за ним пусть следует остальное обозное имущество. Таксии плагиофилаков должны совершать марш вблизи флангов пехотных таксий, выстроившись по три с каждой стороны последовательно одна за другой. Снаружи от них вдоль флангов по аналогичной схеме должны следовать еще по три таксии. Эти шесть внешних таксий плагиофилаков, расположенные с двух сторон, должны выделить по тридцать человек каждая из своих собственных людей и отправить их на значительное расстояние от флангов, чтобы они следили за всеми действиями врагов в своих зонах и сообщали обо всем своим старшим командирам.

Архонт других шести тыловых таксий, именуемых сакой, должен выделить сто человек во главе с каким-нибудь опытным командиром и поручить им курсировать на определенном расстоянии позади тыловых подразделений для наблюдения за тем, чтобы враги неожиданно не напали на них с тыла. С целью отражения арабов[560] и турок, дерзко нападающих на таксии, рекомендуется для совместного марша с ними распределить в каждую из имеющихся двенадцати внешних таксий по сто пятьдесят пехотинцев-токсотов, выделив их из таксиархий, укомплектованных исключительно лишь токсотами.

[560] Краткая характеристика этнонимов, встречающихся в трактате (*арабы, «турки», росы, болгары, эллины, ромеи, печенеги*), дана нами во вводной статье к изданию трактата «О лагерном устройстве».

Пусть император имеет при себе собственных токсотов, если пожелает; пусть при нем будут также росы[561] и малартии[562]. Если где-нибудь по пути движения армии встретятся поселения, пусть будут отправлены слуги для добывания всего необходимого. Если эти слуги удалятся на какое-то расстояние, поскольку поселения будут располагаться сбоку и в стороне от дороги и внешние таксии плагиофилаков отойдут на их защиту, пусть будет подан сигнал труб к их возвращению, а войску будет приказано не продолжать движение, но подождать возвращения слуг. После их сбора пусть марш будет возобновлен.

Если преодолеваемое пространство станет тесным или дневной переход окажется более протяженным вследствие неудобства местности либо нехватки воды, а длительность дневного перехода, делающая марш более изнурительным, приведет к разобщению

---

[561] *Росы* — контингент наемников силой до одной *тагмы*, возможно, варяжского происхождения. О нашем толковании этого термина см. во вводной статье к настоящему изданию.

[562] *Малартии* — воинское подразделение, вероятно, силой до одной *тагмы*. В анализируемом сочинении *малартии* упоминаются дважды (второй раз в гл. XIX) и в обоих случаях вместе с *росами*; в других военных трактатах термин не встречается. По предположению Дж. Дэнниса (*Dennis*, De castr. P. 283, n. 2), на вооружении *малартиев* были копья (дротики), мечи и щиты, что отличало их от лучников. Ж. Дагрон (*Dagron*, Traité. P. 155, n. 63) вполне уверенно полагает, что речь идет о пехотном контингенте, имеющем на вооружении булавы или, что более вероятно, копья, — это противопоставляет их *росам*, вооруженным секирами.

нестроевых подразделений и рассредоточению пехотных таксий, поскольку пехотные и обозные части растянутся в длину, — в этих случаях, когда окажется недостаточным иметь по три фланговых таксии для их защиты, полагаемых по обыкновению, необходимо иметь по шесть таксий с каждой из сторон, вытянутых в длину и следующих одна позади другой. Если пехота и обозы окажутся растянутыми еще больше и их не смогут надежно защитить даже по шесть таксий с каждой стороны, необходимо с одной и с другой стороны присоединить к колонне две таксии, взятые из авангардных частей, а также две другие — из саки, чтобы фланговые таксии совершали марш по восемь в ряд, сохраняя порядок и удалившись одна от другой приблизительно на один или два полета стрелы, в зависимости от обстоятельств. Если же войско растянется еще больше, тогда пусть наш священный император поторопит идущих позади, чтобы они не ослабляли скорости и интенсивности марша, иначе они, оказавшись незащищенными, могут понести урон от врагов, подобных арабам или туркам.

Прибыв на место лагерной стоянки, эти таксии не должны сразу же разрушать свой строй, но, отступив немного в сторону, должны расположиться вокруг лагерной стоянки, чтобы прислуга успела полностью установить палатки. После того как лагерь будет установлен, пусть по две таксии из каждых фланговых и одна из авангардных будут расставлены снаружи, остальные же таксии пусть будут впущены в лагерь. Но сам наш священный импера-

тор со своим окружением, если нужда не продиктует какой-либо другой необходимости, расположившись в подходящем месте, пусть наблюдает за всем и ожидает подхода саки; после же прибытия саки пусть все полностью войдут в лагерь.

XI. О том, как нужно действовать, зная, что неприятели намереваются напасть ночью на лагерное укрепление

Если наш священный император узнает, что неприятели планируют атаковать ночью, пусть он не очень далеко от лагеря подготовит засады, и когда враги нападут на размещенных в лагере, пусть эти засадные части, подойдя или с фланга, или с тыла, разрушат козни врагов, обратив их вспять. Но после отражения врагов пусть они не предпринимают преследования, поскольку ночью это бесполезно.

Стратиотам[563] необходимо иметь условные знаки и пароли, чтобы не только распознавать неприятелей ночью, но чтобы и в дневном тумане или в поднятой пыли можно было с помощью привычных опознавательных знаков, отличающих одного от другого, лег-

[563] *Стратиоты* — здесь: воины вообще. В специально-терминологическом смысле стратиоты являлись социальной группой свободного земледельческого населения империи, обязанного военной службой в фемных контингентах. См.: *Ahrweiler*, Recherches; *Литаврин*, Кекавмен; *Dagron*, Traité; *Haldon*, Recruitment.

ко отделить своих от врагов, с которыми они перемешались в сражении.

XII. О том, как нужно действовать, если во время марша армии враги атакуют ее большими силами

Если нашему священному императору будет доложено, что во время марша армии ожидается нападение крупных неприятельских сил, неблагоразумно отражать их, продолжая движение, но следует приказать прислуге прежде всего сгрузить всю кладь, а затем и императорский шатер, и поручить их кому-либо из высших архонтов, и в случае, если войско надлежащим образом вооружено и упорядочено, повести его в сражение и с Божьей помощью отразить неприятелей. Если на месте, где остался обоз, нет воды, то после преследования противника тот из наших командиров, которому был вверен обоз, должен отойти к назначенному месту лагерной стоянки.

XIII. О том, что опасно совершать марш в безводных местах в условиях вражеской угрозы

Ко всему остальному следует добавить, что когда враги угрожают, то опасно вести армию через безводные места, и особенно — в летнюю пору. Ведь если зимой войска могут часто выдерживать без

воды целый день, то в летнее время они не выдержат и до завтрака, а вместе с лошадьми погибнут и люди. Поэтому опасно быть вовлеченным в две войны: я имею в виду одну войну с неприятелями, а другую — с нехваткой воды в жару. И если потребуется, следует предпочесть усталость в течение трех или четырех дней тому пути, который короток, но безводен. Ибо гораздо лучше благополучно совершать марш, предпочитая тяготы длинного, но безопасного пути, чем увлечься коротким расстоянием, но сопряженным с опасностью.

XIV. О том, что нужно делать, если встретится теснина, или мост, или переправа через глубокую реку

Итак, если во время пребывания армии на неприятельской территории, как сказано, император узнает от дукаторов, что на следующий день предстоит преодоление теснины, или моста, или переправа через глубокую реку, следует заранее выслать в теснину пехотные таксии, чтобы надежно ее удержать, и если император не желает испытать полного расстройства таксий, перемешавшихся одна с другой в неудобной местности, ему необходимо еще с вечера предписать, как надлежит проходить эту местность в соответствующем порядке. Прежде всего следует выделить таксиархию и приказать ей уйти вперед вместе с авангардной, определяемой обычным порядком конницей всех остальных таксий, а далее уста-

новить, как надлежит преодолеть теснину таксиям, идущим одна за другой в строгой последовательности. После этого нужно приказать одному из опытных архонтов отправиться вперед, догнать авангардную конницу всех таксий и остановиться, — при этом если встретится мост, то в его начале, если же водная преграда, то на берегу реки, чтобы обеспечить безопасный и упорядоченный переход войска; пусть остается там либо он сам, либо кто-нибудь вместо него, пока не переправится все войско.

Кавалерийские таксии плагиофилаков правого фланга должны находиться позади императора и перейти после него; пешая таксия этого же фланга — после перехода фронта фаланги[564], следуя позади него. После этого пусть перейдет основная часть обоза, сразу же позади него — правая сторона синтаксии[565], за ней — левый фланг пехотинцев, а после того как переправятся обе эти части синтаксии, должны переходить конные таксии плагиофилаков левого фланга. Позади всех, как и впереди, должна следовать одна таксиархия пехотинцев.

Указанным образом в строгом порядке следует переходить теснины, и таксиям не следует ни соединяться, сливаясь одна с другой, чтобы избежать какого-либо беспорядка, ни смешиваться с прислугой

---

[564] *Фаланга* — судя по контексту, данный термин употреблен автором в самом широком смысле, как походный строй вообще, и потому не имеет какого-либо специального военно-технического значения.

[565] *Синтаксия* — здесь: походная колонна армии на марше.

и вьючными животными. После того как они преодолели теснину, или реку, или другое препятствие, которое может встретиться, и когда каждый займет свое собственное место, пусть они продолжают марш в установленном порядке.

XV. О том, что не следует вводить массу бесполезного народа во вражескую землю

Рискованно и вредно, как об этом сказано древними и как это доказывает нам опыт, приводить с собой во вражескую землю толпу бесполезного и не участвующего в сражениях народа, и нести кладь, превышающую необходимую потребность, и иметь множество мулов, ослов и верблюдов, — особенно в страну болгар, в которой имеются лесистые и труднопроходимые клисуры[566], а также много узких до-

[566] *Клисура* — здесь: военно-технический термин, используемый для обозначения ключевых позиций в горной местности (теснин, ущелий, перевалов), контроль над которыми обеспечивает безопасность марша основных сил армии (подробнее см. гл. XIX и XX). Именно в этом прямом значении термин использован единственный раз в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, IX, 3). Информация военных трактатов о способах преодоления клисур обобщена нами в статье: *Кучма В. В.* Теория и практика ведения горной войны по данным византийской полемологии // ВВ. 2001. 60 (85). В более позднее время *клисурами* стали именоваться мелкие административно-территориальные единицы внутри *фемы*. О различных значениях термина см.: *Ahrweiler*, Recherches; *Литаврин*, Кекавмен; *Oikonomidès*, Listes; *Dagron*, Traité; *Haldon*, Expeditions.

рог, и если армии предстоит по ним проходить, все бесполезное в этих условиях будет ее связывать. Когда армия влечет за собой множество праздных людей и груз ненужных и роскошных вещей, бесполезных и дорогостоящих, тогда переход в один день пути не завершится и в четыре, а при форсировании глубоких и болотистых рек и при переходах через мосты праздная толпа принесет армии немало бесполезных страданий. К тому же бесполезная толпа, израсходовав продовольствие, которое необходимо для потребления боевым силам вкупе с соответствующим количеством необходимой прислуги, обречет войско на скорую нужду и вынудит его возвратиться, ничего не добившись: ведь часто препятствует достижению успеха не мощь неприятельской армии, а одна лишь нужда, порожденная неблагоразумием. Люди, которые изнурены страданием, приходят к тому, что, устрашенные слухами, распускаемыми врагами, и подталкиваемые пагубными речами и различными кознями, которые возможны со стороны врагов, сами разрушают замыслы императора, направленные ко благу, и вызывают скорейшую ретираду.

XVI. О надлежащем вооружении

Нет ни справедливости, ни пользы в том, чтобы умолчать о дорогостоящем, но совершенно излишнем роскошном вооружении, и бесполезном золоте и серебре, предназначенном для убранства лошадей,

и бесполезной серебряной утвари, ввозимой во вражескую землю ради тщеславия некоторых; однако следует напомнить и о том, что подобает иметь. Есть надобность только в том, что необходимо и пригодно в сражении, — в лучших лошадях, прочных доспехах, превосходных шлемах и мечах, в которых одно только железо превосходит все остальные материалы. Бесполезное пресыщение золотом и серебром, приводящее армию к урону и нужде, во всех отношениях излишне и вредно во времена войны, и если ты усердно изучал исторические книги, исследуя великие трофеи эллинов и ромеев, воздвигнутые в войнах[567], ты мог обнаружить исключительную простоту в их образе жизни, снаряжении и вооружении.

XVII. О том, что младшим архонтам не следует иметь палаток

Нет ни пользы, ни необходимости везти с собой во вражескую землю палатки младших архонтов, особенно в землю болгар, если нет намерения ради внешней пышности армии всего лишь значительно увеличить массу бесполезного народа. Вследствие этого в стране, которая, как сказано, является труднопроходимой и поставляет немного продовольствия, подчиненным им стратиотам будет нанесен немалый вред. Вместо этого указанным архонтам вполне достаточно иметь укрытие в виде шалашей,

[567] См. примечание № 231.

легко сворачиваемых по утрам и на время жары, а всю бесполезную кладь нужно заменить всем тем необходимым, в чем действительно имеется нужда.

XVIII. О дукаторах и катаскопах

Поскольку не следует пренебрегать ничем, что направлено к общему благу армии, необходимо иметь опытных и знающих дукаторов, всячески им покровительствовать, их опекать и о них заботиться: ведь без них ничего хорошего не может быть достигнуто. Мы называем дукаторами не просто тех, которые хорошо знают дороги, — ведь это может знать и любой поселянин, — но тех, которые, в дополнение к знанию дорог, способны успешно управлять переходом войска через клисуры, предвидеть и предусмотреть истинную протяженность дневных переходов и отыскать места для просторного лагеря, удобные и обеспеченные в изобилии водой, и, исходя из состояния вражеской земли, точно сообщить вторгнувшемуся в нее войску, в каких пределах можно опустошать страну и обращать ее жителей в рабство.

Надлежит также выдвинуть вперед многочисленных и подходящих хосариев, которых люди с востока именуют трапезитами[568], и пусть они постоянно то в одном, то в другом месте проникают во вражес-

[568] *Хосарии,* или *трапезиты* — здесь: мобильные воинские отряды, используемые для разведывательных рейдов на вражескую территорию. См. примечания №№ 172, 246 и 426.

кую землю для захвата в плен людей, чтобы через последних точно узнавать о намерениях врагов, готовы ли они действовать или ожидают помощи союзников, и чтобы, короче говоря, ничто из задуманного ими не осталось незамеченным.

Подобно им в высшей степени полезны катаскопы: проникнув во вражескую страну, они могут точно изучить врагов и сообщить тем, которые их послали. Доместику[569] и пограничным стратигам[570] разрешается иметь катаскопов не только среди болгар, но и среди других пограничных народов, обитающих в землях печенегов, и турок, и росов, чтобы ничто из замышляемого ими не оставалось нам неизвестным. Иногда пленные, захваченные вместе с женами и детьми, принесут больше пользы, чем иные из ката-

[569] *Доместик (схол)* — здесь: военный руководитель одного из двух независимых территориальных командований, созданных во второй половине X в. (судя по контексту, имеется в виду доместик схол Запада). Доместикам схол Запада и Востока были подчинены все вооруженные силы империи, расположенные на соответствующей части ее территории. См.: *Литаврин*, Кекавмен; *Oikonomidès*, Listes; *Kühn*, Heer.

[570] *Пограничные стратиги* — здесь: главы пограничных военно-административных округов — *фем*. В результате реорганизации военной и административной структуры империи, проведенной в конце X — начале XI вв., *стратиги* пограничных *фем* перешли в подчинение правителям новых крупных административно-территориальных образований (*дукам* и *катепанам*). См.: *Ahrweiler*, Recherches; *Oikonomidès*, Listes; *Литаврин*, Кекавмен; *Dagron*, Traité; *Kühn*, Heer; *Haldon*, Praetorians; *Winkelmann*, Rang- und Ämterstruktur.

скопов. Связав их обещанием стратигов предоставить им свободу вместе с женами и детьми, их следует направить на разведку, и когда они возвратятся после изучения всего того, что касается их соотечественников, они расскажут только правду.

XIX. О прохождении клисур, не занятых неприятелями

За несколько дней до того, как войску предстоит вступить на вражескую территорию, пусть будут отправлены дукаторы, катаскопы и хосарии, чтобы хорошо изучить все дороги и узнать, не заняты ли они неприятелями. И если станет известно, что они не заняты, тогда нецелесообразно вводить войско в неудобную местность: ведь вражеские нападения обычно случаются после того, как начался переход через тесные места. Если же какая-либо необходимость вынудит пройти именно по таким дорогам, за один или за два дня должен быть послан отряд пехоты, возглавляемый мужественным и знающим архонтом и имеющий больше токсотов и аконтистов, чем оплитов. Если есть возможность, пусть и отряд конников там будет присутствовать и взаимодействовать с пехотинцами с целью их большего воодушевления. Также следует идти с ними более опытным дукаторам и таксиархам, служившим на Западе, которые знают такую местность более детально, чем другие. Архонт должен постараться захватить все самые высокие точки местности или же оборудованный

фрурион[571], если окажется, что он находится в данном месте, и пусть оттуда он надежно удерживает не только ту дорогу, по которой предстоит перейти армии, но также с большим рвением охраняет все остальные дороги, предоставляющие возможность для подхода по ним неприятельского войска, чтобы враги не были в состоянии ниоткуда напасть на армию, находящуюся в невыгодной позиции, и нанести ей урон в этих условиях.

После надежного занятия дороги архонт должен доложить нашему священному императору, и после этого следует приступить к переходу. Пусть будут выделены две таксиархии, которым надлежит идти впереди кавалеристов, неся с собой секиры и топоры для расчистки пути, где это потребуется. Командиру двух передовых таксиархий должно быть дано императорское распоряжение, чтобы на всем протяжении этой дороги, где обнаружатся сколько-нибудь сужающиеся и труднопреодолимые места, он оставлял бы часть пехотинцев, чтобы удерживать и охранять их до перехода всего войска. Позади этих пехотинцев должны следовать передовые формирования кавалерийских таксий нашего священного императора, после них — пехотинцы, которые следуют вместе с императором, то есть росы, малартии и токсоты, за ними — наш священный император с

[571] *Фрурион* — здесь: разновидность укрепленного пункта, предназначенного для укрытия в нем местного населения. В этом основном значении термин используется в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, IX, 3; X, 2). См.: *Dagron*, Traité.

его окружением и в сопровождении соответствующих кавалерийских таксий, а после них пусть переходит остальное войско в той последовательности, как нами каждому было предписано. Две таксиархии, идущие впереди всего войска, должны сохранять походный порядок вплоть до их размещения в лагере, точно так же как и все остальные. Позади всех, в том числе и саки, должны следовать две таксиархии пехотинцев. Архонт, заранее овладевший дорогами, не должен их оставлять, пока не перейдет вся армия целиком, но лишь после того, как перейдут все, пусть тогда и он перейдет самым последним вместе с подчиненными ему людьми.

XX. О клисурах, занятых неприятелями

Если тесные места, через которые войско намерено перейти, были заранее захвачены подготовленными и сильными врагами, и в этом наш священный император совершенно точно удостоверился благодаря катаскопам и другим им подобным, о которых сказано выше, не следует приближаться ни к этому месту, ни к другой удерживаемой неприятелем труднооодолимой дороге, представляющей опасность, и безрассудно вводить туда армию. Мы говорим об этом не из страха перед врагами, но увещевая избегать неопределенности и риска опасных мест. Ведь часто прочность позиции помогает слабым одолеть многих мужественных. Опасность очевидна там, где у нас нет возможности нанести удар конницей или

колесницами, тогда как у неприятеля такая возможность имеется. Поэтому целесообразно и полезно уйти на другую свободную дорогу, даже если она отдалена от первой расстоянием в три или четыре дня пути, и если она не занята, двигаться по ней, предварительно заняв и удержав ее с помощью пехотинцев тем способом, который нами предложен для безопасного перехода. Если же случится, что и она занята неприятелями, дукаторы смогут привести другими дорогами по одну и по другую сторону от укрепившихся врагов достаточные силы пехоты, и пусть они с тыла или же с флангов действуют против неприятелей. И если они одолеют врагов и будут их преследовать или если враги сами отойдут, напуганные теми, которые неожиданно для них напали с флангов, тогда пусть войско проходит безбоязненно.

Если неприятели владеют расположенной на этом месте возвышенностью или высокой скалой, образующей подобие фруриона, и, защищенные ее неприступностью, стойко охраняют дорогу и если их невозможно атаковать не только с двух, но даже и с одной стороны, к ним должны подойти по главной и самой центральной дороге некоторые подразделения легковооруженных надежных пехотинцев, и пусть эти последние попытаются спровоцировать врагов на столкновение и выманить их с укрепленной позиции притворным бегством, чтобы наши части, напав с фланга или с тыла, одержали бы над ними верх и добились их уничтожения. Но если совершенно невозможно атаковать противника с флангов вследствие полной неприступности позиции, каковое по-

ложение мы многократно наблюдали, тогда пусть армия беспрепятственно идет по одной из лучших боковых дорог, не опасаясь никакого вреда со стороны неприятелей. Ведь подобно тому как местные уроженцы вследствие неудобства позиции затруднились бы вступить в бой с чужеземцами, точно так же они сочтут неосуществимым и невозможным переход и для наших войск. Опыт научил нас прохождению через горы и дороги не занятые, но оставленные без внимания неприятелями по причине непреодолимости, известные, однако, опытным дукаторам и пригодные для передвижения, и, оставаясь благодаря этому незамеченными, и мы сами, и многие другие проходили их вполне спокойно и беспрепятственно.

Итак, если дукаторы надежны и опытны в проведении других больших армий и если они хорошо знают эти имеющиеся дороги, пусть подразделение пехоты займет их заранее изложенным выше способом и пусть армия без опасения туда вступает. Эту или другую дорогу, по которой движется наше войско, необходимо охранять отрядом пехоты, предусмотрев защиту для него самого, например, опираясь на фрурион или самую высокую либо максимально неприступную позицию. И если предстоит возвращаться по этой дороге или доставлять по ней войску все необходимое, то неразумно с нее уходить; если же по другой, пусть об этом будет сообщено пехотному архонту, чтобы тот, если это будет приказано, взял под охрану дорогу, по которой будет возвращаться наш священный император.

Если же боевые силы пехоты не будут оставлены охранять клисуру и она останется незанятой, необходимо обеспечить в будущем выход и возвращение из неприятельской земли армии с такой же основательностью и заботой, как было предписано, и даже с еще большей. Ведь когда армия вступает в неприятельскую землю, врагам неизвестно, в какую именно часть страны предстоит вторжение, и когда к тому же каждый из них обречен искать убежища со всеми своими пожитками, — в этих условиях, естественно, дороги останутся неохраняемыми. Когда же войско намеревается покинуть вражескую землю, враги проявят немалую заботу о том, чтобы заранее захватить дороги и на короткое время сосредоточить воедино как свои собственные, так и чужие ресурсы. Случается также, что возвращающееся войско сопровождается множеством военнопленных и стадами скота, и каждому о них нужно будет беспокоиться. Следовательно, в этом случае необходима более многочисленная и сильная охрана.

Итак, когда мы намереваемся перевести через клисуру возвращающуюся армию, ей нужно предоставить покой и не бросать ее, изнуренную походом, в сражение, особенно пехоту. Если же дорога занята неприятелями, тогда следует, разместив армию в подходящем месте недалеко от клисуры, предоставить ей отдых на остаток дня или даже и на другой день и, успокоив ее и возбудив ее мужество, начать переход на следующее утро, как об этом подробно было предписано ранее. Нами было сказано о том, как надежно и безопасно, насколько это возможно,

провести войско через клисуры. Всего же лучше и выгоднее вводить войско во вражескую землю и выводить из нее по ровному и просторному пути, и ни в коем случае не следует проводить по тесным и труднопроходимым дорогам войско, обремененное множеством прислуги и вьючных животных.

Если же дорога, по которой предполагается вывести армию, узка и труднопроходима, а враги находятся вблизи от этих тесных мест, и если выход из теснины возможен тремя дорогами и при этом дороги не слишком удалены одна от другой, следует оставить сзади с тыльной стороны трех хилиархов, и пусть один из хилиархов вместе со своей пехотой удерживает первую теснину пути, второй — другую, а третий — оставшуюся. Точно таким же образом с лицевой стороны должны быть поставлены три других хилиарха, так что с обеих сторон будут стоять шесть хилиархов, которые должны сохранять построение четырехугольной паратаксии, о которой сказано выше; в середине по обе стороны дорог должна идти кавалерия, и пусть она продвигается вперед в установленном порядке, тогда как указанные пехотные таксии будут охранять выход из теснины до ее полного прохождения кавалерией. Если есть основание опасаться, что враги находятся перед тесниной, тогда пехотные части лицевой стороны, то есть три хилиарха, должны идти впереди кавалерии, пока не достигнут теснины; подступив к теснине, эти пехотные части должны задержаться, пока не перейдет вся кавалерия, а когда кавалерия перейдет и когда приблизятся тыловые пехотные таксии, тогда двинуться дальше в надлежащем порядке.

Если же из теснины два выхода или даже один, должен быть соблюден такой же порядок. Но если и выход занят неприятелями и теснины будут захвачены врагами, подошедшими к ним с тыла, а другого выхода не окажется, нужно отыскать подходящие места, обеспеченные водой, и там дать войску отдых, и в то время, когда преследующие враги приблизятся, нужно прежде всего подготовить таксии кавалерийского войска и двинуть их против врагов, преследующих с тыла. И если, благодаря Божьей помощи, враги обратятся в бегство, нужно их преследовать в соответствии с вышеизложенными наставлениями о преследовании врагов, до тех пор пока они не будут полностью обессилены и, будучи рассеянными, не смогут соединиться со своими и вновь повернуть против нас.

Но если враги многочисленны и смело держатся, жаждая сражения, тогда необходимо, чтобы за кавалеристам последовали и пехотные таксии всего войска и чтобы они все вместе вступили в сражение, пока с Божьей помощью враги не будут обращены вспять; а когда те будут отброшены и все войско возвратится с победным ликованием и торжеством, враги, удерживающие теснины дорог, будут охвачены сильным страхом и сами обратятся в бегство. Но если они, преодолев робость, стоят самоуверенно и дерзко, удерживая выход из теснин, они должны быть изучены руководством армии — каковы они, в каком они количестве и в каком порядке расставлены, и в соответствии с их качеством и количеством следует подготовить и направить против них три пехотные

таксии. И если враги размещаются среди камней и скалистых утесов, охраняя дороги, проходящие внизу, должны быть направлены аконтисты и псилы, токсоты и сфендонисты[572], а если возможно, пусть и некоторые менавлаты[573], обойдя эти обрывистые места, подойдут напрямик местами ровными и более гладкими. Оказавшись перед врагом, не следует спешить с нападением и неосмотрительно обрушиваться на врагов, так как позиция им благоприятствует, но нужно действовать против них путем неожиданных нападений из различных мест и тревожить их посредством упомянутых токсотов, аконтистов и сфендонистов. Если и после этого они упорствуют, в чем им помогает прочность позиции, тогда необходимо направить против них одну или две таксии оплитов, проведя последних через равнинные места, и когда с Божьей помощью произойдет отход врагов, после этого все остальное войско сможет беспрепятственно пройти через такие тесные и труднопроходимые места.

[572] *Сфендонисты* (другое написание — *сфендониты*) — воины легкой пехоты, вооруженные пращами. Термин встречается один раз в «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, XII B, 20). См. примечание № 251.

[573] *Менавлаты* — разновидность тяжелой пехоты, появившаяся в составе византийских вооруженных сил с середины X в. В каждой таксиархии насчитывалось около 100 *менавлатов*. Они имели на вооружении длинные (до 4,5 м) копья с железными наконечниками и использовались для отражения атак вражеской кавалерии, располагаясь в первой линии пехотного строя. См.: *Kolias*, Waffen; *McGeer*, Warfare.

XXI. Об осаде

Те, которые намереваются взять осажденные города приступом, чтобы тем самым полностью поставить противника на колени, должны предпринимать частые набеги на его землю с применением курсоров[574] и трапезитов, называемых на западе хосариями, а также других конных и пеших сил, чтобы не позволять врагам, угнетенным непрерывным давлением и постоянными угрозами порабощения их самих и захвата их имущества, заниматься в своей стране тем, чем они хотели бы, но чтобы их, полностью подавленных, оказалось бы легко победить. Ведь если в первую очередь не предать огню их виноградники, плодоносящие деревья и посевы и не захватить их живность, так чтобы из-за голода они стали скитальцами и беженцами, очень трудно добиться успеха в осаде сильных городов, имеющих в изобилии продовольствие и множество боевых сил. У того, кто не предусмотрит подобных мер против них, но попытается легко взять вражескую твердыню с бою, нападение на них окажется тщетным.

Обрекая на нужду врагов, следует одновременно обеспечить бесперебойное снабжение собственного

[571] *Курсоры* — здесь: отряды легкой кавалерии, равнозначные *хосариям* и *трапезитам* (см. примечания №№ 172, 246 и 426). В «Стратегиконе Маврикия» (Strategicon, I, 3; III, 5–6 etc.) и «Тактике Льва» (TL, XII, 27, 78–79 etc.) термин *курсоры* употреблен в своем исходном значении: так назывались передовые отряды боевого построения, завязывающие сражение. О различных значениях термина *курсоры* см.: *Литаврин*, Кекавмен; *Dagron*, Traité.

войска всем необходимым. Если, предположим, мы намерены вторгнуться в землю агарян[575], продовольственные припасы которой истощены вследствие частых опустошений, так что этих припасов недостаточно в неприятельской земле, а войско, в свою очередь, не в состоянии нести из собственной страны запас ячменя для своих вьючных животных больше чем на двадцать четыре дня, и при этом города, которые мы задумали осаждать, многолюдны и имеют продовольствие на длительное время, голод может заставить снять осаду, если войску не будет доставляться все необходимое из ромейской земли. И если уж в земле агарян, плодородной и столь обильной нивами, невозможно задержаться на длительное время и успешно завершить что-либо достопамятное без снабжения войска из собственной земли, то еще более это относится к земле болгар, где существует всеобщая нехватка необходимых средств, особенно ячменя. Поэтому если все необходимое не будет доставляться войску из нашей земли, оно возвратится домой, ничего не добившись, и то, чего не сможет достичь большая неприступность и мощная сила врагов, осуществит нехватка ресурсов и заставит снять осаду.

Поэтому необходимо нашим людям овладеть некоторыми клисурами, чтобы через них смогли пройти мулы и другие вьючные животные, доставляющие армии продовольствие, а если возможно, то и теле-

[575] *Агаряне* — одно из наименований, даваемых византийцами мусульманам (в частности, арабам). См. примечания №№ 219 и 300.

ги, а другие пешие и конные подразделения, сопровождающие их в пути, в свою очередь, пусть защитят их, если возникнет угроза, так чтобы войско, имея вдоволь продовольствия, своим упорством и стойкостью добилось, с Божьей помощью, успешного осуществления всего задуманного.

Перед тем как армия намерена начать осаду, следует заранее выслать вперед за три или четыре дня, желательно в тайне от неприятелей, часть войска под командованием мужественного стратига для нападений с целью пленения людей и захвата скота, чтобы от захваченных пленников узнавать о замыслах врагов и сеять среди них страх. И пока они не будут обнаружены врагами, пусть они там остаются; если возникнет опасность, пусть возвратятся, идя навстречу войску. Пусть наш священный император, вступив во вражескую землю, совершает марш в том порядке, который нами установлен. Когда он приблизится к городу, который планируется осаждать, он должен стать лагерем на расстоянии шести миль от города. Пусть он вышлет вперед одну небольшую по численности кавалерийскую таксию, а позади нее поставит засады из других кавалерийских таксий. Если окажется, что на подступах к городу будут расположены угодья, виноградники и сады, они должны быть вырублены, выкорчеваны и преданы огню, и когда враги, потрясенные печальной участью своего добра, совершат вылазку и вступят в сражение, чтобы отбросить тех, кто их разорил, последние, изображая притворное бегство, будут увлекать за собой врагов до тех пор, пока они не наткнутся на приго-

товленную засаду. Мы предписываем это сделать, чтобы заранее испытать боевые силы, находящиеся внутри города, и проверить, каковы их стойкость и мощь, и если в результате такой проверки будет совершенно точно установлено, что они испытывают нехватку в людях, можно будет уверенно приступать к осаде.

После такой проверки наш священный император, взяв с собой отборных и хорошо вооруженных людей из всех кавалерийских таксий, должен выйти для осмотра (будущего штурмового) лагеря и города; обойдя вокруг, осмотрев и определив каждому в письменной форме предназначенное ему место в лагере и при штурме, пусть он вернется туда, где находится его (первый) лагерь. Утром следующего дня наш священный император должен приказать кавалерийским и пехотным таксиям в полном вооружении, при соблюдении строгого порядка и дисциплины, подступить к городу, чтобы враги потеряли мужество, напуганные одним лишь их видом. Против всех ворот города следует поставить таксии, достаточные для предотвращения того, чтобы прислуга внезапно не утратила порядок в условиях, когда каждый из них будет думать только о собственной участи, если враги, совершив вылазку из города, приведут их в замешательство.

Каждому должно быть предписано разместиться в предназначенном ему месте, но императорский шатер, подобно тому как и в другом месте он разворачивается, должен занять наиболее укрепленную и возвышенную позицию. Внутренний вал должен

быть удален от стены города приблизительно на два полета стрелы или более, чтобы его не смогли достигнуть не только стрелы, выпускаемые из лука, но и метательные снаряды из петробол[576]; но это расстояние не должно быть и больше необходимого, чтобы враги не получили возможность, когда лагерь расположен вдалеке, совершив вылазку из ворот, сжечь и разрушить осадные приспособления. Если же расстояние будет оптимальным, то и армия будет оставаться в безопасности, и при необходимости стратиоты, выйдя из палаток, смогут быстро прийти на помощь осадным механизмам и людям, которые их охраняют.

С наружной стороны лагеря следует выкопать ров, чтобы войско имело надежную двойную защиту. Если предполагается, что осада окажется затяжной, то к мерам защиты войска следует добавить и стену. Если армия намерена разместиться так, чтобы охватить городскую стену, надлежит придать лагерю форму не четырехугольного, но более округлого расположения, имея возможность при необходимости растягивать или рассредоточивать армию, так чтобы в город не смогли войти боевые части для оказания помощи осажденным, если бы они этого захоте-

[576] *Петроболы* — осадные метательные орудия (преимущественно камнеметные). Известны с глубокой древности (названы, в частности, еще в трактате Энея Тактика) и упоминаются практически всеми более ранними военными авторами. См.: *Дильс Г.* Античная техника. М.; Л., 1934; *Марк Витрувий Поллион.* Об архитектуре. Л., 1936 (книга X); Эллинистическая техника. М.; Л., 1948 (отдел 4).

ли, и чтобы находящиеся внутри не могли получать провизию или известия или же передавать сообщения своим, а кроме того, чтобы осада осуществлялась не с одной стороны или с двух, но отовсюду, так чтобы враги, вынужденные отвлекаться к каждой стороне и противостоять во всех направлениях, разделились и рассредоточились, а вследствие этого оказались бы ослабленными и легкоодолимыми. Если к стене города с той или иной стороны вплотную примыкают заболоченные низины или же гора, лагерь должен быть сооружен лишь в подобающем безопасном месте. Осадные приспособления следует соорудить энергично и в сжатые сроки, чтобы возникающая из-за этого потеря времени не приводила к напрасным расходам провизии.

XXII. О том, как нужно охранять людей, посланных собирать провизию и пасти лошадей

На каждый день должны быть выделены вооруженные отряды для охраны людей, вышедших собирать фураж и пасти лошадей. Они должны пасти скот на местах хорошо обозреваемых, а не заросших кустарником и лесистых, чтобы враги, притаившиеся в таких лесистых местах, внезапно не причинили бы им вред. Архонты указанных отрядов должны иметь при себе опытных дукаторов, знающих дороги, по которым наиболее вероятен подход врагов, и надежно их охранять. Должны быть также размещены и

виглы в подходящих пунктах, из которых они могут держать под наблюдением большое окрестное пространство. С заходом солнца все они должны возвратиться в лагерь. После их возвращения должен, как обычно, приступить к службе личный состав вигл, которые выделяются от всего войска.

XXIII. О том, как нужно отогнать врагов, которые опередили и установили засады против людей, выходящих для сбора провизии

Если император узнал, что неприятели опередили и установили засады против людей, выходящих собирать провизию и пасти лошадей, ночью вместе с охранными отрядами, которые отправляются обычно, следует отрядить и другое боевое подразделение кавалерии, возглавляемое достойным командиром, мужественным и опытным, и приказать ему, пока еще не стемнеет, разделить своих людей надвое и установить две засады, одну впереди, а другую сзади. И когда неприятели нападут на людей, собирающих провизию или пасущих лошадей, бойцы передней засады совершат стремительную вылазку и энергично ударят по ним. Задний лох[577], выступив из засады, должен следовать за ними, сохраняя порядок, пока от захваченных пленных не станет точно известно, что

[577] *Лох* — здесь: отряд, предназначенный для размещения в засаде. См.: *Dagron*, Traité.

другие вражеские части не укрыты в засаде, и после надежного подтверждения этого надлежит обрушиться на врагов всеми силами, пока с помощью Христа они не будут полностью уничтожены.

Если же неприятели, по причине их малочисленности и робости, не склонны к сражению, тогда нужно к слугам, собирающим провизию, присоединить некоторых бойцов, облаченных в одежду слуг, чтобы под ней они спрятали свое оружие, и пусть они вместе со слугами будут направлены в намеченные места и будут поставлены с той стороны, о которой известно, что оттуда враги могут напасть. Охранные отряды должны быть размещены в укрытии вблизи этих мест, и когда враги, обманутые подобной видимостью, выйдут, чтобы их захватить, стратиоты, смешанные со слугами, вступят в бой с врагами и на некоторое время задержат их, после чего выступят засадные отряды и завершат дело столь успешно, как это было задумано.

XXIV. О том, как действовать, если станет известно, что вражеские предводители втайне готовят козни против стана армии или слуг, посланных собирать провизию

Если император узнает, что предводители врагов намереваются тайно и неожиданно напасть на стан армии или причинить вред слугам, собирающим провизию, наш священный император, выделив значи-

тельное количество лохов из кавалерийских таксий, должен отойти вместе с ними и укрыться в подходящем месте. Когда завяжется бой и разгорится напряженное сражение и когда он увидит, что враги одерживают верх, ему следует оказать помощь потесненным и ослабевшим, подойдя с тыла самому в полной боевой готовности. И если подошедшие части разумно и мужественно вступят в сражение, они Божьей милостью одолеют врагов. Однако ни нашему священному императору, ни другим армейским архонтам не следует во время осады бросаться в преследование слишком далеко и разрушать свой боевой порядок без крайней необходимости, разве что если бы враги, имея перевес сил и превосходя оставленные таксии, стремительно не напали бы на них. В тех случаях, когда враги атакуют снаружи, осадная операция пусть будет приостановлена, при условии что лагерь и осадная техника будут надежно защищены дополнительными силами.

XXV. О том, как нужно атаковать лагерь врагов ночью

Если осажденные враги поддерживаются извне своими соплеменниками и благодаря этому остаются неуязвимыми вопреки нашим стараниям, необходимо через пленных, катаскопов или перебежчиков узнать, в каком месте эти соплеменники располагаются и каковы их силы. Если они не очень далеко от нашего войска, а на расстоянии не больше одного

дневного перехода, так что есть возможность, начав марш вечером, до рассвета достичь их лагеря, тогда император, выделив значительные силы кавалеристов, превосходящие те, которые имеются у врагов, и взяв с собой пехотные части аконтистов и токсотов и некоторых из оплитов, имеющих лучших вьючных лошадей, а также верховых росов, — оставив, конечно, на защиту собственного лагеря от врагов достаточное войско, — должен выступить в сопровождении опытных дукаторов, так чтобы никто, за исключением его советников, не знал, куда он направляется. К тому же следует идти на врагов не беспорядочно и не как придется, но пусть каждая таксия следует одна за другой строем и соблюдая тишину, причем пехотное войско пусть следует позади всех кавалерийских таксий, а кавалеристы пусть идут вместе с росами, и если они перед рассветом атакуют врагов, застигнутых врасплох, они с помощью Божьей завершат великое дело. Даже если враги, будучи настороже, вступят в сражение, они, оказавшись слабее, потерпят поражение, если Бог не допустит, чтобы с нашей стороны случился какой-либо промах.

Опасаясь неожиданных ударов неприятелей, не следует позволять войску в беспорядке нападать на их обозное имущество, чтобы враги не обрушились на наших людей, рассеявшихся по этой причине, по аналогии с тем, что обычно делается против них, когда они пытаются причинить вред войску в наших собственных лагерях. Позаботившись в первую очередь об уничтожении врагов в сражении, будет легко в конце концов овладеть и всем тем, что им принадлежит.

Если они обратятся в бегство, нужно преследовать их не безрассудно, но с мерами предосторожности и со знанием опыта. И когда они будут настигнуты, необходимо их, исключая захваченных в плен, энергично преследовать и с Божьей помощью нанести им максимальное поражение. Если они нашли убежище в горной или какой-либо другой укрепленной местности, то дождавшись подхода пехоты и выстроив в боевой порядок как ее, так и кавалерию, насколько позволит местность, следует вступить с врагами в решительное сражение. Если там окажутся правители вражеского народа, недопустимо позволить им уйти, а если потребуется, следует переместить сюда и остальное войско, чтобы оно оказалось здесь, и не давать врагам пощады до тех пор, пока они либо не смогут, бросив лошадей, пешком спастись бегством через горы, либо не будут захвачены с бою.

XXVI. О возможном методе выманивания осажденных наружу и причинения им вреда

Против людей в городе возможно предпринимать некоторые меры, которые и мы сами, и многие другие многократно наблюдали. Ночью в палатках, расположенных против ворот города, следует укрыть достаточные силы пехотинцев, каждый из которых должен иметь при себе необходимое вооружение. Их командиры должны превосходить других архонтов большей опытностью и здравомыслием. В добавление к ним следует разместить засады из кавалерис-

тов в надлежащих местах, поставив и во главе их командиров из числа лучших и отборных; после этого следует создать видимость ухода из лагеря, чтобы враги, находящиеся внутри города, подумали, что оставлены лишь люди, которые намерены пасти лошадей, чтобы лагерь для обмана врагов был показан пустым и покинутым боевыми силами, но чтобы были видны слуги, которые, как и следует, добросовестно исполняют свою службу. После отвода боевых сил от города их следует расположить в скрытом месте и выставить виглы, чтобы тщательно наблюдать за происходящим. Поскольку осажденные подумают, что наши боевые силы уклоняются от сражения, то после их отхода враги, вероятнее всего, совершат вылазку из ворот с целью нападения на осадные приспособления, чтобы их разрушить и сжечь. Если это случится, люди, охраняющие их, пусть симулируют бегство в лагерь, но несмотря на то, что и враги дерзнут в него войти, пусть воины, укрытые в палатках, терпеливо выжидают, пока враги не начнут уносить награбленное. В этот момент пусть стремительно ударят и засадные отряды кавалерии, блокировав ворота и отрезав врагов вне города, и пусть пехотинцы, покинув палатки, завяжут рукопашное сражение, и если командиры будут правильно и точно соблюдать именно то расположение, которое им определено, и не допустят, чтобы некоторые люди выскочили раньше времени, из-за чего враги легко обнаружили бы засады, — тогда Божьей милостью это достопамятное дело будет благополуч-

но завершено. Ведь как уже сказано, и нам самим, и многим другим известно, что таким способом не только наносилось сильное поражение врагам, но порою и крепости захватывались без боя.

Если же ожидается подход больших вражеских сил, следует отойти от осажденного города, выстроиться в боевом порядке на значительном удалении от него в подходящем месте и здесь быть готовым к сражению с врагами.

XXVII. О штурме

После того как мы, начав говорить об осаде, повели речь о другом, мы вновь, по мере возможности, обратимся к ней. Осада или штурм требуют применения многих способов и средств. Должны быть произведены подкопы под землей, сооружены тараны, «черепахи»[578], упомянутые ранее петроболы, деревянные башни и лестницы, нагромождены холмообразные земляные насыпи и подготовлены другие осадные механизмы и необходимые приспособления, о которых очень изобретательно рассказали древние в своих сочинениях, превосходно и с большой пользой описав множество подобных изобретений. По этой причине мы, избегая избытка слов и описаний, считаем нецелесообразным говорить о них в деталях.

[578] *«Черепаха»* — осадное орудие в виде подвижного защитного навеса, известное с глубокой древности. См. литературу в примечание № 575.

Каждый командир должен осаждать участок, расположенный напротив той позиции, которую он занимает в лагере; кроме того, наиболее мощные из осадных машин следует подвести против наиболее уязвимого участка стены с самой легкодоступной стороны вражеского укрепления, и там же должны находиться самые лучшие боевые силы и самые опытные командиры. Штурм всей стены города не следует прекращать ни ночью, ни днем, до тех пор пока осажденные, ослабленные и измученные непрерывностью и силой боевого воздействия, израненные и неспособные противостоять всем невзгодам либо, сохраняя надежду на свое спасение, не подчинятся добровольно, связав себя данным обещанием, либо, исчерпав все силы, не будут разбиты по закону войны и окажутся под властью императора.

XXVIII. О том, как нужно тренировать армию

Мы предали забвению заветы древних о необходимости тренировки и поименного учета армии, в то время как это необходимо и очень полезно. Следует тренировать не только армию в целом, но необходимо также упражнять каждого стратиота в отдельности, обучая его искусно владеть оружием, чтобы во время войны мужество, сочетаясь с опытом и техникой владения оружием, делали бы его непобедимым. Следовательно, тренировки и забота об оружии являются необходимостью. Ведь многократно древние

ромеи и эллины силами небольшого, но тренированного и опытного войска обращали в бегство многотысячные армии.

То, что стратиоты остаются дома и бездействуют, не тренируются и не выступают в поход в положенное время, низводит их в разряд торговцев и обыкновенных земледельцев. Продавая боевое снаряжение и лучших лошадей, они покупают быков и все остальное, что необходимо для возделывания земли, и, приучаясь мало-помалу к праздности, все более предаются ей и предпочитают беспечность и беззаботность тем борениям и трудам, которые уготованы христианам. И если возникнет необходимость вывести армию навстречу врагам — а подобная судьба нависает над ромеями постоянно, — не отыщется ни одного, умеющего делать дело стратиота. Ибо праздность и отсутствие тренировки превращают их в людей, полностью лишенных мужества и слабых, тогда как занятие такими тренировками сделает их отважными и придаст много новых сил. Это наглядно проявляется на примере тех, которые поселены на окраинах Ромейской империи и соседствуют с неприятелями. Ведь постоянные и непрерывные нападения врагов формируют в них дополнительные силы и благородство. С учетом постоянной тренировки и в соответствии со славными древними обычаями ромеев следует обезопасить как личность, так и имущество военнообязанных от всяческих посягательств, и надлежит высоко чтить их предназначение быть защитниками христиан и не допускать их унижения, а тем более притеснения со стороны не-

которых сборщиков податей. Ибо честь и свобода побуждают их быть отважными, презирающими даже смерть, и храбро сражаться за нашего священного императора и свое отечество, тогда как, напротив, если они несут убытки, подвергаются пренебрежению и унижению, это предрасполагает их к нерадивости, малодушию и робости.

XXIX. О поименных воинских реестрах

Всеобщий поименный воинский реестр играет немаловажную роль в обеспечении безопасности и организационной структуры всех вооруженных сил, и это было очевидно для древних стратигов, поэтому они немало заботились о таких реестрах.

Итак, перед вступлением во вражескую землю вся армия должна быть проинспектирована приближенными и доверенными людьми нашего священного императора, чтобы они сообщили его священному величеству, сколько людей прибыло для участия в походе, сколько осталось дома, сколько дезертировало, и кроме того — которые из них были освобождены на законном основании вследствие немощи, которые умерли, а которые содержат коней и все воинское снаряжение в хорошем состоянии. Не нужно оставлять без внимания ни одного, но необходимо знать тех, которые упорно трудятся, тех, которые собственную праздность ставят выше общих интересов, и особенно тех, которые вообще презрели службу. И не следует подходить с одной мерой к погиб-

шим и пленным и к тем, которые предались праздности и безделью, но каждому пусть воздастся по делам его: одних пусть ждет вознаграждение, других — возмездие, предусмотренное законом. Те же, которые оставили свою службу вследствие немощи, пусть будут полностью свободны от обвинения, поскольку это произошло не по их выбору, а против их воли.

Если будет обеспечена надлежащая точность поименных реестров, то военнообязанные не отважатся уклониться от участия в походе. Однако вследствие небрежности (ведения) подобных реестров случается так, что некоторые остаются дома, не опасаясь последствий, но позднее, когда армия уже вступит во вражескую землю, они, вынужденные идти после всех и преодолевать опустошенную местность в одиночестве, находят свою конечную погибель. Мы ведь знаем немало стратигов, которым вместе с их войсками враги причиняли подобным образом значительный вред в клисурах.

Когда войско, возвращаясь, оказывается в собственной земле, следует опять осуществить инспектирование, чтобы никто не отважился оставить службу без императорского распоряжения, но пусть все продолжают ее нести под началом собственных архонтов до окончательного увольнения, и если некоторые каким-то образом избежали первого инспектирования, поскольку прибыли после него, пусть они будут учтены в ходе заключительного смотра. Короче говоря, если это не будет сделано, за немалым вредом последует еще больший. Ведь если стратиоты уйдут раньше времени, заботясь только о собствен-

ных интересах, они бросят в беде нашего священного императора и своих архонтов. Ибо по их вине враги, следующие по пятам, увидев, что войско уменьшилось, смогут нанести ему большое поражение и захватить много пленных.

XXX. Об обучении войска сооружать лагерь и совершать марш в установленном порядке, когда оно еще находится в собственной земле

Еще до вступления на вражескую территорию необходимо обучить войско разбивать лагерь, и когда оно находится еще в собственной стране, пусть лагерь будет разбит три или четыре раза в надлежащем порядке, и пусть будет полностью соблюдена необходимая тщательность, чтобы каждый, приученный к установленным местам, мог безопасно расположиться лагерем во вражеской земле; то же самое следует сделать, обучая порядку совершения марша, когда армия еще движется по своей территории, чтобы она, приученная совершать марш организованно и в полном порядке, в неприятельской земле сохраняла бы требуемую дисциплину на еще более высоком уровне, оберегаясь от всевозможных козней врагов.

XXXI. О необходимости сменять таксии, несущие службу в саке, по причине ее многотрудности, но с сохранением в должности архонта, если это возможно

Поскольку архонт саки и таксии, которые назначены для несения в ней службы, выполняют обязанности более тяжкие и утомительные по сравнению с другими, следует периодически сменять таксии, оставляя на этой службе стратига, если он успешно справляется с нею, чтобы он, опираясь на большой опыт, накопленный в процессе долгого служения, продолжал успешно исполнять эту общественно-полезную обязанность, пока в конце концов она не станет для него непосильной вследствие его недуга или перенапряжения. Тогда вместо него эту службу следует доверить другому опытному и компетентному человеку.

Так называемые монопросопы[579] во время вступления в неприятельскую землю везут вооружение и все остальные осадные средства; при выходе же, поскольку большая часть боеприпасов и остального снаряжения и вооружения уже будет израсходована, их следует разделить на три части, и первую следует определить для транспортировки оставшегося

[579] *Монопросопы* — по предположению Дж. Дэнниса (*Dennis*, De castr. P. 325, n. 1), здесь имеются в виду дополнительные (сверхнормативные) гужевые средства (лошади, повозки), используемые для транспортировки войскового имущества.

вооружения, вторую — для обеспечения нужд всех монопросопов, а оставшихся придать саке, чтобы они перевозили и пострадавших, и тех, которые из-за немощи могли бы отстать, и тех, которые, потеряв своих вьючных животных, оказались не в состоянии идти пешком самостоятельно, — причем перевозили не только их самих, но и их поклажу.

XXXII. О предстоящих служебных поручениях: о том, что следует их оформить заблаговременно и за день о них распорядиться

Необходимые служебные поручения для армии, которые надлежит исполнять на следующий день, — например, какие люди будут направлены в рейд или будут охранять тех, которые выйдут за провизией, и все другие поручения, о многих из которых мы говорили ранее, — должны быть оформлены за день до этого дня после соответствующего обсуждения и согласования. Следует оповестить людей, которым предстоит выполнять каждое поручение, и приказать им в письменном виде находиться в состоянии готовности к надлежащему времени, чтобы не упустить это время из-за беспечности и оставить невыполненными обязательные поручения, которые, если подходящее время окажется упущенным, будет невозможно исполнить должным образом. Если же, паче чаяния, распоряжения и поручения неожиданно окажутся противоречащими друг другу, следует разгра-

ничить их по времени исполнения и по содержанию и привести в соответствие друг с другом.

Мы хотели бы также рассказать и о наступательных рейдах — о том, как нужно их осуществлять в землю агарян, — и изложить необходимый и требуемый способ опустошения этой земли, но поскольку многословие способно породить неблагоприятное впечатление и поскольку большинство стратигов имеют немалый опыт в подобных делах, мы обошли эту тему, полагая излишним описывать то, что многим уже известно.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ — Античная древность и Средние века
ВВ — Византийский временник
ВДИ — Вестник древней истории
ВО — Византийский очерки
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВРИ — Зборник Радова Византолошког института
ИАН — Императорская Академия наук
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
УЗ — Ученые записки
BCH — Bulletin de la Correspondances Hellènique
BNgJb — Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
BS — Byzantinoslavica
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CSHB — Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ — Επετερὶς Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
JÖB — Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
PG — Patrologiae cursus completus. Series Graeca

REA — Revue des Études Anciennes
REB — Revue des Études Byzantines
RESEE — Revue des Études Sud-Est Européennes
RH — Revue Historique
TM — Travaux et Mémoires

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander (Works). With an English translation by membre of the Illinois Greek Club. London; New York, 1923.

Arriani Tactica et Mauricii Artis militaris libri duodecim. Graece primus edit, versione latina notisque illustrat J. Schefferus. Upsaliae, 1664.

Das Strategikon des Maurikios. Ed. G. T. Dennis — E. Gamillscheg. Wien, 1981.

Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // Griechische Kriegsschriftsteller. Griechisch und Deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen von H. Köchly und W. Rüstow. 2. Theil: Die Taktiker. 2. Abteilung. Leipzig, 1855.

Frontin. Kriegslisten. Ed. G. Bendz. Berlin, 1963.

Incerti scriptoris byzantini saeculi X Liber de re militari. Rec. R. Vari. Lipsiae, 1901.

Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on Imperial Military Expeditions. Introduction, Edition, Translation and Commentary by J. F. Haldon. Wien, 1990.

Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem et liber De velitatione bellica Nicephori Augusti. Ed. C. B. Hase // CSHB. Pars XI. Bonnae, 1828.

Leonis Imperatoris Tactica // PG. 1863. 107.

Le traité sur la guérilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963–969). Ed. G. Dagron et H. Mihâescu. Paris, 1986.

Three Byzantine Military Treatises. Ed. G. T. Dennis. Washington, 1985.

Вегеций Флавий Ренат. Краткое изложение военного дела // ВДИ. 1940. 1.

Византийская книга эпарха. Вступительная статья, перевод, комментарий М. Я. Сюзюмова. М., 1962.

Витрувий Марк Поллион. Об архитектуре. 10 книг. Перевод с латинского Г. П. Полякова, Н. Ф. Дератини, А. В. Мишулина. Редакция и введение А. В. Мишулина. Л., 1936.

Две византийские хроники X века. М., 1959.

Дигенис Акрит. Перевод, статьи и комментарии А. Я. Сыркина. М., 1960.

История Льва Дьякона Калойского и другие сочинения византийских писателей, переведенные с греческого на российский язык Д. Поповым. СПб, 1820.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий под редакцией Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989.

Ксенофонт. Киропедия. Издание подготовили В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. М., 1976.

Лев Диакон. История. Перевод М. М. Копыленко. Статья М. Я. Сюзюмова. Комментарий М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Ответственный редактор Г. Г. Литаврин. М., 1988.

Михаил Пселл. Хронография. Перевод, статья и примечания Я. Н. Любарского. М., 1978.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Издание подготовил Я. Н. Любарский. СПб., 1992.

Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI века. Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972.

Стратегика императора Никифора. Издал Ю. Кулаковский. Записки ИАН. 1908. Том 8. № 9.

Фронтин Секст Юлий. Стратегемы. Перевод А. Рановича // ВДИ. 1946. 1.

Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965.

Эней Тактик. О перенесении осады. Перевод и вступительная статья В. Ф. Беляева // ВДИ. 1965. 1–2.

ЛИТЕРАТУРА

Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe–XIe siècles // BCH. 1960. 84.

Ahrweiler H. L'Asie Mineure et les invasions arabes // RH. 1962. 227. 1.

Ahrweiler H. La frontière et les frontières de Byzance en Orient // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Bucarest, 1974.

Ahrweiler H. Un discours inédit de Constantin VII Porphyrogénète // TM. 1967. 2.

Bréhier L. L'origine des titres impériaux à Byzance // BZ. 1906. 15.

Bréhier L. Les institutions de l'Empire Byzantin. Paris, 1949.

Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century, with a revised edition of the Kletorologion of Philotheos. London, 1911.

Canard M. Histoire de la dynastie des Hamdanides. Paris, 1953.

Canard M. Les relations politiques et sociales entre Byzance et les Arabes // DOP. 1964. 18.

Canard M. Sur deux termes militaires byzantins d'origine orientale // Byz. 1970. 40.

Cheynet J.-C. Note sur l'axiarque et le taxiarque // REB. 1986. 44.

Dain A. La «Tactique» de Nicéphore Ouranos. Paris, 1937.

Dain A. «Touldos» et «Touldon» dans les traités militaires // Mélanges H. Grégoire. II. Bruxelles, 1950.

Dain A. Le partage de butin de guerre d'après les traités juridiques et militaires // Actes du VIe Congrès international des Études byzantines. V. I. Paris, 1950.

Dain A. Σάκα dans les traités militaires // BZ. 1951. 44.

Dain A. Les stratégistes byzantins // TM. 1967. 2.

Dölger F. Beitrage zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders 10. und 11. Jahrhunderts. München, 1927.

Dölger F. Das ἀερικόν // BZ. 1929–1930. 30.

Domaszewski A. Die Fahnen im römishen Heere. Wien, 1885.

Ebersolt J. Fonctions et dignités du vestiarium byzantin // Mélanges Charles Diehl. Paris, 1930.

Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899.

Grosse R. Das römisch-byzantinische Marschlager vom 4.–10. Jarhundert // BZ. 1913. 22.

Guilland R. Contribution à l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Le drongaire et le grand drongaire de la Veile // BZ. 1950. 43.

Guilland R. Etudes sur l'histoire administrative de Byzance. Le domestique des scholes // REB. 1951. 8.

Guilland R. Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Les titres désignant le commandant en chef des armées byzantines // ΕΕΒΣ. 1959. 29.

Guilland R. Recherches sur les institutions byzantints. Vol. 1–2. Berlin; Amsterdam, 1967.

Guilland R. Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Les logophètes // REB. 1971. 29.

Guilland R. Titres et fonctions de l'Empire byzantin. London, 1976.

Haldon J. F. Some Aspects of Byzantine Military Technology from the Sixth to the Tenth Centuries // Byzantine and Modern Greek Studies. I. Oxford, 1975.

Haldon J. F. Recruitment and Conscription in the Byzantine Army c. 550–950: A Study on the Origins of the Stratiotika Ktemata. Wien, 1979.

Haldon J. F. Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580–900. Bonn, 1984.

Haldon J. F.; Kennedy H. The Arab-Byzantine Frontier in the Eighth and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands // ЗРВИ. 1980. 19.

Hendy M. F. Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450. Cambridge, 1985.

Honigmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071. Bruxelles, 1935.

Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung. München; Leipzig, 1889.

Karayannopulos J. Die Entstehung der byzantinischen Themenverfassung. München, 1959.

Karayannopulos J. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958.

Karlin-Heyter P. L'Heteriarque. L'évolution de son rôle du De Ceremoniis au Traité des Offices // JÖB. 1974. 23.

Kirsten E. Die byzantinische Stadt // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinischen Congress. T. III. München, 1958.

Kolias G. Περὶ απλήκτου // ΕΕΒΣ. 1941. 17.

Kolias T. G. Byzantinische Waffen. Wien, 1988.

Kühn H.-J. Die byzantinische Armee im 10. und 11. Jahrhundert. Studien zur Organisation der Tagmata. Wien, 1992.

Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes // RH. 1958. 220.

Lemerle P. «Roga» et rente d'état aux Xe–XIe siècles // REB. 1967. 25.

McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, 1995.

Mihăescu H. Les éléments latins des «Tactica-Strategica» de Maurice-Urbicius et leur écho en néo-grec // RESEE. 1968. 6.

Moravcsik Gy. La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise // Acta Historica Academie Scientiarum Hungaricae. 1951–1952. I. Fasc. 1–3.

Oikonomidès N. Un taktikon inédit du XIIe siècle // Actes du XIIe Congrès international des Études byzantines. Vol. II. Beograd, 1964.

Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe–Xe siècles. Paris, 1972.

Oikonomidès N. L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe–XIe siècles et la Taktikon de l'Escorial // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Bucarest, 1974.

Ostrogorsky G. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1927. 20.

Острогорскій Г. Автократор и самодржац // Глас Српске Академије Наука. 1935. 164.

Ostrogorsky G. Pour l'histoire de féodalité byzantine // Corpus Bruxellense Histoire Byzantinae. Subsidia I. Bruxelles, 1954.

Pertusi A. La formation des thèmes byzantins. München, 1958.

Pertusi A. Tra storia e leggenda: Akritai e Ghâzi sulla frontiera occidentale di Bisanzio // Actes du XIVe Congrès international des Études byzantines. Vol. 1. Bucarest, 1974.

Rambaud A. L'Empire grec au dixème siècle. Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870.

Reichenkron G. Zur römischen Kommandosprache bei byzantinischen Schriftstellern // BZ. 1961. 54.

Rösch G. Ὄνομα βασιλείας. Studien zum officiellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantiner Zeit. Wien, 1978.

Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970.

Schlumberger G. Un empereur byzantin au dixième siècle. Nicéphore Phocas. Paris, 1890.

Schlumberger G. L'epopée byzantine à la fin du Xe siècle. Paris, 1896–1905.

Vari R. Zur Überlieferung mittelgriechischer Taktiker // BZ. 1906. 15.

Vari R. Desiderata der byzantinischen Philologie auf dem Gebiete der mittelgriechischen kriegswissenschaftlichen Literatur // BNgJb. Athen, 1931. Bd. 8. H. 3–4.

Vari R. Sylloge Tacticorum Graecorum // Byz. 1931. 6. Fasc. 1.

Vieillefond J.-R. Les pratiques religioses dans l'armée byzantine d'après les traités militaires // REA. 1935. XXVII. Fasc. 3.

Weiss G. Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos. München, 1973.

Winkelmann F. Byzantinische Rang- und Ämterstruktur im 8. und 9. Jahrhundert. Berlin, 1985.

Вальденберг В. Ταξίαρχος // ВВ. 1926. 24.

Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1902. Часть 66.

Васильевский В. Г. Советы и рассказы византийского боярина XI в. // ЖМНП. 1881. Часть 215.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947.

Дильс Г. Античная техника. Перевод и примечания М. Е. Сергеенко и П. П. Забаринского. Под редакцией и с предисловием С. И. Ковалева. М.; Л., 1934.

Иванов С. А. Византийско-болгарские отношения в 966–969 гг. // ВВ. 1981. 42.

Каждан А. П. Крестьянские движения в Византии и аграрная политика императоров Македонской династии // ВВ. 1952. 5.

Каждан А. П. Византийская армия в IX–X вв. // УЗ Великолукского пед. института. Вып. 1. Великие Луки, 1954.

Каждан А. П. Деревня и город в Византии (IX–X вв.). М., 1960.

Каждан А. П. Из истории византийской хронографии X века (часть 2) // ВВ. 1961. 20.

Каждан А. П. Византийская культура. М., 1968.

Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.

Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней. Ответственный редактор Г. Г. Литаврин. М., 1987.

Кулаковский Ю. А. Новоизданный византийский трактат по военному делу // ВВ. 1900. 7. Вып. 4.

Кулаковский Ю. А. Друнг и друнгарий // ВВ. 1902. 9. Вып. 1–2.

Кулаковский Ю. А. Византийский лагерь конца X в. // ВВ. 1903. 10. Вып. 1–2.

Кучма В. В. Командный состав и рядовые стратиоты в фемном войске Византии в конце IX–X вв. // ВО. М., 1971.

Кучма В. В. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX–X вв. по «Тактике Льва» // АДСВ. Вып. 9. Свердловск, 1973.

Кучма В. В. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX–X вв. Структура и численность армейских подразделений // Вып. 12. Свердловск, 1975.

Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI–X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. 40.

Кучма В. В. «Византийский Аноним VI в.»: основные проблемы источников и содержания // ВВ. 1980. 41.

Кучма В. В. «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1982. 43.

Кучма В. В. К вопросу о социальной базе византийской военной организации на рубеже VI–VII вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988.

Кучма В. В. Военно-теоретическая мысль // Культура Византии. Том 2. М., 1989.

Кучма В. В. Трактат «De velitatione bellica»: проблемы жанра и основного содержания // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992.

Кучма В. В. К проблеме авторства «De velitatione bellica»: новая гипотеза // ВВ. 1994. 55 (80). Часть 1.

Кучма В. В. Трактат «De velitatione bellica»: историографические судьбы военно-научного сочинения // Российское византиноведение: итоги и перспективы. Тезисы конференции. М., 1994.

Кучма В. В. К вопросу о научно-теоретическом уровне трактата «De velitatione bellica» // BS. 1995. LVI (2).

Кучма В. В. Метод παραδρομή: феномен военной теории и боевой практики X в. // ВО. М., 1996.

Кучма В. В. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция // Средневековое православие от прихода до патриархата. Волгоград, 1997.

Кучма В. В. Обеспечение безопасности византийской армии в военных кампаниях конца X в. // ВВ. 1999. 58 (83).

Кучма В. В. Еще раз о византийском военном лагере конца X в.: некоторые технические характеристики и варианты боевого использования // АДСВ. Вып. 30. Екатеринбург, 1999.

Кучма В. В. Два трактата — один автор? // ВВ. 2000. 59 (84).

Кучма В. В. Теория и практика ведения горной войны по данным византийской полемологии // ВВ. 2001. 60 (85).

Литаврин Г. Г. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.

Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977.

Михневич Н. П. Стратегия. Книга 1. СПб., 1906.

Острогорский Г. Византийский податной устав // Recueil d'études, dédidées à la mémoire de N. P. Kondakov. «Seminarium Kondakovianum». Prague, 1926.

Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

Скабаланович Н. Византийское государство и Церковь в XI в. СПб., 1884.

Успенский Ф. И. Военное устройство Византийской империи // ИРАИК. VI. Вып. 1–3. София, 1900–1901.

Успенский Ф. И. История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М., 1997.

Шилов К. К вопросу о военных реформах Никифора II Фоки и их социальных последствиях // ВВ. 2001. 60 (85).

Эллинистическая техника. Сборник статей под редакцией академика И. И. Толстого. М.; Л., 1948.

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аконтист 128–129, 212, 296, 320–321, 337, 339–340, 342–343, 361, 369, 379
Акрит 130
Аннона 124–125
Архонт 79, 81–82, 89, 106, 121, 125, 136–137, 142, 148, 150, 152–153, 157, 161, 164–165, 167–168, 170, 175, 179, 183–184, 192, 204, 221, 226–227, 229, 250, 254, 257, 262, 269, 280, 304, 311, 322, 328–329, 332, 334, 343, 346–347, 349, 353, 355, 358, 361–363, 365, 375, 378–380, 386–388
Архонтарий 295–296, 299, 328–329
Аэрикон 203

Банда 161, 265, 330–331, 334
«Бессмертные» (атанаты) 184, 325–326, 331

Вередон 165
Вигла 78–79, 119–120, 122–124, 138, 143, 148, 150, 179, 183–184, 289–290, 322, 335, 337–338, 376, 381
Виглатор 120–123, 136, 160–161, 179, 183, 197

Гекатонтарх (кентарх) 135, 332
Гекатонтархия 135

Декарх 321–322
Декархия 321–322, 335
Доместик 24, 113, 117, 207, 330, 360
Друнгарий 82
Друнгарий виглы 331–332
Дука 360

Дукатор 281–282, 328, 342, 347, 354, 359, 361, 364–365, 375, 379

Кантатор 221
Кастрон 123, 141–142, 166, 170–172, 174, 184, 190–191, 206–207, 212, 214–217, 269
Катаскоп 122–123, 125, 140, 281, 334–335, 359–361, 363, 378
Катепан 329, 360
Керкиты 336
Кесарь 30–31, 46, 114–115, 279
Клисура 93, 119, 130, 134–135, 214, 219–220, 223, 260, 273, 310–316, 356, 359, 361, 363, 366–367, 371, 386
Койтонит 327
Комит 161, 328, 330
Комиты-парабантиты 331
Контуберния 322
Курсор 370

Логофет 329
Лох 376, 378

Малартии 350, 362
Манглавит 328
Менавлат 315, 369
Мера 137, 345
Мерарх 137
Минсуратор 88, 172, 174, 291, 322–323, 340
Модий 53, 215
Монокурсы 76, 136
Монопатия 301, 331, 333
Монопросопы 388–389

Оплит 60, 127–129, 184, 296, 315, 319–322, 324, 333, 339–340, 342–343, 361, 369, 379
Оплитарх 336–337, 339
Оргия 237, 265, 287–289, 294, 297, 321–326, 329, 331–332, 335, 338–341

Панфеот 328
Паракимомен 327
Паратаксия 126–127, 129–131, 151–152, 157, 163, 165, 172, 179–180, 186–188, 194–195, 222, 224–226, 228–230, 283–284, 334, 344–345, 348, 367
Патрикий 21, 46, 116–117
Пентарх 322
Пентеконтарх 332
Петробола 269, 374, 382
Плагиофилак 346–347, 349–350, 355
Подокласты 265, 335
Полиоркетика 49, 51, 62, 93, 213, 239, 266

Проксим 328
Протоасикрит 329
Протовестиарий 295–299, 326, 328, 340
Протонотарий 204–205
Псил 60, 129–130, 163, 212, 223, 226–227, 320, 333, 336, 342, 369

Сака 150, 185–186, 223, 229, 284, 346–347, 349, 351–352, 363, 388–389
Синтаксия 355
Ситиресий (опсоний) 202
Стаблокомит 329
Стольник 295–297, 299–300, 326, 341
Стратегема 113–114, 260, 262–264
Стратиг 16, 22, 24, 27, 31, 33–34, 41–42, 48, 52, 57–58, 62, 66, 69, 75–76, 78–79, 81–89, 94–95, 97–99, 102, 106–107, 112–119, 121–124, 126, 132–138, 140–144, 147–153, 155–157, 159–167, 169–186, 188, 190, 192, 196, 198–201, 204–207, 209–212, 214, 217, 219–221, 223, 227–228, 276, 319, 321, 332, 336–337, 347, 360–361, 372, 385–386, 388, 390
Стратилат 137
Стратиот 38, 41, 53, 61, 73, 95–96, 153, 164, 201, 203, 221, 246–247, 249–250, 257, 260, 269, 352, 358, 374, 377, 383–384, 386
Сфендонит (сфентонист) 129, 163, 369

Тагма 161, 169, 184–185, 201, 207, 265, 274, 301, 320, 326, 331, 333–334, 350
Тагма арифмов (вигл) 320, 331
Тагма иканатов 320
Тагма схол 320, 326, 329–331
Тагма экскувитов 320
Таксиарх 323–324, 332, 336, 339, 361
Таксиархия 269, 289, 295–297, 299, 311, 319–320, 323–324, 333, 336, 338–340, 349, 354–355, 362–363
Таксия 127, 163, 187, 220, 223–224, 226–227, 229, 344–351, 354–355, 362–363, 367–369, 372–373, 378–379, 388
Тасинарии 80, 125, 140
Тасинаки 140
Тетрарх 322

Токсот 129, 296, 320–321, 337, 340, 342, 349–350, 361–362, 369, 379
Топотирит 161, 330
Трапезит 80–81, 125, 140, 270, 281, 359, 370
Трибол 237, 259, 265, 269, 288–289, 335
Тулдос (тулдон) 154, 158, 241, 269
Турма 137, 205, 265, 334
Турмарх 48, 82–84, 136–137, 142, 147–149, 151, 161, 170, 175–177, 185–187, 205, 269

Фаланга 335
Фема 31, 34, 63, 69–70, 75–76, 78, 112–113, 115, 119–120, 124, 134, 140, 159, 169, 178, 185, 188, 201, 205, 207, 209–211, 219–220, 228, 265, 301, 320, 331–334, 337, 356, 360
Фламула 269, 323–324
Фоссат 139
Фрурион 362, 364–365
Фулка 145–146, 152, 162, 180, 192, 196–199, 217–218
Фут 287, 325

Харакс 139
Хартуларий 204, 330
Хилиарх 323, 367
Хилиархия 319
Хосарии (хонсарии) 80–81, 125, 269–270, 281, 359, 361, 370

Цистерна 213

«**Ч**ерепаха» 305, 382

Эбдомарий 327
Экспелатор 123–124, 142
Эмир 21–22, 24–25, 69–70, 76, 112, 124, 131, 140–141, 151–152, 172, 187–188
Эпаноклибана 144
Этериарх 325
Этерия 325–326, 328–329, 331

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Агаряне 182, 255–256, 276, 371, 390
Адана 71, 208
Адата 219
Алеппо 21–22, 25, 70, 131, 140, 210
Анатолик 31, 57, 69–70, 116–117, 119, 207, 209, 219, 279
Антиливан 70, 139
Антиохия 70, 117, 139, 210
Арабы 16, 35, 47, 56, 58, 63, 71, 86, 96, 106, 110–111, 117–118, 140, 158–159, 182, 201, 208–209, 254–256, 349, 351, 371
Армяне 53, 80, 124–125, 156

Болгары 106, 251–255, 282, 349, 356, 358, 360, 371

Германикия 219

Дамаск 139
Даута 219

Евфрат 71, 219
Египет 70, 139

Исмаилиты 39, 71, 110, 208

Кайсун 219
Калудия 219
Каппадокия 24, 31, 57, 69–70, 100, 113, 115, 117, 119, 209, 219, 279
Каридиева дорога 71, 209
Келесирия 70, 139
Киликийцы 24, 72, 111, 116, 207, 210
Киликия 48, 69, 111, 139, 208, 219
Кидн (Иеракс) 71, 208

Ливан 70, 139

Ликанд 57, 69–70, 119, 210, 219
Мавриянова дорога 71, 208
Мелитена 219
Мисфея 71, 207–208

Опсикий 207

Палестина 70, 139
Печенеги 254, 349, 360

Романия 72, 111, 133, 141, 210
Романополь 71, 219
Ромеи 24, 38–39, 57–59, 65, 72–73, 86–87, 96, 111, 120, 131, 134, 140, 168–169, 174, 182, 189, 205–206, 208–209, 247, 256–257, 349, 358, 384
Росы 254, 274, 249, 350, 360, 362, 379

Селевкия 22, 70, 119, 219
Сирия 70, 81, 126, 139, 254

Тавр 69, 100, 219
Тарс 115–116
Тарситяне 48, 72, 116, 151, 165, 185, 209
«Турки» 254–256, 349, 351, 360

Финикия 70, 139

Ханзети 219
Харсиан 207

Эллины 257, 349, 358, 384

СОДЕРЖАНИЕ

О БОЕВОМ СОПРОВОЖДЕНИИ
Введение 5
Перевод и комментарий 109

О ЛАГЕРНОМ УСТРОЙСТВЕ
Введение 231
Перевод и комментарий 319

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 390

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 393

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 405

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ 409

Дирекция издательства:
О. Л. Абышко
И. А. Савкин

Художественный редактор:
Е. И. Шиленкова

Редактор:
Л. А. Абышко

Оригинал-макет:
И. А. Смарышева

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»:
193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13
Телефон издательства: (812) 567–2239
Факс: (812) 567–2253
E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 10.08.2001. Подписано в печать 05.11.2001.
Формат $70\times100/_{32}$. 13 п. л. Тираж 1200 экз. Заказ № 4498

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛЕТЕЙЯ»: НОВЫЕ КНИГИ О ГЛАВНОМ

Санкт-Петербургское издательство «Алетейя» существует с 1992 г. (первоначально как редакционно-издательская группа, с марта 1993 г. как самостоятельное предприятие). Его создатели — молодые философы, два выпускника философского факультета С.-Петербургского Университета. Это обстоятельство предопределило выбор названия для издательства (в переводе с языка древнегреческих мыслителей на современный русский «але́тейя» означает «истина», «правдивость», «открытость») и выбор основного направления в деятельности нового издательства: издание и распространение классического наследия, т. е. сохранившихся первоисточников по мировой и отечественной истории, классической литературе, религии, философии, а также издание современных исследований по основным отраслям гуманитарного знания.

Визитная карточка издательства — быстро ставшие известными книжные серии:

- «Античная библиотека» (издается с 1993 г.);
- «Византийская библиотека» (издается с 1996 г.);
- «Памятники религиозно-философской мысли» (издается с 1993 г.);
- «Исследования по истории русской мысли» (издается с 1996 г.);